

Н.Н. Серегин

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

Н.Н. СЕРЕГИН

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(по материалам погребальных комплексов)**

Монография

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

УДК 902.2
ББК 63.444-427
С 325

Научный редактор:
доктор исторических наук **А.А. Тишкин**

Рецензенты:
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;
доктор исторических наук **А.В. Харинский**;
кафедра архелогии и всеобщей истории
Горно-Алтайского государственного университета

С 325 Серегин, Н.Н.

Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) : монография / Н.Н. Серегин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 206 с.
ISBN 978-5-7904-1541-8

В монографии представлен современный опыт реконструкции общественной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Продемонстрированы возможности анализа и социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов, а также корреляции полученных результатов со сведениями из письменных источников.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии и истории, а также на широкий круг исследователей, интересующихся различными аспектами изучения кочевых обществ Азии.

УДК 902.2
ББК 63.444-427

*Монография подготовлена и издана при финансовой поддержке
РГНФ (проект №12-31-01245а2 «Социальная организация
раннесредневековых тюрок Центральной Азии
(по археологическим и письменным источникам)»)*

ISBN 978-5-7904-1541-8

© Серегин Н.Н., 2013
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Изучение социально-политической истории кочевников Евразии уже достаточно давно является вполне самостоятельным направлением исследований. Актуальность и значимость работ в рамках данной тематики определяются целым рядом факторов, среди которых не последнее место занимает специфика развития обществ номадов, резко отличавшихся от более полно изученных государственных образований оседлых земледельцев, а также то влияние, которое кочевники оказали на судьбы значительного количества народов. Номады разных хронологических периодов создали оригинальные социальные и политические системы, в большинстве случаев весьма недолговечные, однако оставившие заметный след в истории.

Одной из наиболее ярких общностей номадов являлись ранне-средневековые тюрки Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Будучи основателями крупнейшей кочевой империи (Великий Тюркский каганат, 551/552–630 гг.), границы которой простирались далеко за пределы обозначенной области, они оказали огромное влияние на этногенетические и историко-культурные процессы, происходившие на огромных территориях. После крушения каганата и периода зависимости от Китая (630–682 гг.) номады сумели возродить империю, просуществовавшую до 744 г., и затем вошли в состав политических объединений уйгуров и кыргызов. Несмотря на относительно недолгую историю, ранне-средневековые тюрки создали яркую культуру и идеологию, а также сложную социальную и политическую систему, ставшую образцом для подражания для многих племен кочевников центрально-азиатского региона.

Данная работа посвящена исследованию социальной истории ранне-средневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Обозначенная тема не является новой. Изучению различных аспектов развития общества ранне-средневековых тюрков посвя-

щена обширная литература. При этом до сих пор все обобщающие работы в указанном направлении базировались на анализе письменных источников – рунических текстов и китайских династийных хроник. Дальнейшая разработка этих документов, безусловно, имеет перспективы, связанные, главным образом, с применением новых методологических подходов к осмыслению путей развития кочевой цивилизации. Однако все же исследовательские возможности в этом направлении серьезным образом ограничены. Поэтому в настоящей работе основой для реконструкции социальной истории раннесредневековых тюрок выступают археологические материалы, наиболее информативными из которых являются погребальные комплексы.

Несмотря на длительную историю изучения и интерпретации археологических памятников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, до сих пор нет единой точки зрения по поводу того, какие именно комплексы могут быть сопоставлены с раннесредневековыми тюрками. Не останавливаясь подробно на имеющихся исследовательских позициях, отметим, что, на наш взгляд, наиболее обоснованным является соотнесение с данной этнополитической общностью массива памятников *тюркской археологической культуры*^{*}, представленных погребениями по обряду ингумации в сопровождении лошади, «поминальными» каменными оградками, изваяниями, «элитными» мемориальными комплексами и др. Большая часть захоронений раннесредневековых тюрок исследована на территории Алтае-Саянского региона. Памятники, раскопанные в этой области, наиболее полно отражают культуру рассматриваемой общности, и именно они стали основой для реконструкции социальной истории кочевников. Для сравнения привлекались комплексы Монголии, Кыргызстана и Казахстана. Кроме того, большое значение в ходе работы имели упомянутые выше письменные источники. Одним из этапов работы стала корреляция результатов социальной интерпретации погребальных комплексов и сведений из рунических текстов и китайских династийных хроник, что позволило существенно расширить выводы и наблюдения в области реконструкции структуры и организации общества раннесредневековых тюрок.

Общие хронологические рамки исследования определяются периодом существования археологической культуры раннесредне-

^{*} В качестве основы в монографии принята схема развития тюркской культуры, разработанная А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым (2002; 2005, с. 161–163).

вековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (2-я половина V – XI вв.). Детализация конкретных сюжетов социальной истории кочевников основывалась на известных датированных событиях, представленных в письменных источниках.

При подготовке монографии автор учитывал опыт многочисленных предшественников, разработанные ранее концепции и высказанные идеи, что отражено в историографическом разделе, а также в соответствующих главах при рассмотрении конкретных вопросов. Кроме того, при определении программы исследования большое значение имел опыт отечественных и зарубежных специалистов в области социальной интерпретации материалов раскопок археологических комплексов.

Настоящая монография является продолжением целенаправленных исследований различных аспектов археологии и истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Ранее был представлен опыт обобщения материалов раскопок погребальных комплексов кочевников рассматриваемой общности (Серегин Н.Н., 2008–2013). Результаты этой работы позволили перейти к реконструкции социальной истории раннесредневековых тюрок.

Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю д.и.н. А.А. Тишкину за помощь и консультации в работе над данной темой; д.и.н. В.В. Горбунову – за ценные советы и замечания на разных этапах исследования; кроме того, всем коллегам с кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, а также из других научных центров за доброжелательное отношение и конструктивную критику.

Отдельные слова благодарности – моим родителям за понимание и постоянную поддержку.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Изучение различных аспектов социальной истории кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии древности и средневековья в настоящее время представляет довольно популярное направление исследований. В результате многолетних работ отечественных и зарубежных специалистов в рамках обозначенной тематики накоплена обширная историография. Ее анализ уже стал вполне самостоятельной областью исследований (Васютин С.А., 1998; Социальная структура..., 2005; Дашковский П.К., Васютин С.А., 2009; и др.). На сегодняшний день наиболее подробно проработана специфика общественного устройства объединений скотоводов раннего железного века (Матвеева Н.П., 2000; Крадин Н.Н., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Матренин С.С., 2005а; и мн. др.). Гораздо меньшее количество исследований посвящено рассмотрению социальной истории кочевников раннего средневековья, особенно на основе изучения археологических материалов. Однако, даже учитывая этот момент, детальный анализ истории исследования специфики организации общества тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии требует проведения отдельной работы, что не входит в круг задач настоящей монографии. Поэтому далее представлены лишь ключевые выводы специалистов. Они конкретизированы при рассмотрении конкретных аспектов социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов и реконструкции особенностей организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

1.1. Краткий обзор итогов анализа письменных источников

Реконструкция организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии основывается в большинстве случаев на изучении письменных источников различного происхождения – китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов, сочинений арабских и византийских историков и др. Анализ указанных материалов позволяет сформировать общие представления о социальной истории кочевников, что является важным этапом в ходе проведения палеосоциальных исследований.

Первые наблюдения, связанные с определением специфики социальной дифференциации у средневековых кочевников Центральной Азии и отдельных районов Алтае-Саянского региона, были сделаны в XVIII–XIX вв. Отрывочные сведения о памятниках кочевников Минусинской котловины приводятся в работах немецких исследователей (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997; 2005). К этому же времени относится первый опыт осмысления сведений о восточных тюрках, содержащихся в китайских династийных хрониках (Бернштам А.Н., 1946, с. 22–24). Повышение интереса к изучению различных аспектов истории кочевников раннего средневековья в конце XIX – начале XX в. было в значительной степени связано с дешифровкой тюркской рунической письменности в 1893 г. датским ученым В. Томсеном (Кляшторный С.Г., 1964, с. 6). Имеющиеся знания в области анализа китайских документов давали возможность для более развернутого рассмотрения широкого круга вопросов. Начиная с этого времени наибольший вклад в исследование общественного и политического устройства раннесредневековых кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии вносился отечественными востоковедами, что было обусловлено рядом известных факторов (Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 10).

Большое значение для развития представлений о специфике историко-культурных и социально-экономических процессов в обществе кочевников имели работы В.В. Бартольда, который коснулся ряда проблем изучения восточных тюрок. Исследования по различным вопросам «истории турецких народов Средней Азии» востоковед начал в конце XIX в. В общем виде его концепция изложена в известных лекциях, прочитанных в 1926 г. в Стамбульском университете (Кляшторный С.Г., 1968, с. 10). В.В. Бартольд (1993, с. 4) от-

метил, что важнейшим источником по многим аспектам существования восточных тюрков являются «исторические орхонские надписи». Данное обстоятельство, как справедливо подчеркнул исследователь, выгодно отличает источниковую базу по истории раннесредневековых номадов от кочевых народов предыдущего времени, изучение которых было возможно только на основе анализа китайских династийных хроник. Основываясь на рассмотрении рунических текстов, а также привлекая другие материалы, востоковед сделал несколько замечаний относительно уровня общественно-политического развития тюркских объединений.

В.В. Бартольд (1993, с. 7) подчеркнул, что памятники письменности номадов предоставляют значительный объем информации об устройстве тюркского государства, специфике структуры высших слоев управленческого аппарата, титулатуре и др. При этом исследователь обратил внимание на возможную связь некоторых титулов и должностей с политическими традициями кочевых образований-предшественников тюрков, прежде всего жужаней (Бартольд В.В., 1993, с. 8)*. Востоковед указал, что отличием тюркского государства являлось сосредоточение управления в руках одной династии, а не конкретного лица (Бартольд В.В., 1993, с. 5). При этом консолидация власти, изначально не характерная для обществ скотоводов, могла происходить при определенных обстоятельствах. Важнейшим из них В.В. Бартольд (1993, с. 6–7) считал сословную борьбу между знатью и рядовыми номадами, которая приводит к образованию кочевых государств.

Несмотря на то, что определенный период научной деятельности В.В. Бартольда пришелся на время утверждения и господства новой методологической парадигмы в советской исторической науке, взгляды исследователя не подверглись серьезному влиянию марксизма. По мнению С.Г. Кляшторного (1968, с. 15), это проявилось главным образом в том, что возникновение сословного и иму-

* Как известно, традиция проведения параллелей между центрально-азиатскими кочевыми народами различных исторических периодов имеет давние корни и отмечена еще в трудах китайских хронистов. Впоследствии вопрос о возможном существовании определенной преемственности между тюрками и объединением жужаней неоднократно затрагивался отечественными специалистами (Бернштам А.Н., 1946, с. 9; Кычанов Е.И., 1997, с. 104; Худяков Ю.С., 2005, с. 354; Дашковский П.К., Васютин С.А., 2009, с. 317; и др.).

шественного неравенства востоковед объяснял выше упомянутыми чрезвычайными обстоятельствами, а не закономерностями развития общества кочевников.

Итоги изысканий отечественных и зарубежных историков к 30–40 гг. XX в. подведены в обобщающей монографии А.Н. Бернштама (1946). В отличие от работ В.В. Бартольда, данное исследование осуществлено в рамках марксистской методологии и схемы пяти формаций, согласно которой кочевники средневековья были отнесены к феодализму. Вместе с тем данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет значимости конкретных результатов, полученных историком.

Важным достоинством монографии А.Н. Бернштама является тщательность проработки различных групп письменных источников, представлению которых он посвятил отдельную главу. Помимо китайских династийных хроник и памятников тюркской рунической письменности, историк учел информацию из арабских, византийских и персидских документов. На необходимость изучения данных материалов указывалось и ранее (Кляшторный С.Г., 1964, с. 8; 1968, с. 9), но столь тщательный анализ возможностей их использования при реконструкции социально-экономических процессов в тюркском обществе был проведен впервые. В ряде случаев А.Н. Бернштам (1946, с. 3) обращался и к вещественным источникам, полученным в ходе археологических исследований на Алтае, в Минусинской котловине и Монголии. Однако этот опыт нельзя назвать удачным, на что в свое время указывали отечественные специалисты (Кызласов Л.Р., 1979, с. 140). Безусловно, данное обстоятельство определялось главным образом объективными факторами. Ко времени написания монографии А.Н. Бернштама объем археологических материалов по периоду раннего средневековья Алтае-Саянского региона и Центральной Азии был весьма ограничен, еще более фрагментарными являлись результаты их анализа и интерпретации.

Изучение письменных источников позволило А.Н. Бернштаму (1946, с. 9–10, 145) определить общественный строй тюрок как раннюю форму сложения примитивных феодальных отношений. Исследователь подчеркнул значительное влияние на формирование государства раннесредневековых кочевников более развитых соседей – Китая и Согда (Бернштам А.Н., 1946, с. 10). Структуру тюркского социума А.Н. Бернштам (1946, с. 106) обозначил исходя, в первую очередь, из особенностей политической организации кочевников, отметив у кочев-

ников стройную иерархию и разработанную титулатуру. Он выделил четыре основных слоя в обществе скотоводов, которые представляли каган с ближайшим окружением (катун, ябгу, шады), крупная родовая знать, рядовые кочевники, а также зависимое население, рабы. Весьма подробно ученым определены положение и функции представителей каждой группы.

Рассматривая роль рабства в тюркском обществе, А.Н. Бернштам (1946, с. 148) отметил его патриархальный характер, что, в целом, являлось традиционным для отечественного кочевниковедения. Более существенными представляются наблюдения востоковеда относительно специфики положения зависимых племен, включенных в состав тюркского государства. По мнению А.Н. Бернштама (1946, с. 127), они были обязаны не только выплачивать дань, но и участвовать в военных походах. В то же время у покоренных тюрками народов могла сохраняться политическая элита. По утверждению ученого, в случае добровольного подчинения у зависимых объединений кочевников оставались свои каганы (Бернштам А.Н., 1946, с. 113).

Обобщающая монография А.Н. Бернштама на долгое время закрыла основные аспекты изучения общественно-политического устройства раннесредневековых тюрков по письменным источникам. Выводы исследователя использовались в целом ряде работ, нередко повторяясь без серьезных изменений (см., например: История Сибири..., 1968, с. 279–282).

На совершенно иных принципах основана известная книга Л.Н. Гумилева «Древние тюрки». Наибольшее внимание в работе уделено представлению перипетий политической истории тюрков и народов, их окружавших. Рассматривая специфику общественного устройства раннесредневековых кочевников, ученый выразил несогласие с выводами А.Н. Бернштама по поводу определения уровня социально-политического развития тюркской державы, подчеркнув, что она «...стояла на стадии военной демократии» (Гумилев Л.Н., 2002, с. 72–73). Отметив, что в таком случае большое значение имеет организация войска, исследователь обратил внимание на наличие отборных частей кавалерии, а также конных стрелков, набираемых из покоренных народов (Гумилев Л.Н., 2002, с. 76, 80).

Интересным и неоднозначным представляется заключение Л.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) об отличии культа предков, который был характерен для «вельмож», от «народной религии» основных

слоев общества кочевников. В целом же, несмотря на яркость и оригинальность общей концепции автора, а также непревзойденный до сих пор уровень детализации истории тюрок Центральной Азии, рассматриваемая книга почти не внесла нового в имеющиеся представления о специфике общественно-политического развития кочевников периода раннего средневековья. С другой стороны, была продемонстрирована возможность анализа обществ номадов с позиций, отличавшихся от официальной парадигмы.

Основные выводы исследователей о существовании зависимых слоев населения в обществе восточных тюрок были обобщены и дополнены в работах С.Г. Кляшторного (1985, 1986). Помимо констатации существования разновидности патриархального рабства у раннесредневековых кочевников (Кляшторный С.Г., 1985, с. 162), тюрколог обратил внимание на неоднородность терминов рунических текстов, описывающих различные формы подчинения. По мнению С.Г. Кляшторного (1986, с. 336), личное рабство могло обозначаться в памятниках письменности тюрок так же, как и другие проявления социальной зависимости. Рассматривая общие характеристики социально-политического устройства объединений номадов 2-й половины I тыс. н.э., исследователь подчеркнул существование многоступенчатой системы подчинения и жестких форм неравенства (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 143–144; Кляшторный С.Г., Савинов Л.Г., 2005, с. 153). С.Г. Кляшторный (2005, с. 30–31) отметил, что государство тюрок являлось классическим воплощением имперской структуры верховной власти при сохранении этноплеменной общности.

В 1990-х гг. произошла известная трансформация представлений отечественных исследователей относительно характеристики политической системы номадов, а также непосредственно связанной с ней социальной организации кочевников (Васютин С.А., 2005б, с. 216–217). Данная ситуация сопровождалась не только использованием новой терминологии, но и других методологических подходов к анализу специфики общественно-политического устройства объединений скотоводов. С другой стороны, необходимо признать, что такое изменение принципиально не повлияло на представления о социальной организации восточных тюрок.

Одним из обобщений политической и социально-экономической истории кочевников Центральной Азии древности и средневеко-

вья является монография Е.И. Кычанова (1997). Основным положением данной работы стало утверждение о том, что общества кочевников носили классовый характер, а имущественное и социальное расслоение свидетельствует о наличии у кочевников государства (Кычанов Е.И., 1997, с. 5). В специальном разделе монографии представлены основные сведения о политической и социальной организации тюрок периода раннего средневековья. Е.И. Кычанов, опираясь на опыт отечественных и зарубежных исследователей, детализировал вопросы, связанные с происхождением титулатуры раннесредневековых кочевников, а также кругом функций представителей высших звеньев администрации. Подчеркнув фрагментарность информации в письменных источниках о среднем и нижнем уровнях системы управления, исследователь предположил, что они были тесно связаны с комплектованием и организацией войска кочевников (Кычанов Е.И., 1997, с. 109, 111). Важно отметить, что в работе Е.И. Кычанова социальная и политическая организация тюрок рассмотрена в сочетании с особенностями исторической ситуации в регионе.

Более подробно динамичность таких связей представил Т.С. Жумаганбетов (2003). Отметив сложность изучения социальной структуры и организации тюркского общества, он выделил четыре хронологических периода в их развитии. Согласно логике исследователя, основные изменения в этом плане были связаны с присоединением новых народов, находившихся в подчиненном положении (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 167). При этом, как и многие другие ученые, Т.С. Жумаганбетов отметил существование у зависимых племен знати, стремившейся к родству с элитой тюрок. Также вполне традиционными являются его наблюдения о структуре бюрократического аппарата управления и разветвленной титулатуре у раннесредневековых кочевников (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 176–185).

Цикл работ, посвященных характеристике различных сторон социально-политической организации раннесредневековых кочевников Центральной Азии, представлен С.А. Васютиным. Исследователь обратил внимание на существование в политической культуре тюрок целого ряда архаичных элементов, связанных, главным образом, с ролью и кругом функций кагана (Васютин С.А., 2004). Характеризуя общественную систему кочевников рассматриваемой общности, историк подчеркнул ее сложный и многокомпонентный состав (Васютин С.А., 2005б, с. 219–220). Большой интерес пред-

ставляет опыт анализа уровней сложности социумов кочевников на основе формальных кросс-культурных методик, результаты которого представлены в недавней совместной монографии С.А. Васютина с П.К. Дашковским (2009, с. 333–338). Полученные данные позволяют не только оценить степень развития конкретных объединений кочевников, но и проследить их динамику в различные периоды, а также зависимость от определенных исторических событий.

Уточнению роли служителей культа в социуме раннесредневековых тюрок Центральной Азии, а также общей характеристике религиозного фактора в развитии общества кочевников посвящен ряд публикаций П.К. Дашковского (2009, 2011, 2013 и др.). По мнению исследователя, материалы письменных источников свидетельствуют о существовании у кочевников особой группы лиц, осуществлявших культовые функции (Дашковский П.К., 2009, с. 70). Важным представляется заключение П.К. Дашковского (2013, с. 11) о том, что в тюркских каганатах проводилась целенаправленная политика в области религии, свидетельствующая об осознании элитой кочевников значения религиозного фактора в государственном управлении.

Историографический обзор результатов анализа письменных источников при реконструкции социальной структуры и организации тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволяет сделать ряд наблюдений. С одной стороны, исследователями разных лет были высказаны общие замечания. К таковым относятся выводы ученых о характере рабства в тюркском обществе и особенностях положения зависимых слоев населения; представления о сложной титулатуре и властных полномочиях конкретных политических фигур и органов власти высшего аппарата управления. Также неоднократно отмечалась тесная связь социальной организации тюрок с особенностями комплектования войска.

В то же время имеющиеся письменные источники нередко позволяли ученым приходиться к совершенно противоположным выводам. Такая ситуация вполне приемлема при характеристике частных аспектов социальной организации кочевников. К примеру, известны такие противоречащие друг другу суждения: «отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским» (Гумилев Л.Н., 2002, с. 85), или «женщины у древних тюрок приравнивались к имуществу» (Кычанов Е.И., 1997, с. 111). Иначе следует относиться к существованию различных точек зрения об уровне развития раннесредне-

вековых кочевников. Объединение тюрок, по мнению ряда ученых, может быть охарактеризовано как развитое государство с присущей ему сложной социальной организацией и различными формами неравенства (Бернштам А.Н., 1946; Кычанов Е.И., 1997; Ганиев Р.Т., 2006, с. 91; и др.). Другая крайняя позиция представлена исследователями, которые считают, что общественное устройство ранне-средневековых кочевников определяется как «...усложненный вариант «доклассовых» архаичных социумов» (Васютин С.А., 2005б, с. 220).

Серьезные разночтения существуют и в вопросах изучения мировоззренческих представлений и религиозной системы кочевников региона 2-й половины I тыс. н.э. (Бартольд В.В., 1993, с. 10–12; Гумилев Л.Н., 2002, с. 91–92; Жумаганбетов Т.С., 2006; Дашковский П.К., 2011; и др.), учет которых необходим при характеристике различных аспектов развития общества кочевников.

Итак, выводы, полученные в ходе работы с письменными материалами, не могут быть единственным основанием для формирования представлений о структуре и организации общества ранне-средневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Большое значение для конкретизации различных аспектов социальной истории кочевников имеет изучение результатов раскопок археологических памятников, из которых наиболее информативными являются погребальные комплексы.

1.2. Опыт интерпретации археологических материалов

Несмотря на значительный опыт социальной интерпретации памятников кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии раннего железного века и очевидную актуальность рассмотрения с таких же позиций археологических комплексов раннего средневековья, опыт работ в указанном направлении весьма фрагментарен. Одним из первых попытку реконструкции структуры тюркского общества на основе изучения результатов раскопок погребений предпринял С.В. Киселев (1951, с. 530–544). Материалы, использованные исследователем, оказались немногочисленными. Археолог учел только раскопанные на тот момент погребения ранне-средневековых тюрок на территории Алтая. Однако ограниченность источниковой базы не помешала ему сделать ряд достаточно обоснованных наблюдений.

Важным представляется вывод С.В. Киселева о том, что социальная структура населения Алтая периода раннего средневековья может быть сопоставлена с тем устройством общества, которое представлено в письменных источниках и характерно для кочевников Центральной Азии. Известные археологу погребения раннесредневековых тюрок, главным образом из его собственных раскопок, были разделены на три группы и скоррелированы с основными слоями социума кочевников (Киселев С.В., 1951, с. 530–544).

К первой группе курганов С.В. Киселев отнес небольшие по размерам объекты, при раскопках которых в большинстве случаев зафиксировано погребение человека с лошастью и стандартным сопроводительным инвентарем. Отметив скромность наборов вещей, в том числе редкость предметов роскоши и импорта, археолог обратил внимание на присутствие в могилах вооружения. По мнению исследователя, обозначенные погребения можно соотнести со свободными рядовыми кочевниками, обладавшими собственным хозяйством, имуществом и определенной самостоятельностью (Киселев С.В., 1951, с. 533). При выделении второй группы объектов С.В. Киселев учитывал такие показатели обряда, как планиграфия могильников, параметры наземных сооружений, погребальный ритуал и состав сопроводительного инвентаря. По всем обозначенным признакам рассмотренные курганы были им соотнесены с зависимым населением, возможно, рабами (Киселев С.В., 1951, с. 535). Об этом, по мнению археолога, свидетельствовало «подчиненное» расположение небольших объектов вокруг крупных насыпей, редкость сопроводительного захоронения лошадей и «бедность» наборов вещей.

С.В. Киселев обратил внимание на то, что некоторые погребения представителей низших слоев общества кочевников Алтая были впускными и совершались в наиболее «богатых» курганах. Последние памятники были объединены археологом в рамках третьей группы. «Элитные» погребения отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей (Киселев С.В., 1951, с. 535). С.В. Киселев (1951, с. 544) предположил, что перечисленные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

Отметим, что исследователь подчеркнул культурную и хронологическую однородность рассматриваемых погребений. Таким об-

разом, приведенные различия в обряде объяснялись исключительно прижизненным социальным и имущественным статусом умерших*.

Столь подробная характеристика результатов исследования С.В. Киселева целесообразна потому, что на сегодняшний день рассматриваемая работа остается единственным опытом комплексного анализа погребальной практики кочевников тюркской культуры для реконструкции социальной организации кочевников. Обратим внимание на то, что выделение трех групп в кочевом обществе было характерно для отечественной археологии 2-й четверти – середины XX в. (Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 14–15). Работа С.В. Киселева, отражая общие тенденции развития исторической науки, на тот момент являлась основой для дальнейшего, более подробного и детализированного изучения специфики устройства общества раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Однако в последующие годы целенаправленных исследований в этой области не предпринималось. Только начиная с конца 1950-х – начала 1960-х гг. в специальной литературе появляются фрагментарные замечания о том, что неоднородность погребального обряда раннесредневековых тюрков может объясняться причинами не только хронологического и этнокультурного характера, но также особенностями социальной и имущественной дифференциации общества кочевников (Длужневская Г.В., 1976, с. 57; Трифонов Ю.И., 1971, с. 122; 1975, с. 193). Активизации научных поисков в указанном направлении способствовали раскопки на территории Тувы и Алтая, в ходе которых был накоплен значительный материал по периоду раннего средневековья.

Анализ исследованных памятников позволил археологам сделать ряд наблюдений о специфике погребальных сооружений и ритуала тюрков 2-й половины I тыс. н.э. В публикации, посвященной введению в научный оборот материалов одного из наиболее ярких памятников раннесредневековых кочевников на территории Тувы,

* Иная точка зрения была высказана А.А. Гавриловой (1965, с. 88), предположившей, что в ряде случаев вариативность погребального обряда рассматриваемых захоронений объясняется не прижизненным положением покойных, а различной хронологической и культурной принадлежностью объектов. В настоящее время остается актуальным вопрос о полной публикации материалов раскопок С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой, что будет способствовать более обоснованной интерпретации памятников.

А.Д. Грач (1958, с. 34) подчеркнул, что степень «богатства» комплекса должна определяться особо для различных территорий. Исследователь обратил внимание на то, что одним из показателей в этом отношении являются параметры курганной насыпи при наибольшем значении сопроводительного инвентаря. А.А. Гаврилова (1965, с. 39), рассматривая наборы вещей из различных могил некрополя Кудыргэ, предположила, что у раннесредневекового населения Алтая традиция ношения двух поясов (для колчана и для меча) была привилегией знатных слоев общества.

Весьма последовательно была представлена точка зрения Б.Б. Овчинниковой (1983, 1984), выделившей в составе памятников раннесредневековых тюрок Тувы особую группу могил с подбоями. Кроме нестандартного устройства погребальной камеры, исследовательница отметила «богатый» по количеству и качеству сопроводительный инвентарь. Она предположила, что такие объекты, являясь результатом уйгурского влияния, могли сооружаться для мужчин-воинов, занимавших высокое положение в небольшой племенной группе (Овчинникова Б.Б., 1983, с. 65; 1984, с. 220–221). Обратим внимание на то, что в данном случае было отмечено сложное влияние на погребальную обрядность этнокультурного и социального факторов.

Результаты анализа наборов вещей из памятников раннесредневековых номадов были представлены в специальной публикации Г.В. Длужневской (1976), а также в ее совместной статье с Б.Б. Овчинниковой (1980, с. 83–85). Для выявления различных характеристик половозрастной дифференциации в тюркском обществе она рассмотрела погребения, раскопанные на тот момент на Алтае и в Туве. Изучение сопроводительного инвентаря позволило Г.В. Длужневской выделить несколько групп объектов, включавших стандартные наборы вещей. Одним из основных признаков стало присутствие предметов вооружения. По мнению исследовательницы, в наибольшем количестве они представлены в погребениях мужчин-воинов, отнесенных к первой группе. В двух других группах оружия было мало или оно отсутствовало. Г.В. Длужневская (1976, с. 197) подчеркнула, что некоторые могилы с незначительным количеством предметов вооружения не могут быть отнесены к рядовому населению, так как содержат другие вещи. В отдельную группу были выделены погребения женщин и девочек, в ряде случаев содержавшие разнообразный сопроводительный инвентарь. В качестве дополнитель-

ных маркеров половозрастной дифференциации Г.В. Длужневская (1976, с. 199) назвала количество стремян, а также наличие в могиле каменного ящика. Важным является ее заключение о неоднородности выделенных групп, что демонстрирует сложность процессов дифференциации в тюркском обществе.

Дальнейшее рассмотрение социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности раннесредневековых тюрков также основывалось, главным образом, на анализе сопроводительного инвентаря. При этом вопросы дифференциации общества кочевников затрагивались специалистами далеко не в первую очередь. Более важными для ученых оставались проблемы хронологической и этнокультурной атрибуции предметов, реконструкция этнографического облика кочевников и др. Тем не менее в рамках традиционного вещеведческого подхода в ряде случаев были сделаны весьма ценные наблюдения.

Развернутая характеристика социальной значимости пояса в обществе раннесредневековых кочевников представлена В.Н. Добжанским (1990, с. 73–80). По мнению исследователя, престижность этой категории предметов в значительной степени определялась материалом, из которого были изготовлены бляхи-накладки и наконечники (Добжанский В.Н., 1990, с. 77). Не менее показательны особенности декоративного оформления пояса. К примеру, изображения животных на наконечниках, являвшиеся показателем определенного статуса владельца, могли быть связаны с мифологическими представлениями кочевников (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996, с. 81). Интересным представляется наблюдение В.Н. Добжанского (1990, с. 79) о том, что в тех погребениях, где не зафиксированы поясные наборы, однако присутствует достаточно «богатый» инвентарь, могли быть похоронены представители чиновничьей аристократии, не занимавшиеся непосредственно военным делом.

Частные замечания высказаны исследователями о престижности плетей и стеков (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993), некоторых предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986; Овчинникова Б.Б., 1990; Кубарев Г.В., 2002; и др.), а также других сравнительно редких находок (Кубарев Г.В., 1998) из захоронений раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Заслуживают внимания наблюдения С.П. Нестерова (1988) и

С.В. Неверова (1998) об особой роли стремян, которые могли являться дополнительным показателем социального статуса погребенного.

Определенные результаты в указанном направлении в последние годы получены барнаульскими археологами, рассмотревшими различные категории вещей. Комплексный анализ украшений конского снаряжения периода раннего средневековья, проведенный Т.Г. Горбуновой (2003; 2004, с. 18), позволил сделать вывод о том, что они являлись одним из показателей социального статуса и имущественного положения человека. Отметив, что учитывались особенности погребального обряда номадов Алтая и видовой состав инвентаря, исследовательница выделила три группы памятников, в которых зафиксированы украшения конской амуниции. Обозначенные объекты были соотнесены с такими слоями тюркского общества, как правящая элита, служилая знать и дружинники.

Итоги изучения военного дела средневекового населения Алтая представлены в работах В.В. Горбунова (2003, 2006а–б, 2007). Помимо обобщения сведений письменных источников о военной организации тюрков, исследователь обозначил устойчивые наборы предметов вооружения из памятников указанного региона. В итоге было выделено семь групп объектов, сопоставленных с основными ступенями в иерархии раннесредневековых номадов. В ходе реконструкции военной организации тюрков Алтая В.В. Горбунов (2007, с. 86) учитывал также и общий состав сопроводительного инвентаря, что позволило археологу обоснованно продемонстрировать профессиональную и имущественную дифференциацию в обществе кочевников.

В рамках публикации материалов раскопок, а также анализа исследованных комплексов археологами представлены дополнительные замечания о социальной значимости таких элементов обряда раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, как планиграфия некрополей (Кубарев В.Д., 1992, с. 28), количество лошадей и их возможная замена на овцу (Нестеров С.П., 1990, с. 83–84), отдельные особенности ритуала (Кубарев В.Д., 1985, с. 146–147). По мнению Г.В. Кубарева (2005, с. 21), о низком статусе умершего свидетельствует впускной характер захоронения. С другой стороны, отмечено, что параметры погребальных сооружений не могут выступать определяющим признаком в этом отношении; более существенным показателем является сложность внутримогильных конструкций (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 225). Учет

этих и других характеристик позволил исследователям поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003).

Значение археологических материалов при характеристике социальной истории раннесредневековых тюрок неоднократно подчеркивалось С.А. Васютиным (2006; 2007б, с. 55). Несмотря на то, что выводы, представленные в большинстве публикаций исследователя, основываются, главным образом, на анализе письменных источников, он сделал ряд наблюдений, связанных с рассмотрением результатов раскопок погребальных комплексов. По мнению С.А. Васютина (2007а, с. 269), одной из проблем при изучении социальной истории раннесредневековых кочевников по данным археологии является отсутствие захоронений элиты номадов на территории Монголии. Исследователь обратил внимание на материалы некоторых показательных погребений 2-й половины I тыс. н.э., представив возможности реконструкции отдельных элементов возрастной структуры общества номадов (Васютин С.А., 2007а, с. 270–271; 2009, с. 200–201).

Важно отметить, что приведенные выше наблюдения исследователей о специфике социальной структуры тюркского общества по данным археологии были сделаны, главным образом, на основе анализа материалов раскопок на Алтае и в Туве. Особая ситуация сложилась в области исследования памятников указанной общности на территории Минусинской котловины. В настоящее время наиболее последовательно представлена позиция Ю.С. Худякова (1979, 2004), который считает, что погребения тюрок в рассматриваемом регионе датируются VIII–IX вв. и их появление связано с известными событиями военной истории. Такая датировка в целом поддержана в статье С.П. Нестерова (1985, с. 119), однако археолог назвал иные причины миграции носителей обряда погребения с конем в Минусинскую котловину. Некоторые специалисты, полагая, что памятники тюрок в указанной части Алтае-Саянского региона не столь однородны в хронологическом отношении, выделяют более ранние объекты VI–VII вв. (Гаврилова А.А., 1965, с. 59; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 232; Савинов Д.Г., 2008; Серегин Н.Н., 2012). Нет единой точки зрения и в определении статуса номадов рассматриваемой общности на новой территории. Согласно концепции Ю.С. Худякова (2004, с. 94–95), логичной представляется потеря тюрками в Ми-

нусинской котловине своего привилегированного положения после крушения империи кочевников в середине VIII в. и их последующая ассимиляция в кыргызском обществе. При этом Д.Г. Савинов (2005, с. 234) отметил, что в IX–X вв. некоторые этнокультурные группы, связанные с «минусинскими» тюрками, занимали высокое или даже доминирующее положение на рассматриваемой территории.

В целом изучение погребальных памятников позволило выделить социально-диагностирующие признаки обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. К ним отнесены отдельные особенности планиграфии некрополей, а также некоторые элементы погребального ритуала. Отметим важность определения маркеров среди предметов сопроводительного инвентаря. Существенным является заключение специалистов о том, что социальная дифференциация была тесным образом связана с этнической, что отмечалось при изучении памятников Тувы и Минусинской котловины. При этом приходится констатировать, что в настоящее время в большинстве работ археологов представлены лишь отрывочные замечания, не позволяющие представить общую характеристику социальной структуры и организации раннесредневековых кочевников. Нередко различные территории распространения тюркской культуры рассматривались отдельно, что также не способствовало формированию цельной картины развития общества кочевников.

Недостаточное внимание археологов к изучению вопросов социальной истории тюрок на основе анализа погребальных комплексов обусловлено целым рядом обстоятельств. Важным моментом является то, что долгое время внимание специалистов было сосредоточено в большей степени на рассмотрении вопросов этнокультурной истории, определении хронологии некрополей и построении периодизации развития культуры на различных территориях (Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966; Кызласов Л.Р., 1969; Савинов Д.Г., 1984, 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., 2007; и др.). Незавершенность многих положений в рамках обозначенной тематики определила приоритетность указанных направлений и отодвинула на второй план другие вопросы. К тому же, долгое время важным оставалось накопление материалов и введение их в научный оборот, что, впрочем, актуально и в настоящее время.

Редкость обращения археологов к реконструкции социальной организации раннесредневековых тюрок в значительной степени связана со спецификой источниковой базы. Как это ни парадоксально, негативную роль сыграло наличие письменных документов, позволявших представить основные характеристики общественного устройства номадов почти без привлечения материалов раскопок (Кызласов Л.Р., 1969, с. 52–55). В таких случаях погребальные комплексы привлекались лишь в качестве иллюстрации сведений, приведенных в китайских династийных хрониках и тюркских рукописных текстах.

Таким образом, на сегодняшний день многие вопросы, связанные с изучением социальной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, остаются открытыми. Отсутствуют обобщающие исследования в указанном направлении, позволяющие не только суммировать сделанные ранее выводы, но и существенным образом продвинуться в понимании тенденций развития обществ номадов во 2-й половине I тыс. н.э. Круг имеющихся источников и материалов, а также значительный опыт палеосоциальных реконструкций позволяют приступить к рассмотрению общественного устройства раннесредневековых тюрок на качественно новом уровне.

ГЛАВА 2

ИСТОЧНИКИ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Возможности реконструкции общественного устройства конкретного объединения кочевников в значительной степени определяются спецификой источниковой базы. Поэтому важным этапом работы по изучению социальной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии является рассмотрение источников, привлечение и анализ которых будет способствовать созданию объективной модели социума кочевников. Общая характеристика особенностей различных материалов будет способствовать не только определению наиболее информативных из них, но также станет основой для разработки эффективной программы исследования.

2.1. Источниковая база и программа исследования

Важным источником информации по истории многих обществ Евразии эпохи средневековья являются письменные материалы. Анализ различных документов позволяет реконструировать политическую и этнокультурную историю конкретного региона, рассматривать некоторые тенденции в мировоззренческих представлениях населения. Одним из направлений анализа письменных источников является изучение основных характеристик общественных структур прошлого.

Многие аспекты истории кочевых обществ древности и средневековья получили освещение в письменных источниках. Необходимо обратить внимание на то, что период раннего средневековья ха-

рактизуется новыми тенденциями в этом отношении. Важнейшая из них – появление собственной письменной культуры у кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, что было в значительной степени связано с нуждами административной и дипломатической практики, необходимостью фиксации государственных актов и определенными религиозными мотивами (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 158). Изучение документов, происходящих из среды тюрок, открывает широкие возможности для раскрытия различных сторон жизни кочевников.

Раннее средневековье в истории Центральной Азии – это время активной военной экспансии, в чем особенно преуспели кочевники тюркских империй. Успешная внешняя политика первых каганов привела к тому, что скотоводы напрямую соприкоснулись со многими оседлыми народами. Как следствие, в документах этих государств остались свидетельства о некоторых сюжетах истории кочевников. Анализ таких материалов представляет достаточно большое значение, хотя они не столь многочисленны. В распоряжении историков, археологов, лингвистов имеется три группы письменных источников по истории раннесредневековых кочевых племен Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Они имеют различное происхождение и источниковедческие характеристики. Представим краткую характеристику каждой из этих групп.

Традиционно одним из наиболее ценных источников по истории кочевых народов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии являются *китайские династийные хроники*. Большая часть сведений по различным аспектам существования раннесредневековых тюрок приведена в документах династий Суй (581–618) и Тан (618–907). В трудах китайских авторов имеются специальные главы, посвященные описанию политической истории и быта народов, окружавших Поднебесную империю. Изучение китайских летописей периода раннего средневековья возможно, главным образом, благодаря работам Н.Я. Бичурина (1950) и Лю Маоцяя (2002), в разные годы осуществивших перевод значительной части документов. Дополнительные материалы приводятся также в исследованиях Н.В. Кюнера (1961), А.Г. Малявкина (1989) и Ю.С. Зуева (2002, с. 278–290).

На изучении хроник Поднебесной империи в значительной степени базируется рассмотрение политической и этнокультурной истории тюрок раннего средневековья. Сведения китайских летописцев стали

основой для создания обобщающих монографий по различным аспектам существования раннесредневековых номадов (Гумилев Л.Н., 2002; Кычанов Е.И., 2010; и др.). Кроме того, обозначенные материалы учитывались многими авторами, рассматривавшими конкретные сюжеты истории кочевников 2-й половины I тыс. н.э. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994; Жумаганбетов Т.С., 2003; Ганиев Р.Т., 2006; и мн. др.).

Важность информации, содержащейся в трудах китайских летописцев, заключается в приведенной датировке основных событий. Династийные хроники характеризуются достаточно четкой структурой и унифицированностью в описании «северных варваров». Это позволяет максимально эффективно использовать все имеющиеся сведения. Вместе с тем целый ряд характеристик существенно снижает ценность рассматриваемых документов. При анализе династийных хроник необходимо учитывать специфику внешней политики Поднебесной империи, которая в яркой форме отразилась и при написании трудов раннего средневековья. Исследователи отмечают, что начиная с эпохи Хань и вплоть до 2-й половины XIX в. китайское общество пользовалось одной, неизменной в своих общих чертах доктриной внешних отношений (Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 53). Суть ее заключалась в разделении мира на две части, первую из которых составлял Китай, а вторую – окружающие его варвары, отличавшиеся низким уровнем развития. Последнюю характеристику в полной мере отражает стиль, использовавшийся хронистами при описании быта и общественных отношений их северных соседей – кочевников Центральной Азии. Наличие достаточно устойчивых стереотипов по отношению кномадам различных эпох в работах историков Поднебесной империи весьма негативно отразилось на объективности приводимых ими сюжетов.

Кроме того, необходимо обратить внимание на выборочность сведений китайских авторов. Такая ситуация обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, описания хронистов не могли быть исчерпывающими в силу сложности получения полной информации о северных соседях, отличавшихся весьма специфичной культурой, образом жизни, социально-политической системой. Характеристики, приводимые в династийных хрониках, основаны на отрывочных данных, подчерпнутых от информаторов и в ходе непосредственных контактов с представителями верхушки кочевых империй. В последнем случае имеются в виду дипломатические связи,

которые, однако, далеко не всегда были прочными в силу нестабильности политической ситуации в регионе. Кстати, поэтому вполне закономерно, что основное внимание китайские историки обращали на перипетии внешней политики в ущерб другим сюжетам истории раннесредневековых кочевых племен Центральной Азии.

Яркой иллюстрацией отрывочности сведений хронистов Поднебесной империи является описание китайскими авторами погребальной обрядности различных кочевых племен. Эти сведения традиционно привлекаются исследователями для сравнительного анализа с археологическими памятниками с целью определения этнической и культурной принадлежности объектов. Однако в большинстве случаев информация, зафиксированная в династийных хрониках, не находит подтверждения на конкретных материалах. Такая ситуация наблюдается и в плане характеристики хронистами погребального обряда тюрок-тугю. Памятников, полностью соответствующих предложенному описанию, в Алтае-Саянском регионе, Центральной Азии и на сопредельных территориях на сегодняшний день не известно. Одним из наиболее вероятных объяснений является то, что сведения в документах носят компилятивный характер (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 95). Схожая ситуация наблюдается в описаниях китайскими хронистами погребальной практики и других объединений номадов раннего средневековья (Ахметов В.В., 2006, с. 5).

Следующая группа письменных источников по истории кочевников 2-й половины I тыс. н.э. – *тюркские рунические надписи*. К настоящему времени накоплен значительный опыт в области их изучения (Бернштам А.Н., 1946; Малов С.Е., 1951, 1959; Поэзия древних тюрок, 1993; Кляшторный С.Г., 1964, 2003, 2006; Рухлядев Д.В., 2005; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006; Тугушева Л.Ю., 2008; и мн. др.), что позволяет не останавливаться подробно на раскрытии общей специфики текстов. Обозначим лишь основные факторы, определяющие значимость тюркских рунических надписей для изучения различных характеристик устройства общества номадов 2-й половины I тыс. н.э.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на неоднородность рассматриваемых документов. Различная жанровая принадлежность и выделение нескольких групп текстов (Кляшторный С.Г., 1964, с. 53–54) позволяют говорить об особой ценности конкретных памятников. Наиболее важными для изучения специфики развития обществ

ва тюрков являются историко-биографические материалы, включающие разноплановую информацию. К таким документам относятся крупнейшие памятники рунической письменности. Некоторые исследователи считают возможным характеризовать как незаурядные литературные произведения (Поэзия древних тюрков, 1993, с. 5). Данные тексты позволяют представить не только общую канву исторических событий на территории Центральной Азии в раннем средневековье, но и охарактеризовать отдельные аспекты социальной организации тюрков. В частности, в документах приводится информация, связанная со спецификой взаимодействия различных групп населения каганата, имеются сведения, на основе которых возможно раскрытие особенностей политической иерархии в кочевой империи и т.д.

Определенный интерес представляют и другие группы материалов – эпиграфическая лирика, юридические документы и др. Для рассмотрения специфики исторического развития периферийных территорий большое значение имеют краткие тексты (Кызласов И.Л., 1992а–б; 1994, с. 180; 2002; 2003; Кочеев В.А., 2006; и др.), к которым относятся надписи на скалах, камнях, строениях и метки на бытовых предметах.

Нет сомнений, что рунические надписи являются важным источником по различным аспектам социального, этнокультурного и политического развития раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Тем не менее имеется целый ряд моментов, которые необходимо учитывать при изучении обозначенных материалов. Одной из характеристик рунических текстов, особенно наиболее крупных памятников, является высокая степень политизированности приведенной информации. Это связано со сложными процессами, происходившими в тюркском обществе, в том числе внутренними распрями и борьбой отдельных политических группировок кочевников (Бернштам А.Н., 1946, с. 32). Данное обстоятельство определило выборочность сведений, представленных в документах, и негативно отразилось на объективности рассматриваемых источников. Кроме того, важно подчеркнуть, что имеющийся корпус текстов относится, в большей части, к небольшому периоду существования Второго Тюркского каганата, и события, связанные с формированием и эволюцией социальной системы кочевников до этого времени, и тем более процессы, происходившие после крушения кочевой империи, представлены весьма фрагментарно.

Дополнительные свидетельства по истории кочевых обществ Центральной Азии периода раннего средневековья приведены в *трудах византийских, арабских и персидских авторов* (Бернштам А.Н., 1946, с. 61–63). Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы касаются, главным образом, западных тюрок. Однако отдельные замечания, приводимые средневековыми историками, представляют определенную ценность для реконструкции некоторых сторон жизни кочевников рассматриваемого региона (Юнусов А.С., 1990; Калинина Т.М., 1998).

Итак, письменные материалы остаются ценным источником информации по истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. В рамках настоящего исследования наиболее важными являются сведения, касающиеся характеристики общественного и политического устройства кочевников. В документах приводится титулатура тюрок, характеристика функций конкретных слоев в политической иерархии и др. В то же время рассмотрение различных групп материалов позволило выделить общие негативные характеристики, которые необходимо учитывать при анализе приводимой в них информации. Прежде всего, имеет место политизированность документов. Общим моментом является также описание преимущественно центра кочевой империи, в то время как периферийные территории остались, за редким исключением, почти неизвестны тюркским и китайским историкам, не говоря уже о византийских, арабских и персидских авторах. Последнее обстоятельство представляется весьма существенным, так как Алтай, Тува и Минусинская котловина являлись северной окраиной политических объединений тюрок, хотя имели большое значение на различных этапах этно- и социогенеза кочевников. Нельзя не упомянуть, что на сегодняшний день остаются вопросы, связанные с точностью перевода документов и полной публикацией имеющихся текстов.

Отрывочность и выборочность сведений раннесредневековых авторов, обусловленные различными обстоятельствами, определяют ограниченность письменных источников. Поэтому для объективной характеристики различных сторон жизни кочевников, в том числе и специфики социальной истории кочевников, необходимо привлечение других материалов. Наиболее перспективным в этом плане представляется изучение *археологических памятников* раннесредневековых тюрок, раскопанных на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Первые сведения о раннесредневековых памятниках, расположенных на рассматриваемых территориях, были получены уже в XVIII в. На сегодняшний день накоплен значительный материал, изучение которого позволяет реконструировать различные аспекты формирования и развития общества кочевников. В рамках настоящего исследования важно обозначить возможности изучения специфики социальной истории номадов на основе анализа археологических объектов (Серегин Н.Н., 2012а). Поселенческие комплексы, являющиеся важнейшими свидетельствами жизнедеятельности древних и средневековых обществ, при изучении памятников тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии зафиксированы крайне фрагментарно. Поэтому целесообразным будет разделение всех рассматриваемых объектов на «поминальные» и погребальные. При этом необходимо учитывать, что в ряде случаев эта классификация является достаточно условной и выполняет функции рабочей схемы.

В настоящее время в научной литературе достаточно широко представлены различные аспекты изучения **«поминальных» комплексов** раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Кызласов Л.Р., 1964; Кубарев В.Д., 1984, 2001; Войтов В.Е., 1996; Килуновская М.Е., 2004; Шелепова Е.В., 2009; и мн. др.). Несмотря на развернутое обоснование концепций исследователей, многие вопросы, связанные с интерпретацией таких объектов, остаются дискуссионными. Очевидно, что данное обстоятельство серьезным образом осложняет привлечение рассматриваемых комплексов для изучения конкретных сюжетов социальной истории номадов. Отметим также отсутствие специальных исследований, посвященных анализу памятников с этой точки зрения. Тем не менее имеется возможность для обозначения ряда показателей «поминальных» комплексов, использование которых возможно при осуществлении социальных реконструкций. При этом целесообразно рассмотрение памятников в рамках двух основных групп – «рядовых» и «элитных» объектов.

Важнейшей характеристикой «рядовых» каменных тюркских оградок являются особенности конструкции, что позволило исследователям выделить типы объектов (Гаврилова А.А., 1965, с. 99–100; Кубарев В.Д., 1979, 1984; Матренин С.С., Сарафанов Д.А., 2006; Шелепова Е.В., 2011, с. 18). Различия между «поминальными» сооружениями определяются также их размерами (Худяков Ю.С., Борисен-

ко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2003, с. 513–514). При исследовании некоторых тюркских оградок были обнаружены предметы инвентаря, довольно редко встречающиеся в погребальных комплексах и представлявшие, по всей видимости, определенную ценность: панцирные пластины (Гаврилова А.А., 1965, табл. V–1; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3; 1997, рис. 3.-2; и др.), серебряный сосуд (Кубарев В.Д., 1979, рис. 7–9), палаш, наконечник копья (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 116, рис. 3) и др. В то же время абсолютное большинство «поминальных» объектов почти не содержало вещей. Что касается тюркских изваяний, то основным направлением в их изучении является рассмотрение предметов вооружения, одежды и украшений, зафиксированных на скульптурах. Многие из вещей имеют аналогии в погребальных комплексах, что позволяет в ряде случаев определить примерную датировку изображений (Кубарев В.Д., 1984, с. 22–47). При этом следует обратить внимание на некоторые отличия в оформлении изваяний, что проявляется в степени их реалистичности, в количественном и качественном составе изображенных вещей.

Обозначенные характеристики «рядовых» каменных оградок и изваяний могут объясняться сложной этнической ситуацией на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии в раннем средневековье, наличием большого количества различных культовых практик (Кубарев В.Д., 2001, с. 42) и т.д. Однако не следует исключать и социальной обусловленности особенностей «поминальных» объектов. В частности, необходимо обратить внимание на соотношение отдельных типов оградок с наиболее реалистичными, «богато» оформленными изваяниями (Кубарев В.Д., 1979, с. 153).

«Рядовые» тюркские оградки и изваяния распространены на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии неравномерно. Одной из главных особенностей в этом отношении является их редкость в Минусинской котловине (Поляков А.С., 1983; Скобелев С.Г., 2000). Данное обстоятельство отмечается исследователями как одна из особенностей развития культуры раннесредневековых тюрков на этой территории и связывается с кратковременностью господства кочевников обозначенной общности в данном регионе (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 397).

Особого рассмотрения заслуживают «элитные» мемориальные комплексы, исследованные в Монголии. Эти памятники также рассматриваются как объекты поминального характера, сооруженные в честь

представителей высшей знати тюркских каганатов. Рассматриваемые комплексы не столь многочисленны, как «рядовые» тюркские оградки и изваяния, однако высокая степень информативности памятников определила пристальное внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей к различным аспектам их изучения и интерпретации (Войтов В.Е., 1996; Коренько В.А., 2001; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006; Bazytkhan N., 2011; Drompp M.R., 2011; и мн. др.). Анализ мемориальных объектов Монголии позволяет рассматривать различные аспекты социальной истории кочевников. Материалы этих комплексов отражают состояние элиты каганатов в различные периоды развития общества раннесредневековых тюрков, демонстрируют серьезное влияние китайской культуры, показывают существование различных уровней военно-политической иерархии кочевников и др.

На сегодняшний день одной из главных проблем исследования «элитных» мемориалов тюрков Монголии, серьезным образом ограничивающих возможности интерпретации памятников, является незначительное количество полноценно раскопанных объектов. При этом информация, полученная в ходе полевого изучения единичных комплексов (Баяр Д. и др., 2003; Баяр Д., 2004; Amartuvshin Ch., Gelbadrah Zh., 2009), демонстрирует очевидные перспективы дальнейших раскопок.

Таким образом, тюркские «рядовые» и «элитные» «поминальные» комплексы имеют определенное значение при исследовании социальной истории раннесредневековых кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. При этом нет сомнений, что они не могут рассматриваться как основа для реконструкции структуры и организации общества кочевников. Скорее, материалы таких объектов позволяют детализировать отдельные аспекты социального развития кочевников, иллюстрируя сюжеты, по разным причинам не получившие отражения в *погребальных комплексах*, значительно более информативных в такого рода исследованиях.

Погребальные памятники раннесредневековых тюрков получили распространение, главным образом, на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины. Именно Алтае-Саянский регион является областью наибольшего сосредоточения рассматриваемых объектов. Значительно меньшее количество захоронений раннесредневековых тюрков исследовано в Монголии (Боровка Г.И., 1927; Евтюхова Л.А., 1957; Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967; Кляшторный С.Г., Сави-

нов Д.Г., Шкода В.Г., 1990, 1999; Худяков Ю.С., Цэвендорж Д., 1997, 1999; Турбат Ц., 1998; Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999; Худяков Ю.С., 2002; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003; Гунчинсүрэн Б. и др., 2005; Кубарев Г.В. и др., 2007; Цэвендорж Д. и др., 2008; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; и др.), являющейся, согласно письменным свидетельствам, центром каганатов. Известны памятники на территории Тянь-Шаня (Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А., 1996; Табалдиев К.Ш., 1996; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009), а также единичные объекты в Казахстане (Кадырбаев М.К., 1959; Курманкулов Ж.К., 1980) и Узбекистане (Спришевский В.И., 1951). Изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволяет обозначить некоторые их источниковедческие характеристики, с одной стороны, осложняющие осуществление социальных реконструкций, а с другой – определяющие методы и подходы исследования.

Одной из трудностей, возникающих при изучении структуры общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии по материалам погребальных памятников, является то, что значительная часть объектов ограблена или потревожена. По нашим подсчетам, не менее 30% курганов раннесредневековых кочевников на рассматриваемой территории подверглись полному или частичному разрушению. Очевидно, что данное обстоятельство в некоторой степени усложняет проведение реконструкций не только обряда, но также и социальной организации. При этом если первоначальный вид погребального сооружения и некоторые элементы ритуала после разрушения в той или иной степени восстанавливаются по сохранившимся деталям, то набор сопроводительного инвентаря, являющийся одним из наиболее значимых показателей, представить почти невозможно.

Добавим, что имеющуюся источниковую базу ограничивает не только ограбленность ряда объектов, но в большей степени немногочисленность исследованных погребений. В настоящее время на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии раскопано немногим более 350 захоронений раннесредневековых тюрок. Незначительность этой цифры особенно очевидна, если сравнить ее с количеством погребений скифо-сакского или «гунно-сарматского» времени, исследованных на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Кроме того, в настоящее время материалы исследований целого ряда раннесредневековых памятников не опубликованы или

введены в научный оборот лишь частично, что не позволяет привлекать данные комплексы в полной мере.

В целом обозначенные обстоятельства определяют незначительность количества погребений, используемых в ходе анализа. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности применения методов статистического анализа, так как известно, что небольшие выборки в данном случае непрезентативны (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 31).

Социальная организация кочевников характеризуется динамичностью, степень которой различна на конкретном этапе истории. Данное утверждение в полной мере справедливо и для объединений номадов раннего средневековья, статус которых, в силу постоянно меняющейся ситуации в регионе, мог варьировать. Следует учитывать и специфику межплеменного (а также межкланового и межродового) взаимодействия внутри различных политических образований кочевников, что также определяло статус конкретных групп номадов. В связи с этим при рассмотрении социальной структуры и организации населения на основе результатов раскопок погребальных комплексов целесообразным является выделение хронологических групп объектов. Однако данное требование сложно выполнимо на материалах памятников раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. В первую очередь, необходимо указать на дискуссионность датировки многих комплексов. Во-вторых, важным обстоятельством является то, что большинство исследованных объектов относится к небольшому периоду (2-я половина VII – 1-я половина IX в.), а другие этапы развития культуры представлены в гораздо меньшей степени. Наконец, определяющим моментом в данном случае становится невозможность дробления и без того ограниченной источниковой базы. Более целесообразным является осуществление социальной интерпретации всех погребений в рамках анализа одной выборки. Вместе с тем такой подход не исключает возможности последующего определения тенденций, характерных для объектов, относящихся к каждому из известных хронологических периодов.

Согласно современной методике палеосоциальных реконструкций, одним из начальных этапов работы при анализе материалов раскопок погребальных памятников является учет половозрастных определений (Ольховский В.С., 1995, с. 97; Тишкин А.А., Дашков-

ский П.К., 2003, с. 105; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 29; Гуляева Н.П., 2006, с. 112). Это связано, главным образом, с различным положением в обществе представителей мужского и женского пола, а также детей и пожилых людей, что отражается и в погребальной обрядности. При изучении курганов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии половозрастные определения в разные годы осуществлялись целым рядом специалистов (Алексеев В.П., 1960; Богданова В.И., 1980; Поздняков Д.В., 2004, 2006; и др.), однако антропологическая серия далека от того, чтобы признать ее представительной. Несомненно, несколько улучшает ситуацию тот факт, что в большинстве случаев наборы сопроводительного инвентаря маркируют женское или мужское погребение (Длужневская Г.В., 1976). Однако при этом существенным образом ограничиваются возможности детализации комплекса показателей обряда, характерных для представителей различных возрастных групп. Кроме того, за рамками исследования остаются многочисленные вопросы, связанные с определением степени влияния миграций на этнический состав населения, изучением демографической ситуации на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, детализацией влияния этнической неоднородности кочевников на социальную структуру.

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, является значительная нивелировка обряда. Причем это проявляется не в полной унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, а в стирании резких границ между погребениями, которые по ряду других признаков можно отнести к различным социальным группам.

В настоящее время в специальной литературе представлено значительное количество теоретических разработок в области анализа погребальных комплексов для определения отдельных характеристик общества (Массон В.М., 1976; Алексин В.А., 1981, 1986; Добролюбовский А.О., 1982; Генинг В.Ф. и др., 1990; Ольховский В.С., 1995; Васютин С.А., 1998; Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009; и др.). Имеется и практический опыт в этом направлении (Матвеева Н.П., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Матренин С.С., 2005; и мн. др.). В основном, эти работы связаны с изучением общественного

устройства кочевников раннего железного века, однако существуют отдельные исследования, посвященные анализу и интерпретации материалов эпохи средневековья (Кондрашов А.В., 2004а, с. 16–23; 2004б).

Учитывая разработки отечественных и зарубежных специалистов, а также принимая во внимание специфику источниковой базы, обозначенную выше, представляется возможным разработать программу исследований для реконструкции структуры и организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Сергеев Н.Н., 2010). Она может быть представлена в рамках нескольких этапов.

На *первом этапе* проводится всесторонняя систематизация и анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, являющихся основой для реконструкции различных аспектов социальной истории кочевников.

Второй этап исследования заключается в рассмотрении горизонтальной стратификации общества раннесредневековых тюрок, нашедшей отражение, главным образом, в гендерной и возрастной дифференциации погребальной обрядности. На данном этапе работы изучаются показатели погребальных сооружений, ритуала и наборов сопроводительного инвентаря, характерные для мужских, женских и детских захоронений, а также для погребений представителей конкретных возрастных групп. Важным моментом является расширение источниковой базы за счет определения половой принадлежности умерших людей из объектов, по которым отсутствуют антропологические характеристики.

Выделение признаков, вариативность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволит перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда. Данная работа проводится на *третьем этапе* исследования. Выделение «социальных маркеров» основывается на учете ряда показателей, полученных в ходе обработки различных групп источников и материалов.

Четвертый этап исследования представляет собой интерпретацию полученных результатов анализа археологических материалов. Основной задачей является моделирование гипотетической структуры социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии посредством выделения и характеристики групп погребений.

Наконец, **пятый этап** работы предполагает корреляцию полученных результатов анализа погребальных комплексов с другими группами источников. На данном этапе исследуются те аспекты социальной истории номадов, решение которых невозможно на основе анализа только материалов захоронений. В частности, появляется возможность рассмотрения основных аспектов организации общества раннесредневековых тюрок, а также динамики социальной системы номадов на протяжении 2-й половины I тыс. н.э.

2.2. Основные аспекты изучения погребального обряда раннесредневековых тюрок

Учитывая то, что погребальные комплексы являются одним из основных и наиболее информативных источников для реконструкции социальной истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, важным этапом работы, который непосредственно предшествует социальной интерпретации материалов раскопок, становятся систематизация и анализ всех элементов обряда кочевников. Ключевым вопросом, решаемым на данном уровне исследования, является определение степени единства исследуемой общности, так как известно, что межкультурные сравнения в этом плане могут оказаться некорректными (Генинг В.Ф. и др., 1990, с. 18). Кроме того, большое значение на последующих этапах работы имеют полученные статистические наблюдения, дающие возможность сравнения конкретных объектов или групп памятников.

В связи с этим целесообразно в настоящем разделе максимально кратко представить основные результаты проведенного исследования погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Большая часть приводимых выводов и наблюдений сделана автором и опубликована в серии статей (Серегин Н.Н., 2008–2013). Кроме того, использовались результаты изучения памятников раннесредневековых тюрок Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Кыргызстана, представленные в работах А.А. Гавриловой (1965), С.И. Вайнштейна (1966), Л.Р. Кызласова (1969, 1979), К.Ш. Табалдиева (1996, 2009), Г.В. Кубарева (2005) и др.

К настоящему времени в результате исследования погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на обширных территориях раскопано более 350 захоронений, относящихся к разным

этапам развития культуры кочевников. Основная часть известных памятников расположена в Алтае-Саянском регионе (приложение I). Именно комплексы, раскопанные на данной территории, стали основой для анализа специфики погребального обряда раннесредневековых тюрок.

Погребальный обряд древних и средневековых обществ состоял из значительного количества практических действий, каждое из которых несло определенную смысловую нагрузку. Условно он может быть представлен как система, состоящая из трех основных элементов – наземные и внутримогильные конструкции, ритуал погребения, сопроводительный инвентарь (Грач А.Д., 1975, с. 158; Мас-сон В.М., 1976, с. 150; Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с. 19–20; Ольховский В.С., 1993, рис. 4).

Погребальные сооружения

Несмотря на очевидную общую тенденцию к унификации, погребальные сооружения, зафиксированные в ходе раскопок некрополей раннесредневековых тюрок, характеризуются довольно высокой степенью вариабельности. Их систематизация потребовала осуществления классификации наземных и внутримогильных конструкций для выявления наиболее распространенных типов сооружений. Кроме того, в рамках данной работы была выявлена частота встречаемости всех элементов комплексов, а также специфика памятников на различных территориях распространения археологической культуры раннесредневековых тюрок.

В результате проведенного анализа выделен 51 тип погребальных сооружений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, каждый из которых характеризуется идентичностью элементов наземных и внутримогильных конструкций (Серегин Н.Н., 2009б). Не останавливаясь на характеристике всех типов, представим самые распространенные, демонстрирующие наиболее часто встреченные ситуации.

Тип 11 (24 объекта, 8,2%). Памятники данного типа характеризуются округлой насыпью с каменной выкладкой по периметру и простой могильной ямой под наземной конструкцией: Балык-Соок-I (курган №18) (Кубарев Г.В., 2005), Аймырлыг V-5 (Овчинникова Б.Б., 2004), Белый Яр-II (курган №1, м. 4) (Поселянин А.И., Киргинцев Э.И., Тараканов В.В., 1999) и др. Погребения с обозначенными

характеристиками раскопаны на всех территориях распространения культуры раннесредневековых тюрок в Алтае-Саянском регионе, однако в Минусинской котловине встречены реже.

Tun 20 (17 объектов, 5,85%). Его отличительными чертами являются округлая насыпь и перегородка, разделяющая простую могильную яму на две части: Барбургазы-I (курган №20) (Кубарев Г.В., 2005), Саглы-Бажи (курган №22) (Грач А.Д., 1968), Тепсей-III (курган №36) (Комплекс археологических..., 1979) и др. Такие объекты зафиксированы, преимущественно, на Алтае и в Туве.

Tun 24 (18 объектов, 6,15%). Представлен памятниками, имеющими округлую курганный насыпь, могильную яму с приступкой по одной из стенок и внутримогильную конструкцию в виде перегородки: Кара-Коба-I (курган №75) (Могильников В.А., 1990), Катанда-III (курган №3) (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997), Ибыргыс-Кисте (курган №4) (Худяков Ю.С., 2004) и др. Погребения с таким набором черт характерны для раннесредневековых тюрок Алтая и Минусинской котловины и более фрагментарно зафиксированы в Туве.

Tun 30 (80 объектов, 30,15%). Основными его признаками являются простая могильная яма, над которой сооружалась насыпь округлой формы: Верх-Еланда-I (курган №4) (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990), Кокэль (курган №2) (Вайнштейн С.И., 1966), Усть-Тесь (курган №2) (Киселев С.В., 1929; Евтюхова Л.А., 1948) и др. Отличаясь наибольшей простотой в оформлении наземных и подкурганных конструкций, погребения данного типа широко распространены во всех частях Алтае-Саянской горной страны и на сопредельных территориях.

Tun 33 (20 объектов, 6,85%). Отличается от наиболее массового типа наличием приступки: Бажынты (курган №29) (Суразаков А.С., 1982), Кудыргэ (курган №10) (Гаврилова А.А., 1965), Ибыргыс-Кисте (курган №2) (Худяков Ю.С., 2004) и др. Чаще всего встречается при исследовании памятников раннесредневековых тюрок Алтая, однако зафиксирован также в Туве, Минусинской котловине и Монголии.

Tun 48 (20 объектов, 6,85%). К памятникам данного типа относятся впускные погребения без дополнительных конструкций: Бертек-27 (Савинов Д.Г., 1994б), Тянгыс-Тыт (курган №4) (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998), Кирбинский Лог (курган №3, м. 2) (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988) и др. Такие объекты распространены в наибольшей степени на Алтае и в Минусинской котловине.

Отдельного рассмотрения требуют объекты со специфичными для раннесредневековых тюрок конструкциями. Среди таких комплексов выделяются *погребения в подбое*, получившие наибольшее распространение в Минусинской котловине – 14 могил (Евтюхова Л.А., 1948, с. 61–62, рис. 112; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1–4; Худяков Ю.С., 1999, с. 23; 2004, с. 28–32) и Туве – 12 погребений (Трифонов Ю.И., 1975, с. 236–237; Овчинникова Б.Б., 1982, с. 210–212, рис. 1; 1990, рис. 1; 2004, с. 88–108; Длужневская Г.В., 2000, с. 179; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 127). Только одно подобное захоронение зафиксировано на Алтае (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 73, рис. 6). Кроме того, имеется информация о двух «подбойных» погребениях Монголии (Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004, с. 177).

Анализ характерных черт таких объектов позволил заключить, что могилы с подбоем в полной мере вписываются в общую концепцию погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2012в). В ряде случаев захоронения в боковой нише исследованы на могильниках в одной группе с «обычными» объектами (Худяков Ю.С., 2004, с. 28–32; Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003). Все это позволяет утверждать, что погребения в подбоях не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежали определенной группе населения в рамках археологической культуры раннесредневековых тюрок. Представляется возможным обозначить два основных варианта объяснения появления могил с подбоем в обрядовой практике кочевников. Традиция совершения захоронений в боковой нише фиксируется в памятниках предшествующего хронологического периода. Поэтому не исключено, что обозначенный элемент погребального обряда раннесредневековых тюрок уходит корнями в культурные традиции населения Алтае-Саянской горной страны и сопредельных территорий «гунно-сарматского» времени. С другой стороны, нельзя исключать, что рассматриваемый показатель обряда являлся для раннесредневековых тюрок новацией, внесенной на определенном этапе развития данной общности в результате контактов с какой-либо группой населения.

Судя по материалам раскопок на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, представители группы населения, хо-

ронившие умерших в подбоях, имели в обществе раннесредневековых тюрок различный статус. Наиболее монолитно выглядят погребения в подбое, исследованные в Туве. Там они сконцентрированы на нескольких некрополях, расположенных достаточно компактно в центральной части региона. Очевидно, данные памятники не связаны с представителями элиты социума раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2013). Однако следует согласиться с Б.Б. Овчинниковой (1983, 1984) в том, что большая часть тувинских захоронений в подбое принадлежит профессиональным воинам, в том числе командовавшим подразделениями различного уровня. Совершенно иная ситуация характерна для погребений в боковой нише, раскопанных на территории Минусинской котловины. Подбойные захоронения раннесредневековых тюрок в этой части Алтае-Саянской горной страны расположены дисперсно и встречены на могильниках, исследованных во всех частях региона. Социальный статус погребенных различен, однако очевидно, что значительная часть объектов оставлена населением, не отличавшимся при жизни высоким положением. Наиболее «инородной» рассматриваемая традиция выглядит на Алтае. Единственное достоверно известное погребение в подбое исследовано в группе наиболее южных комплексов указанного региона*. Учитывая то, что данную зону можно назвать контактной, не исключено, что появление подбоя в данном случае связано с влиянием населения сопредельных территорий.

Помимо курганных объектов, являющихся наиболее распространенным типом памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, зафиксированы *впускные погребения*, характеризующиеся отсутствием надмогильных сооружений. Такие объекты получили наибольшее распространение на территории Алтая (Серегин Н.Н., 2010а). В этом регионе зафиксировано 15 таких объектов, что составляет более 10% от общего количества учтенных нами могил раннесредневековых тюрок на обозначенной территории. Несколько меньше впускных погребений исследовано в Минусинской котловине – 11 (почти 13%) и Туве – 1 (1,66%). Все рассматриваемые памятники «впущены» в курганы, относящиеся к скифо-сакскому времени.

* Имеется также указание на погребение с подбоем на могильнике Талдуаир-I (Кубарев Г.В., 2005, с. 377, табл. 97), однако описание данной конструкции и отражение ее в иллюстрациях отсутствуют.

Одно из возможных объяснений распространения традиции сооружения впускных погребений связано с хронологической позицией части комплексов. Более 40% таких объектов на территории Алтая относятся к раннему кызыл-ташскому (2-я половина V – 1-я половина VI в.) и позднему балтарганскому (2-я половина X – XI в.) этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрок (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161, 163). В обоих случаях нестабильность погребального ритуала и несоблюдение норм обрядности могут объясняться особенностями этнокультурной и политической ситуации в регионе. Отмечено, что наибольшая концентрация впускных могил характерна для периодов с напряженной обстановкой (Матренин С.С., 2001, с. 101; Тишкин А.А., Матренин С.С., 2010, с. 298). Нельзя исключать и того, что сами каноны обряда находились в это время на стадии формирования или, напротив, упадка.

Другое вероятное объяснение связано с причинами социального порядка. Большинство впускных погребений отличает скудность сопроводительного инвентаря. Исследованы и вполне «стандартные» в этом отношении объекты (Грязнов М.П., 1940, с. 20; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129–130), однако общая тенденция очевидна. Поэтому, возможно, в ряде случаев впускные погребения сооружались для представителей общества раннесредневековых тюрок, отличавшихся низким социальным статусом. Не стоит исключать и того, что появление подобных объектов связано с обстоятельствами смерти человека, его специфичным прижизненным положением (Матренин С.С., 2001, с. 104) или другими факторами, не всегда фиксируемыми археологически.

Особой характеристикой погребальных сооружений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии являются *околокурганные объекты*, зафиксированные при исследовании ряда некрополей. Выделяется несколько групп подобных сооружений, расположенных в непосредственной близости, чаще всего с восточной стороны от курганных насыпей (Серегин Н.Н., 2010г): 1) каменные изваяния и крупные стелы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 132; Кубарев В.Д., 1984, с. 171, табл. XLIII.-1; Могильников В.А., 1990, с. 150–151; Савинов Д.Г., 1983, с. 157; 1994, с. 46); 2) балбалы и невысокие стелы (Вайнштейн С.И., 1966б, рис. 9, 19; Грач А.Д., 1966а, с. 96; Кызласов Л.Р., 1969, с. 23, сноска 53; Суразаков А.С., 1982, с. 126–127; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984, с. 212; Мо-

гильников В.А., 1990, с. 150–151; Кубарев Г.В., 2005, табл. 144); 3) каменные «кольца» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Трифонов Ю.И., 1975, с. 236; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118; Кубарев Г.В., 2005, с. 16, табл. 14, 25, 57, 77; Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 299); 4) каменные выкладки округлой или подквадратной формы (Трифонов Ю.И., 1975, с. 236; Бородовский А.П., 1994, рис. 1; 2; Длужневская Г.В., 2000, рис. 1; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118; Кубарев Г.В., 2005, табл. 77); 5) миниатюрные каменные четырехугольные оградки (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 297, рис. 9; Кубарев Г.В., 2005, с. 373); 6) небольшие каменные округлые или подквадратные «пристройки» (Трифонов Ю.И., 1975, с. 236; Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 340; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118).

Наличие таких конструкций демонстрирует сложность обрядовой практики раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, а также отражает существование традиций сооружения погребальных комплексов, имеющих ряд общих черт с «поминальными» объектами.

Рассматривая в целом особенности наземных и внутримогильных конструкций раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, следует обратить внимание на то, что две трети погребений относится к небольшой группе выделенных типов. Это характеризует определенную монолитность рассматриваемой общности. Важно также отметить, что обозначенный показатель является косвенным свидетельством достаточно высокого уровня консолидации населения, особенно если учесть различную историческую ситуацию, сложившуюся на отдельных территориях распространения археологической культуры раннесредневековых тюрок.

Погребальный ритуал

Анализ погребального ритуала предполагает рассмотрение таких показателей обряда, как характер захоронения, способ размещения останков умершего, его поза и ориентировка и др. (Леонова Н.В., Смирнов Ю.А., 1977, с. 19–20; Ольховский В.С., 1986, с. 66).

Наиболее распространенным вариантом погребального ритуала раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии было захоронение человека по обряду ингумации в сопро-

вождении лошади. В ряде случаев лошадь была «заменена» на овцу. Такая ситуация отмечена в одном погребении Алтая (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 63) и дважды зафиксирована на территории Тувы (Грач А.Д., 1960а, с. 32–33). Гораздо большее распространение данная традиция получила в Минусинской котловине – 13 (23,2%) объектов. Судя по имеющимся материалам, «замена» лошади в большинстве случаев была связана с половозрастными характеристиками умершего (Худяков Ю.С., 2004, с. 48). Преобладающая ориентировка животных в захоронениях раннесредневековых тюрок Алтая (66% объектов), Тувы (77,3%) и Минусинской котловины (83,9%) связана с западным сектором горизонта. Меридиональное направление лошади получило наибольшее распространение в погребениях кочевников Алтая – 27 (28,9 %) случаев.

Несколько более вариабельной была ориентировка умерших людей. Для захоронений раннесредневековых тюрок Алтая характерно направление погребенных в восточный сектор горизонта – 70% случаев. Выделяется группа объектов, при изучении которых зафиксирована меридиональная, чаще всего северная, ориентировка людей – 28%. Приведенные показатели зафиксированы и в обряде раннесредневековых тюрок Тувы, с той лишь поправкой, что несколько меньше отмечено отклонений от востока: 75% погребенных были направлены в сторону восходящего солнца. Также в качестве второй традиции заметно направление людей головой на север – 25% объектов. Совершенно иная ситуация характерна для погребений кочевников Минусинской котловины. В захоронениях данного региона преобладающей является ориентировка умершего человека на запад, с отклонениями к северу и к югу – 80% случаев (Серегин Н.Н., 2010е).

Практически во всех захоронениях умершие люди были положены вытянуто на спине. Незначительные отклонения не превышают порога единичности (Гаврилова А.А., 1965, табл. IX.-Б; Кызласов Л.Р., 1979, с. 188; Могильников В.А., 1990, рис. 14, 16; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 30; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 270; и др.). Интересно, что значительная их часть относится к ранним этапам развития культуры раннесредневековых тюрок. Также весьма унифицированным показателем обряда кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии являлось положение лошади в могиле.

В абсолютном большинстве случаев животное помещено на живот с подогнутыми ногами. Только дважды зафиксировано положение лошади на спине (Худяков Ю.С., 2004, с. 35, рис. 33; Кубарев Г.В., 2005, с. 274, табл. 71).

Гораздо менее распространенным вариантом обряда раннесредневековых тюрок являлось сооружение *«одиночных» погребений*, не предполагавших сопроводительное захоронение лошади (Серегин Н.Н., 2010в). Такие объекты исследованы на Алтае (19 могил), в Туве (9 могил), Минусинской котловине (22 могилы) и Монголии (2 могилы). Значительное количество «одиночных» погребений демонстрирует, что данная традиция не была случайной и имеет объективное объяснение, являясь отражением обрядовой практики определенной группы (или групп) населения. Сложность этнокультурной ситуации на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии и динамичность социальной истории раннесредневековых тюрок, на наш взгляд, делают невозможной однозначную интерпретацию исследуемых объектов. Более целесообразным является рассмотрение различных трактовок, справедливых для конкретных памятников.

Наиболее очевидна интерпретация «одиночных» погребений раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. В указанной части Алтае-Саянского региона такие объекты раскопаны на могильниках Белый Яр-II (Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И., 1993; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999), Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1992; Тетерин Ю.В., 1992; 2000), Кирбинский лог, Сабинка-I (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988). В большинстве случаев сопроводительное захоронение лошади отсутствовало в детских могилах. На некрополях Кирбинский Лог и Сабинка-I «одиночными» являются также погребения женщин. В то же время в мужских могилах лошадь присутствовала в большинстве случаев. Таким образом, налицо половозрастная обусловленность распространения «одиночных» погребений в Минусинской котловине. Данный вариант интерпретации рассматриваемых объектов в определенной степени справедлив и для раннесредневековых комплексов Алтая и Тувы. В исследованных детских захоронениях раннесредневековых тюрок в указанных регионах лошадь почти всегда отсутствовала; в ряде случаев рядом с ребенком помещена овца.

Другое возможное объяснение связано с тем, что отсутствие лошади в погребении отражало низкий статус умерших людей. Действительно, выделяется группа подобных объектов, содержащих «бедный» сопроводительный инвентарь (Гаврилова А.А., 1965, с. 23; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 95–98; Тетерин Ю.В., 1991, с. 152–153; Елин В.Н., Могильников В.А., 1983, с. 219; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116; Кубарев Г.В., 2005, с. 368). С другой стороны, известны «одиночные» погребения, вещевой комплекс которых достаточно стандартен (Грач А.Д., 1960а, с. 17–18; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1997; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 165; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 67–70). Выделяются могилы, включающие, помимо предметов вооружения для мужчин и украшений для женщин, некоторые «престижные» элементы материальной культуры (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Гаврилова А.А., 1965, с. 22–23; Грач А.Д., 1968, с. 108; Кызласов Л.Р., 1979, с. 191–192, рис. 150; Трифонов Ю.И., 2000; Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009). Поэтому социальный фактор в данном случае возможен лишь для некоторых погребений.

В ряде случаев традиция совершения «одиночных» погребений могла быть связана с принадлежностью умерших к определенным группам кочевников, отличавшимся по этническому составу от основного населения раннесредневековых тюрок. Одним из примеров такой ситуации является захоронение, исследованное на памятнике Ороктой (курган №1) на Алтае (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4). Объект отнесен к раннему кызыл-ташскому этапу тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161), и в его материалах фиксируется определенная преемственность с традициями предшествующего «гунно-сарматского» времени. Большинство исследователей к позднему этапу культуры относит ряд «одиночных» погребений, раскопанных на территории Тувы (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Грач А.Д., 1968, с. 108; Кызласов Л.Р., 1979, с. 191–192; Трифонов Ю.И., 2000). В этих случаях также отмечены некоторые отклонения от стандарта ритуала населения тюркской культуры по таким показателям, как ориентировка и положение умерших, что является косвенным свидетельством их иной этнической принадлежности.

Отдельного рассмотрения заслуживают **кенотафы** раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Ана-

лиз материалов раскопок позволил выявить серию таких объектов, вариабельность которых демонстрирует существование нескольких вариантов сооружения кенотафов (Серегин Н.Н., 2008б).

Наиболее распространенными являются *«классические» кенотафы* (22 объекта). Такие комплексы характеризуются соблюдением всех основных норм погребальной практики раннесредневековых тюрок при отсутствии захоронения человека. В рамках группы «классических» кенотафов наблюдаются вариации отдельных признаков. В одном случае вместо лошади была положена овца (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 13). При изучении «пустых могил» на памятниках Барбургазы-I и Монгун-Тайга на месте предполагаемого погребения человека зафиксировано изделие, напоминающее куклу (Грач А.Д., 1960б, с. 137, 141, рис. 83; Кубарев Г.В., 2005, с. 19). Второй вариант – *«парные» кенотафы*. Специфика объектов заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрок на Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов Д.Г., 1982, рис. 2.-5; 1987а). Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных, демонстрируемое зафиксированным набором сопроводительного инвентаря. Третий вариант – *кенотаф с зависимым захоронением*. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежавшего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус. Памятник с таким набором признаков исследован в одном комплексе с другими кенотафами на могильнике Боротал-I на Алтае (Кубарев В.Д., 1985б, рис. 4).

Другой своеобразной традицией раннесредневековых тюрок было сооружение *отдельных захоронений лошадей*. Такие объекты известны, главным образом, по материалам раскопок на территории Алтая (Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., 1994; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994; Савинов Д.Г., 1994б; Илюшин А.М., 1995; Кубарев Г.В., 2005; и др.). Их отличие от кенотафов заключается в отсутствии сопроводительного инвентаря для человека, места для его предполагаемого погребения, а также каких-либо внутримогильных конструкций, предназначенных для умершего.

«Минусинский» локальный вариант археологической культуры раннесредневековых тюрок

Анализ материалов раскопок позволяет утверждать, что на территории Минусинской котловины сформировался особый локальный вариант археологической культуры раннесредневековых тюрок (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998; Худяков Ю.С., 2004; Серегин Н.Н., 2009а, 2012е). Суммируем отличительные характеристики памятников, исследованных на этой территории:

- 1) специфичная «сотовая» планиграфия отдельных некрополей;
- 2) редкие характеристики погребальных сооружений (приступка по одной из стенок могилы для помещения туда человека, подбой, каменная «подушка»);
- 3) западная ориентировка человека и расположение лошади справа от него (для погребений раннесредневековых тюрок на других территориях характерно направление умершего на восток и нахождение животного слева);
- 4) использование огня в погребальной практике;
- 5) отсутствие «классических» кенотафов;
- 6) большое количество детских погребений;
- 7) почти полное отсутствие «поминальных» объектов;
- 8) отдельные специфичные характеристики предметного комплекса захоронений (распространение керамических сосудов, редкость «престижных» изделий, в том числе импорта).

Судя по датировке ранних погребений тюрок Минусинской котловины (Киселев С.В., 1929, с. 146; Евтюхова Л.А., 1948, с. 60–61; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999; Худяков Ю.С., 1999), сложение локального варианта произошло в середине – второй половине VI в. Реконструкция данных процессов требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего хронологического периода. Совокупность показателей, отличающих уже ранние погребения раннесредневековых тюрок Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и, особенно, позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени (II–V вв. н.э.) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 160–161; Тишкин А.А., 2007, с. 179). Это такие характеристики обрядовой практики, как компактное расположение курганов на ограниченной площади, нередко вплотную друг к другу, наземные конструкции в виде подчетырехугольных оград, западная ориентировка погребенного человека

и лошади, расположение животного справа на боку, помещение умершего в подбое, а лошади – на приступке и др.

Обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была принесена в Минусинскую котловину в середине VI в. н.э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся в материалах раскопок ряда некрополей Алтая IV–V вв. и памятников «минусинского» локального варианта тюркской культуры, представляется возможным рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры. Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «верх-уймонская» и частично «айрыдашская» группы погребений «булан-кобинцев» (Матренин С.С., 2005а, с. 97). Вероятно, носители этих традиций, включенные в состав каганата тюрок, попали на территорию Минусинской котловины в результате военных походов, осуществляемых основателями кочевой империи в период активной экспансии.

Итак, исследование материалов раскопок погребальных комплексов позволяет утверждать, на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии во 2-й половине V – XI в. н.э. существовала единая археологическая культура (общность) раннесредневековых тюрок. Для ее населения была характерна вариативность традиций погребального обряда. В значительной степени данная характеристика захоронений связана с неоднородностью раннесредневековых тюрок, представляющих объединение различных племен кочевников. Иллюстрацией сложных процессов этно- и культурогенеза являлось сложение особого «минусинского» локального варианта на территории Среднего Енисея. С другой стороны, вариативность обрядовой практики раннесредневековых тюрок была обусловлена социальной дифференциацией общества кочевников, специфика которой требует отдельного исследования.

ГЛАВА 3

СТРУКТУРА СОЦИУМА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(по материалам погребальных комплексов)

Социальная интерпретация материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок основывалась на анализе памятников, расположенных в Алтае-Саянском регионе. Именно на этой территории исследована основная масса захоронений. При этом для сравнения и детализации отдельных показателей привлекались немногочисленные погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Монголии, Кыргызстана и Казахстана.

Для осуществления всестороннего анализа материалов была сформирована специальная выборка, насчитывающая 204 погребения, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основным фактором при отборе памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил стала возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценной социальной интерпретации погребений. Количество антропологических определений материалов захоронений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, несмотря на наличие специальных работ (Алексеев В.П., 1960; Богданова В.И., 1980; Поздняков Д.В., 2006; и др.), весьма незначительно, поэтому формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе было осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов были обозначены погребения, материалы которых содержали устойчивые сочетания пока-

зателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только неограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для полноценного анализа. В итоге выделено 40 женских захоронений, 133 мужские могилы и 31 погребение детей и подростков (Серегин Н.Н., 2010б).

Резкое преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных с ограниченным объемом имеющихся антропологических определений, может объясняться объективными причинами. К примеру, не следует исключать высокой смертности мужского населения, обусловленной характерными для них занятиями (Берсенева Н.А., 2010а, с. 80). Исследователи, рассматривая материалы различных популяций, подчеркивают, что большее количество мужских погребений по сравнению с женскими характерно для подвижных кочевых социумов (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Низкий процент детских захоронений также зафиксирован в ходе раскопок памятников целого ряда общностей древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010б, с. 108). Следует признать, что возможна также специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок. Не исключено, что погребения детей совершались не только в отдельных курганах, но также в сложно фиксируемых могилах в межкурганном пространстве (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 117). Имеются основания для утверждения о большем распространении детских скальных захоронений (Соенов В.И. и др., 2002; Кубарев Г.В., 2005, с. 372), обнаружение которых в ряде случаев весьма затруднительно.

Анализ сформированной выборки погребений стал основой для исследования гендерной и возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, выявления «социальных» маркеров» обряда, а также моделирования структуры социума номадов.

3.1. Гендерный анализ погребальных комплексов

Одним из важных аспектов реконструкции социальной истории древних и средневековых обществ является изучение гендерных отношений. Гендерный подход предполагает проведение исследования, направленного на изучение и реконструкцию роли мужчин и

женщин в различных сферах жизнедеятельности (хозяйственной, политической, военной, культовой и др.). Перспективность реализации такой работы на материалах конкретных социумов номадов очевидна, так как ее результаты представляют интерес не только для историков и археологов, но также имеют большое значение для социологов, этнографов и специалистов других областей знания (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000, с. 15).

Известно, что в каждом обществе существуют гендерные стереотипы – социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин. Обычно они весьма устойчивы, но при определенных условиях могут изменяться. Гендерные стереотипы являются одним из факторов, формирующих систему социальных отношений, поэтому их изучение имеет большое значение для реконструкции организации конкретных обществ (Рябова Т.Б., 2001, с. 4; 2003, с. 132). Опыт работ, осуществленных, главным образом, западными учеными, демонстрирует информативность материалов раскопок археологических памятников при исследовании социальных ролей мужчин и женщин (Берсенева Н.А., 2010, с. 73).

Устоявшимся является представление о том, что центральной фигурой в социумах номадов раннего железного века и средневековья являлся мужчина-воин. Данное утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных археологических, этнографических, письменных, иконографических и других источников. Вместе с тем в последние десятилетия стали появляться материалы, в свете которых такая картина гендерной истории представляется не столь однозначной. Введены в научный оборот и интерпретированы результаты раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода, включавшие захоронения «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства (Полосьмак Н.В., 2001, с. 275–276, 279; Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2004; и др.). Отмечено, что женские погребения этнографического времени, исследованные в различных районах Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских (Дьяконова В.П., 1975, с. 129; Кубарев Г.В., 2007, с. 296–297). Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах номадов различных

исторических периодов (Кильдюшева А.А., 2005, Китова Л.Ю., 2005; Тутаркова Н.В., 2007; Белинская К.Ы., 2009; Берсенева Н.А., 2011; и др.). Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов.

Несмотря на очевидную актуальность реконструкции гендерных отношений в обществах кочевников, целенаправленного изучения данного вопроса на материалах погребальных комплексов ранне-средневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии не предпринималось. Вместе с тем отечественными археологами высказывались ценные замечания по данному вопросу. Многие исследователи подчеркивали высокую степень сходства мужских и женских погребений раннесредневековых тюрок, отмечая разницу между ними лишь в составе сопроводительного инвентаря (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100; Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Кубарев Г.В., 2005, с. 23; и др.). Анализ наборов вещей из могил кочевников 2-й половины I тыс. н.э. позволил Г.В. Длужневской (1976) обозначить категории находок, характерных для захоронений лиц различных полов.

В связи с немногочисленностью женских погребений ранне-средневековых тюрок большое внимание исследователей привлекло изучение показателей, характерных для данных объектов. Д.Г. Савинов (1994, с. 148) обратил внимание на такую этнографическую особенность ряда женских погребений кочевников, как наличие в них устойчивого набора предметов, включающего зеркало, гребень и маленький ножик. В.Н. Третьякова (2000, с. 55) отметила, что на некоторых раннесредневековых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Исследовательница подчеркнула однотипность погребений женщин и отсутствие ярких признаков подобных объектов. Схожие наблюдения приведены в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2006, с. 498–499). Авторы публикации на материалах трех охарактеризованных женских захоронений раннесредневековых тюрок, обнаруженных в Монголии, пришли к выводу о том, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда.

Перспективы изучения женских погребений раннесредневековых тюрок Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской (2007а–б, 2009). По ее мнению, в материалах захоронений предста-

вительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества кочевников раннего средневековья (Белинская К.Ы., 2007а, с. 147). Подобную слабую дифференцированность обряда К.Ы. Белинская (2009, с. 10) объяснила отсутствием резкого противопоставления между представителями элиты и рядовыми кочевниками. В работах исследовательницы представлена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Алтая (Белинская К.Ы., 2007б, 2009). Судя по приведенным описаниям, всего ею было учтено более 20 захоронений. При этом остался не совсем ясным принцип определения половой принадлежности умерших из рассмотренных комплексов. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесены могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана (Гаврилова А.А., 1965, с. 25–26, табл. XX)*, а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы.

В целом многие вопросы, связанные с изучением гендерных отношений в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, остаются открытыми. Возможности их решения связаны, главным образом, с осуществлением системного анализа материалов раскопок погребальных комплексов, результаты которого представлены ниже.

Анализ наземных и внутримогильных сооружений, а также ритуала погребения, характерного для памятников раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, позволил выделить две основные группы показателей (Серегин Н.Н., 2010б, 2012б). В *первую* включены признаки, вариабельность которых не связана напрямую с гендерной дифференциацией обряда кочевников. Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов с половой принадлежностью умерших продемонстрировало отсутствие в абсолютном большинстве случаев какой-либо зависимости между обозначенными показателями (табл. 1). Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей раннесредневековых тюрок, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевни-

* Самой А.А. Гавриловой (1965) могила 12 определена в одном месте как женская (с. 28), в другом – как мужская (с. 25).

ков. К примеру, на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 10.-5–6, 12.-2). В ряде случаев достаточно четко фиксируется приуроченность некоторых «околокурганных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и кенотафы, также определенные как «мужские» (Серегин Н.Н., 2010г, с. 202). В то же время наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера) характерно для женских погребений. В целом распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половой дифференциацией в обществе раннесредневековых тюрок. Вариабельность таких показателей ритуала погребения, как ориентировка и положение умерших и сопровождавших их животных, также определялась другими факторами (Серегин Н.Н., 2010е, с. 177).

Таблица 1

Специфика погребальных конструкций мужских,
женских и детских захоронений раннесредневековых тюрок
Алтае-Саянского региона

Элемент конструкции	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Округлая насыпь	112 (84,21%)	31 (77,5%)	26 (83,87%)
Подквадратная насыпь	6 (4,51%)	4 (10%)	2 (6,45%)
Впускное погребение	14 (10,52%)	5 (12,5%)	1 (3,22%)
Скальное погребение	1 (0,75%)	—	2 (6,45%)
Кольцевая выкладка	29 (21,8%)	13 (32,5%)	10 (32,25%)
Крепида	21 (15,78%)	7 (17,5%)	8 (25,8%)
Ограда	8 (6,01%)	6 (15%)	2 (6,45%)
Перегородка	46 (34,58%)	18 (45%)	9 (29%)
Приступка	42 (31,57%)	19 (47,5%)	4 (12,9%)
Подбой	10 (7,51%)	5 (12,5%)	3 (9,67%)
Перекрытие	18 (13,53%)	6 (15%)	4 (12,9%)
Погребальная камера	17 (12,78%)	8 (20%)	4 (12,9%)

Вторую группу признаков обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии составили показатели, различающиеся для мужских и женских захоронений. К ним отнесены параметры погребальных конструкций и количество лошадей, находившихся рядом с умершим. Для мужских погребений характерен большой объем трудозатрат на сооружение курганный насыпи и могильной ямы. Отметим, что данный показатель может быть зафиксирован только на уровне тенденции в силу разрушенности значительного количества объектов, а также наличия локальной специфики памятников раннесредневековых тюрок на различных территориях. Кроме того, для комплексов 2-й половины I тыс. н.э. отмечается высокая степень нивелировки размеров наземных и внутримогильных сооружений по сравнению с объектами раннего железного века. Более важным признаком является количество лошадей в погребении (табл. 2). Стандартом для мужских и женских захоронений раннесредневековых тюрок (более 70%) было помещение в могилу одного животного. Присутствие двух и более лошадей характерно только для погребений мужчин. В могилах без сопроводительного захоронения животного в процентном отношении также чаще находились представительницы слабого пола, что было связано с причинами, в том числе социального порядка.

Таблица 2

Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

Количество и вид животных	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Одна лошадь	95 (71,42%)	32 (80%)	3 (9,67%)
Две лошади	19 (14,28%)	1 (2,5%)	—
Три лошади	4 (3%)	—	—
Четыре лошади	1 (0,75%)	—	—
Лошадь отсутствует	13 (9,77%)	7 (17,5%)	16 (51,64%)
Овца	1 (0,75%)	—	12 (38,7%)

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является состав сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был

проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах (табл. 3). При изучении тенденций распределения различных категорий инвентаря в погребениях выделено четыре группы предметов.

Таблица 3

Предметный комплекс из мужских, женских и детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

Категория предметов	Элемент предметного комплекса	Мужские погребения 133 (100%)	Женские погребения 40 (100%)	Детские погребения 31 (100%)
Вооружение	Лук	84 (63,15%)	–	–
	Наконечники стрел	105 (78,94%)	–	3 (9,67%)
	Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	–
	Топор	4 (3%)	–	–
	Копье	5 (3,75%)	–	–
	Защитное вооружение	6 (4,5%)	–	–
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12%)	2 (5%)	3 (9,67%)
	Серьги	23 (17,29%)	20 (50%)	2 (6,45%)
	Другие украшения	5 (3,75%)	9 (22,5%)	3 (9,67%)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56%)	8 (20%)	–
	Монеты	8 (6,01%)	1 (2,5%)	–
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3%)	7 (17,5%)	–
	Металлический сосуд	6 (4,5%)	1 (2,5%)	–
	Керамический сосуд	16 (12,3%)	6 (15%)	11 (35,48%)
	Котел	4 (3%)	–	–
	Игольник	–	5 (12,5%)	–
Орудия труда	Нож	77 (57,89%)	21 (52,5%)	7 (22,58%)
	Пряслица	–	7 (17,5%)	1 (3,22%)
	Тесло	41 (30,82%)	–	1 (3,22%)
	Оселок	7 (5,26%)	1 (2,5%)	–
	Кочедык	8 (6,01%)	–	–
	Плеть/стек	13 (9,77%)	4 (10%)	–
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18%)	25 (62,5%)	3 (9,67%)
	Стремена	93 (69,92%)	22 (55%)	3 (9,67%)
	Украшения узды	17 (12,78%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)

Первую группу составили вещи, характерные только для захоронений мужчин (рис. 1). Главным образом, это предметы вооружения. Такие находки зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,2%) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,8%) мужских могилах. Маркерами захоронений мужчин являлись также наборный пояс, серебряный сосуд, китайские монеты, котел, тесло, оселок и кочедык. Находки, отнесенные к первой группе вещей, зафиксированы и в единичных женских погребениях. Предметы вооружения, а именно небольшие кинжалы, встречены в двух (5%) захоронениях представительниц слабого пола (Длужневская Г.В., 2000, с. 180, рис. IV.-4; Овчинникова Б.Б., 2004, с. 102, рис. 11.-10); также в двух могилах отмечен наборный пояс (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Гаврилова А.А., 1965, с. 61, рис. 7.-1, 2). По одному разу в женском погребении зафиксированы серебряный сосуд (Савинов Д.Г., 1994, с. 118, рис. 108–110), китайские монеты (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 96, рис. 9.-1) и оселок (Гаврилова А.А., 1965, с. 22).

Вторая группа находок представлена вещами, не несущими гендерной нагрузки. Это фрагменты шелковой одежды, нож, предметы конского снаряжения, керамический сосуд, а также плеть или стек. Обозначенные изделия в равной степени встречены в мужских и женских захоронениях раннесредневековых тюрок.

Третья группа предметов сопроводительного инвентаря включает находки, характерные преимущественно для женских погребений и встреченные в могилах мужчин более фрагментарно (рис. 2). К ним относятся серьги, различные украшения костюма (бусы, подвески, кольца и др.), гребень, а также украшения конского снаряжения.

К **четвертой группе** вещей отнесены предметы, встреченные только в захоронениях представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений являются металлическое зеркало*, игольник и пряслице.

* Ряд вопросов вызывает интерпретация одного из погребений раннесредневековых тюрок Тувы. Рядом с умершим человеком, определенным антропологом как мужчина, находилось металлическое зеркало (Грач А.Д., 1958; Алексеев В.П., 1960, табл. 3). В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа, по которому проводилось определение (Нестеров С.П., 1999, с. 95). С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

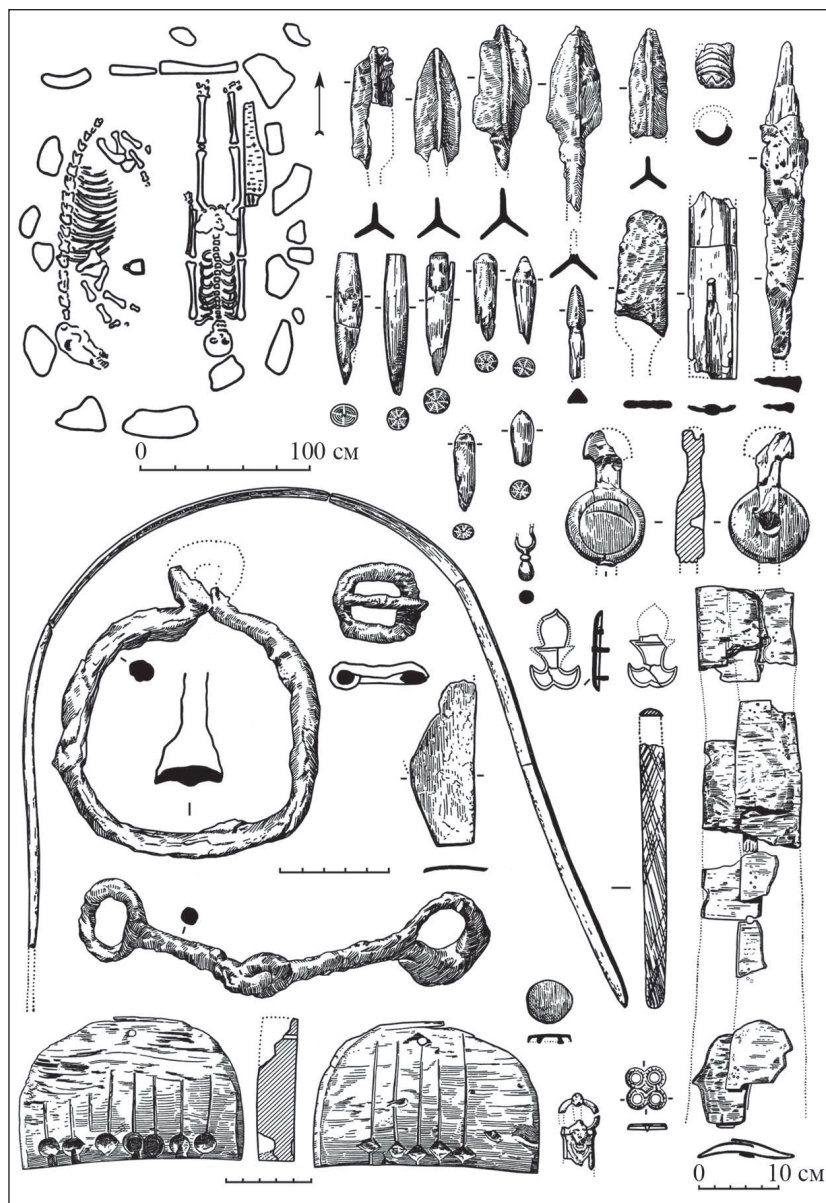

Рис. 1. Мужское погребение (Кудыргэ, курган №5)
(по: Гаврилова А.А., 1965, табл. XI–XII)

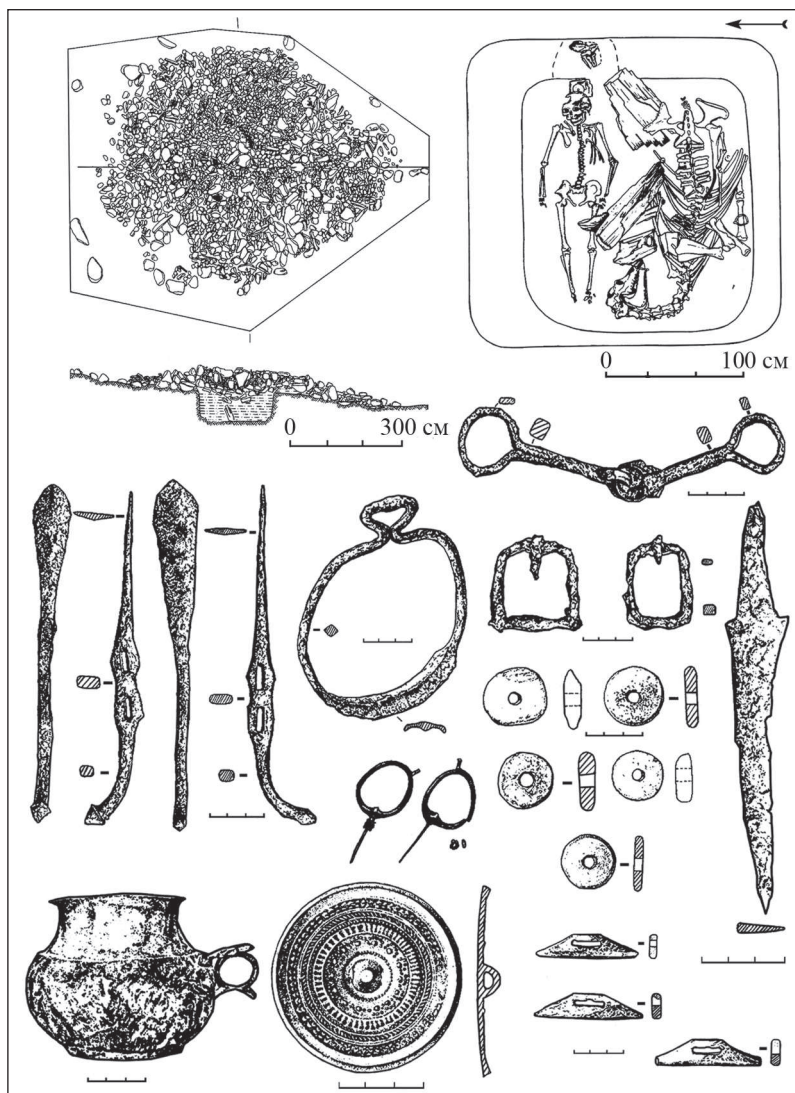

Рис. 2. Женское погребение (Бертек-34)
(по: Савинов Д.Г., 1994, рис. 96, 97, 102, 105–108)

Представленные закономерности распределения предметов сопроводительного инвентаря в могилах умерших людей различных полов позволяют рассматривать некоторые характеристики обще-

ства раннесредневековых тюрок, получившие отражение в материалах погребальных комплексов. Важным показателем обряда кочевников являлось последовательное отражение традиционных гендерных стереотипов. Они соблюдены в абсолютном большинстве рассмотренных погребений. В связи с этим интерес представляет анализ имеющихся отклонений от норм обрядности, связанных с гендерной принадлежностью умерших.

Так, в отдельных захоронениях представительниц слабого пола обнаружены «мужские» предметы. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу (Нестеров С.П., 1999, с. 97). Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кiset, предназначенный для передачи ее мужу (Дьяконова В.П., 1975, с. 23, 44–45, 130–131). Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрок. Именно так можно объяснить нетипичное расположение в женской могиле «мужского» наборного пояса, помещенного не на привычном месте, а у головы умершей (Гаврилова А.А., 1965, с. 61)*.

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус умерших. В ряде случаев захоронения женщин, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола изделия, включали и другие «престижные» категории предметов. Таким образом, нарушение гендерных стереотипов при создании рассмотренных погребений, вероятно, было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Гендерные стереотипы нашли отражение и в материалах некоторых детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2013г) (рис. 3).

* Судя по всему, такие представления нашли отражение и в материалах детского погребения, исследованного на могильнике Мойгун-Тайга. В этом захоронении наборный пояс, никак не подходивший по размеру ребенку, был положен в стороне, сбоку от умершего (Грач А.Д., 1960а, с. 32).

Основной характеристикой большинства таких объектов является фрагментарное присутствие сопроводительного инвентаря. Вместе с тем изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию. Обнаружение в отдельных детских могилах наколочников стрел (Овчинникова Б.Б., 2004, с. 104; Кубарев Г.В., 2005, с. 373), наборного пояса (Грач А.Д., 1960, с. 32; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116) и тесла (Грач А.Д., 1960, с. 33) («мужские» предметы), а также металлического зеркала (Соенов В.И. и др., 2002, с. 119), серег (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с. 91) и других украшений (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 98), более характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к определенной гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в трех детских захоронениях. Возможна и другая интерпретация случаев фиксации обозначенных показателей обряда в могилах детей. Не следует исключать влияния фактора, связанного с возрастом умерших. К сожалению, редкость антропологических определений исключает возможность детализации тенденций в этом отношении. Известны и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях, к примеру, необходимость защиты ребенка от злых сил (Троицкая Т.Н., 1989, с. 66–67) и др.

Несмотря на наличие отмеченных частных случаев, изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок демонстрирует весьма четкое разделение общественных ролей и функций мужчин и женщин. Для получения дополнительной информации в этом плане обратимся к информации письменных источников.

Общие сведения, содержащиеся в тюркских рунических текстах и китайских династийных хрониках, подтверждают традиционные для кочевых обществ модели поведения лиц обоих полов. Основным занятием мужчин было военное дело. Весьма подробное описание постоянных походов приведено в памятниках рунической письменности (Малов С.Е., 1951, 1959; Тугушева Л.Ю., 2008). Кроме того, мужчины пасли скот, занимались охотой, а также ремеслами, связанными, главным образом, с производством изделий из металла. Соответственно, все остальные многочисленные хозяйственные занятия, а также воспитание детей, возлагались на женщин. Вместе с тем отдельные сообщения раннесредневековых авторов позволяют пред-

полагать, что представительницы слабого пола в обществе тюрков занимали достаточно высокое положение и могли выполнять гораздо более широкий круг функций.

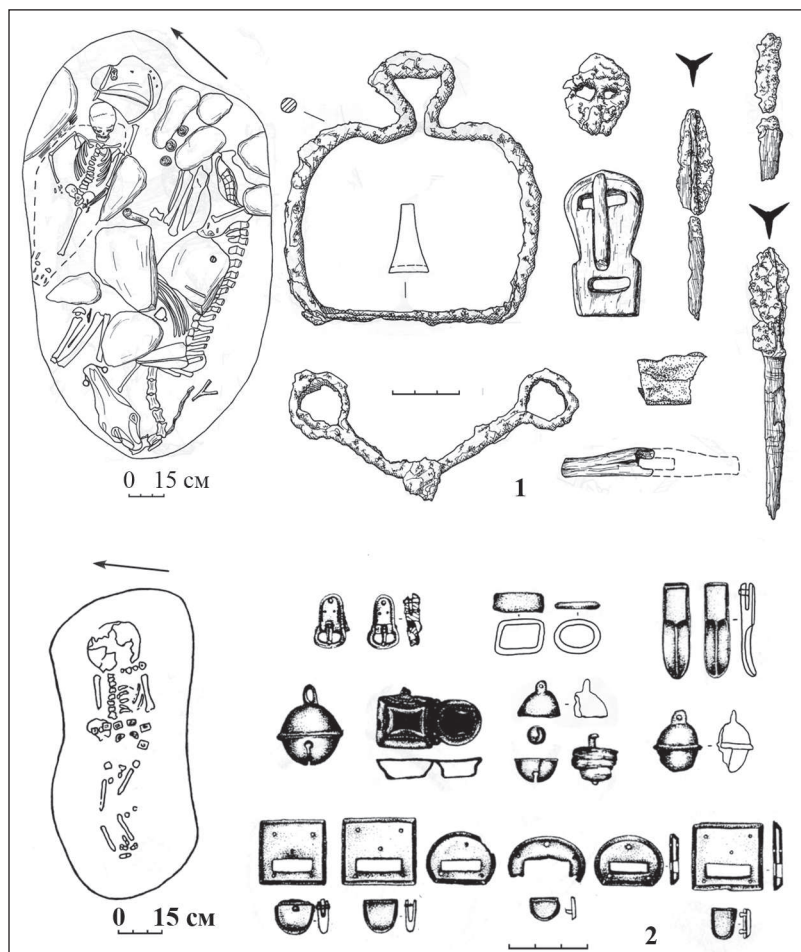

Рис. 3. Детские погребения: 1 – Джолин-III, курган №2 (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 67–68); 2 – Катанда-3, курган №7 (по: Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VI)

Отдельные аспекты реконструкции статуса женщин в социуме тюрков 2-й половины I тыс. н.э. по письменным источникам рассматривались многими исследователями. Результаты, полученные

учеными, выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, имеются сведения о высоком положении представительниц слабого пола, особенно во внутрисемейных отношениях (Бернштам А.Н., 1946, с. 97–99; Гумилев Л.Н., 2002, с. 85–86; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 183–184; и др.). Вместе с тем в письменных источниках приведена информация о существовании у тюрок женского рабства и о том, что женщины в ряде случаев приравнялись к имуществу, так как шли в уплату за некоторые уголовные преступления (Бернштам А.Н., 1946, с. 116, 120, 122; Кляшторный С.Г., 1985, с. 165–166; Кычанов Е.И., 1997, с. 110–111). Представим некоторые наблюдения, дополняющие выводы исследователей.

Справедливым представляется утверждение турецкого историка С. Максуди (2002, с. 276) о том, что положение женщин во многих обществах, в том числе и тюркском, находило отражение в статусе жен правителей. В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана (Лю Маоцай, 2002, с. 70). В надписи в честь Тоньюкука описана ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» в связи со смертью супруги (Малов С.Е., 1959, с. 68). В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегинем от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеется упоминание о том, что жена правителя державы тюрок принимала участие в «военных предприятиях» (Лю Маоцай, 2002, с. 40). Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом (Бичурин Н.Я., 1950, с. 277)*. В династических хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей (Бичурин Н.Я., 1950, с. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002, с. 64; и др.).

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников. Согласно сведениям китайских хроник, тюркские женщины могли относиться к конкретным рангам, что

* Подобная ситуация отмечена при изучении политической истории кочевников монгольского времени (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 84) и в целом является весьма распространенной.

определяло их положение (Лю Маоцай, 2002, с. 70). Порядок перечисления спасенных Кюль-Тегином родственников в ситуации, описанной выше, также, судя по всему, был обусловлен их знатностью (Малов С.Е., 1959, с. 42).

Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрков, китайские авторы отметили, что «...они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «...была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97). В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Реконструкция культовой практики у центральноазиатских тюрков раннего средневековья затруднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования. Вместе с тем из приведенных свидетельств письменных источников очевидно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами*.

Таким образом, результаты изучения материалов раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрков свидетельствуют о наличии четких гендерных стереотипов, получивших отражение в обряде номадов. При этом вариабельность многих показателей определялась не только половой принадлежностью умерших, но также их прижизненным социальным статусом, отношением к определенной профессиональной группе и др. Не следует исключать влияния фактора, связанного с этнической принадлежностью погребенных людей, учитывая значительное количество различных племен и групп номадов, включенных в состав политических объединений раннесредневековых кочевников. Гендерные стереотипы получили отражение в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений. Наличие устойчивых представлений, связанных с кругом функций лиц обоих полов, подтверждают сведения письменных источников. Определенная вариабельность гендерных стереотипов могла

* Известно, что у монголов некоторые обряды могли проводиться только женщинами (Скрынникова Т.Д., 1997, с. 135).

быть характерной для элитных слоев общества кочевников. Кроме того, специфика показателей погребального обряда определялась также возрастной дифференциацией социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

3.2. Возрастная дифференциация общества кочевников

Важным направлением в рамках исследования социальной истории обществ прошлого является реконструкция различных сторон возрастной дифференциации. Без выделения этапов социализации, определения тенденций динамики статуса индивида в течение жизни, а также детализации зависимости степени доступа к общественным благам людей от их возраста нельзя рассчитывать на полную и объективную характеристику организации исследуемого социума.

Несмотря на традиционную популярность социальных реконструкций в отечественной археологии, изучение возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии представляет собой практически не разработанное направление исследований. До сих пор нет комплексной публикации, в которой на представительном материале раскрывались бы все аспекты данной проблемы. Известны лишь отдельные работы, посвященные анализу различных сторон рассматриваемого явления.

Некоторые характеристики возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона представлены в статье Г.В. Длужневской (1976). При этом исследовательница обратила внимание только на специфику захоронений детей и подростков, подчеркнув, в частности, что одним из отличий детских погребений от могил взрослых людей является наличие одного стремени вместо двух (Длужневская Г.В., 1976, с. 194, 196).

Более развернутый опыт выявления возрастной дифференциации в раннесредневековых комплексах этого же региона предпринят С.А. Васютиным (2009). Исследователь подчеркнул, что полноценная реконструкция данного аспекта социальной системы кочевников по археологическим памятникам практически невозможна в связи со спецификой источниковой базы. С.А. Васютин (2009, с. 199–200) отметил высокую степень стандартизованности рядовых тюркских погребений, анализ которых позволяет наметить лишь общие контуры

ры возрастной структуры раннесредневековых кочевников. Основными выводами исследователя, представленными в рассматриваемой публикации, являются заключения об особой роли в тюркском обществе женщин в возрасте от 25 до 35 лет, о возможности выделения по археологическим материалам отдельной группы представительниц слабого пола старше 55–60 лет, а также о специфике детских захоронений (Васютин С.А., 2009, с. 200–201).

Отдельные замечания об особенностях погребений детей представлены в публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов полевых исследований на некрополях раннесредневековых тюрок. А.Д. Грач (1960, с. 71), подводя итоги рассмотрению материалов комплекса Мойгун-Тайга, отметил, что зафиксированная на данном памятнике традиция сопроводительного захоронения овцы связана с символической «заменой» лошади. В последующие годы к этой точке зрения присоединились и другие археологи (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 65; Худяков Ю.С., 2004, с. 48; и др.), объясняя «замену» лошади на овцу в погребениях детей и подростков именно возрастом умерших, которые не являлись полноправными членами социума. Г.В. Кубарев (2005, с. 22) обратил внимание на малое количество детских погребений раннесредневековых тюрок и подчеркнул высокую степень вариативности и неустойчивости норм обрядности для таких объектов. В особую группу памятников исследователь выделил детские скальные захоронения, отметив распространение традиции сооружения подобных комплексов в рассматриваемом регионе в этнографическое время.

Дальнейшая разработка вопросов возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволила существенно расширить и скорректировать представленные наблюдения (Серегин Н.Н., 2013в).

Нет сомнений, что возрастная дифференциация общества находила отражение в погребальной обрядности и, соответственно, может быть в разной степени реконструирована в ходе анализа материалов раскопок археологических комплексов (Берсенева Н.А., 2011, с. 48–49). Степень достоверности и объективности полученных результатов определяется многими факторами, в том числе не в последнюю очередь состоянием источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователя. Учитывая представленные в начале главы характеристики источниковой базы (ограниченное количество антропо-

логических определений, ограбленность значительного количества комплексов, высокая степень унификации обрядовой практики, локальное своеобразие погребений на отдельных территориях и др.), приходится ограничиваться выделением лишь общих тенденций возрастной дифференциации, не имея возможности исследовать нюансы, столь значимые для целостной характеристики социальной системы раннесредневековых кочевников. Вместе с тем фрагментарность археологических материалов в некоторой степени компенсируется наличием других групп источников. Определенное значение имеют сведения китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов, в которых представлены сюжеты, характеризующие отдельные стороны возрастной дифференциации в обществе кочевников. Некоторые замечания могут быть сделаны на основе соотношения имеющихся данных с этнографическими материалами по тюркским народам региона. Комплексный анализ всех групп источников позволяет составить общую картину возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Принимая во внимание ограниченное количество погребений, по которым имеются антропологические определения, дробление анализируемой выборки на значительное количество групп, согласно традиционному делению, принятому в антропологии (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, с. 39), представляется непродуктивным. Более обоснованным в такой ситуации является выделение лишь нескольких основных возрастных групп (Берсенева Н.А., 2011, с. 51). Такой подход, направленный, главным образом, на выявление общих тенденций и закономерностей возрастной дифференциации в обществе, вместе с тем не исключает возможности рассмотрения частных нюансов, в том случае, если такие наблюдения обеспечены необходимыми материалами.

Возрастная дифференциация социума раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии может быть рассмотрена в рамках четырех основных групп: 1) «дети» (до 14 лет, с выделением промежуточной группы «юные» – до 18 лет); 2) «младшие взрослые» (18–25 лет); 3) «взрослые» (25–45 лет); 4) «старшие взрослые» (более 45–50 лет) (Берсенева Н.А., 2011, с. 50–51).

Представительной возрастной группой социума раннесредневековых тюрков, получившей отражение в материалах погребальных комплексов, являются *дети*. Анализ материалов раскопок пог-

ребальных комплексов на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволил выделить около 40 разного рода объектов, связанных с захоронением представителей рассматриваемой возрастной группы (Серегин Н.Н., 2013г). Значительная часть детских погребений исследована в Минусинской котловине, остальные памятники обнаружены на территории Алтая и Тувы.

Обращает на себя внимание немногочисленность рассматриваемых памятников, составляющих всего около 12% от общего количества известных погребений раннесредневековых тюрок обозначенных регионов (более 350), особенно учитывая, что для определения детского погребения в большинстве случаев не требуется заключения антрополога. Вместе с тем данная ситуация не является уникальной. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010, с. 108). Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Однако, судя по имеющимся материалам, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности населения тюркской культуры, более подробно представленная ниже. Несмотря на обозначенные обстоятельства, известным образом ограничивающие возможности исследования, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить не только общую характеристику детских захоронений и выделить их отличительные особенности, но также дают возможность для рассмотрения семантики объектов и определения направлений их дальнейшего изучения.

Проведенное исследование основных характеристик погребальных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии продемонстрировало возможность выделения нескольких групп детских захоронений.

Первая группа, наиболее многочисленная (20 погребений), представлена объектами, создание которых предполагало сооружение отдельной курганный насыпи, под которой находилась одна могильная яма. Специфика погребального ритуала позволяет обозначить в рамках первой группы три варианта реализации данного компонента обрядовой практики:

1) детские захоронения в сопровождении лошади (4 объекта): Аргалыкты-VIII (курган №2), Кара-Тал-IV (курган №4), Даттыг-Ча-

рыг-Аксы (курган №2), Джолин-III (курган №2) (Трифонов Ю.И., 1967, 1968, 1975; Кубарев Г.В., 2005).

2) детские захоронения в сопровождении овцы (11 объектов): Монгун-Тайга-57-XXXXVI, Кырлык-II (курганы №2, 4), Перевозинский чаатас (курганы №79, 94), Тепсей-III (курганы №15, 19, 32, 50), Капчалы-II (курганы №10, 17) (Левашова В.П., 1952; Грач А.Д., 1960; Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Худяков Ю.С., 2004).

3) «одиночные» детские погребения – без сопроводительного захоронения животного (4 объекта): Кара-Тал-III (курган №4), Аймырлыг-XX (курган №14), Катанда-III (курган №7), Белый Яр-II (курган №5), Усть-Чоба-I (курган №3) (Трифонов Ю.И., 1968; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Соловьев А.И., 1999; Овчинникова Б.Б., 2004).

Ко *второй группе* отнесены детские погребения раннесредневековых тюрок, отличительной характеристикой которых является расположение рассматриваемых объектов под одной курганной насыпью с другими захоронениями. При этом в ряде случаев отмечено присутствие специальной надмогильной конструкции в виде небольшой кольцевой выкладки, перекрытия и др. Погребения данной группы (11 объектов) исследованы только на некрополях Минусинской котловины: Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999), Тепсей-III (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979). К данной группе также следует отнести детское впускное погребение, исследованное при раскопках кургана №3 могильника Кирбинский Лог (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988), под насыпью которого находились и другие захоронения.

Третья группа включает погребения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком. Такие объекты раскопаны на некрополях Алтая, Тувы и Минусинской котловины: Белый Яр-II (курган №7, мог. 4, захор. 1); Бийке-IV (курган №1), Кара-Коба-I (курган №47), Кудыргэ (курган №4), Улуг-Хову (курган №54) (Гаврилова А.А., 1965; Кызласов Л.Р., 1979; Могильников В.А., 1990; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008). Материалы раскопок обозначенных объектов показывают, что чаще всего ребенок был просто положен рядом со взрослым человеком. При этом в двух случаях останки детей помещены в специальный берестяной туесок. Интересно, что рассматри-

ваемые захоронения зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях.

К *четвертой группе* отнесены немногочисленные скальные захоронения: Каменный Лог (Соенов В.И. и др., 2002), Юстыд (Кубарев Г.В., 2005).

Пятая группа, выделенная на основании материалов только одного памятника, включает детские погребения, совершенные в межкурганном пространстве. Такие объекты зафиксированы в ходе раскопок на комплексе Урочище Балчикова-III (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002).

По имеющимся материалам представляется возможным определить стандарт погребального обряда детей, характерный для значительного количества рассмотренных памятников раннесредневековых тюрок. Он предполагал: 1) возведение наземной конструкции в виде небольшой курганный насыпи; 2) захоронение в неглубокой могильной яме; 3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, в ряде случаев «замененной» на овцу; 4) ограниченный набор сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Такие характеристики погребального обряда в разном сочетании зафиксированы при исследовании большинства объектов рассматриваемой серии. Имеющиеся отклонения, отмеченные в ходе раскопок остальных памятников, демонстрируют вариабельность обрядовой практики раннесредневековых кочевников.

Представленный стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, характерными для взрослого населения общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Так, не наблюдается существенных расхождений в характеристиках наземных и внутримогильных сооружений. Погребальные конструкции детских захоронений даже выделяются своим разнообразием: каменный ящик, колода, каменная, грунтовая или деревянная перегородка, подбой, приступка, берестяной туесок и др. Вместе с тем достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Относительным показателем детских погребений являются уменьшенные, по сравнению с захоронениями взрослых людей, параметры наземных и внутримогильных сооружений. Кроме того, возрастная дифференциация общества раннесредневековых тюрок получила отражение в таких элементах ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Лошадь

присутствовала только в четырех детских погребениях, в то время как в могилах взрослых наличие животного является стандартным показателем. Более чем в половине детских погребений животное отсутствовало. В 11 случаях зафиксирована символическая «замена» лошади на овцу. Данный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Минусинской котловины.

Наиболее существенным признаком, отличающим детские погребения раннесредневековых тюрок, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Основная характеристика захоронений представителей данной возрастной группы – редкость или отсутствие большинства категорий предметного комплекса, распространенных в могилах взрослого населения. Наиболее частыми находками в погребениях детей являются ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений какие-либо вещи отсутствовали.

Своеобразными вариантами оформления детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии являются захоронения в межкурганном пространстве, а также скальные объекты. Фиксация таких комплексов и немногочисленность «стандартных» памятников, связанных с представителями рассматриваемой возрастной группы, дают основания для утверждения о том, что захоронение далеко не всех умерших детей предполагало реализацию всех традиционных норм обрядовой практики. Не исключено, что определенная часть детских погребений еще не известна в связи с несовершенством методики раскопок (неполнотой исследования межкурганного пространства), а также очевидной сложностью обнаружения скальных объектов. Следует признать, что предположение о связи незначительного количества детских захоронений раннесредневековых тюрок с тем, что далеко не для всех умерших сооружался «стандартный» погребальный комплекс, является лишь гипотезой, требующей подтверждения в ходе дальнейших археологических исследований.

Итак, материалы раскопок детских погребений раннесредневековых тюрок, несмотря на их немногочисленность, демонстрируют определенный уровень вариабельности признаков, обусловленных, судя по всему, как возрастными и индивидуальными особенностями, так и заметной социальной дифференциацией внутри данной группы.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Вместе с тем заметно выделение погребений *подростков* (14–15 лет), отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в могилах детей и в ряде случаев демонстрирующих гендерную принадлежность умершего (Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992). Тем не менее для ряда объектов, связанных с погребениями лиц рассматриваемой возрастной группы, сохраняются признаки, сближающие их с захоронениями детей, – замена лошади на овцу, отсутствие животного, фрагментарность сопроводительного инвентаря (в том числе полное отсутствие «престижных» предметов и показателей богатства и власти), уменьшенные параметры наземных и внутримогильных сооружений и др. (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Митько О.А., 1992; и др.).

Количество захоронений *молодых людей* в анализируемой выборке весьма незначительно, что, вероятно, может объясняться низким уровнем смертности в этом возрасте. Очевидно, что лица данной возрастной группы отличаются повышенной активностью и, судя по имеющимся материалам, могли занимать достаточно высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Данное утверждение представляется наиболее справедливым при характеристике статуса молодых воинов. Так, известна серия погребений молодых мужчин в возрасте 16–20 лет, отличающихся высоким положением в воинской иерархии (Кубарев В.Д., 1992; Могильников В.А., 1997а). Редкие погребения женщин данной возрастной группы в целом подтверждают обозначенные тенденции (Могильников В.А., 1990). С другой стороны, следует отметить, что далеко не все молодые люди имели возможность занять высокое положение в общественной иерархии. Ряд погребений мужчин в возрасте 16–20 лет (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999) демонстрирует высокую степень сходства с захоронениями подростков. В этих объектах фиксируется устойчивое присутствие лошади и других показателей, отличающих рассматриваемые могилы от детских захоронений, но при этом полностью отсутствуют признаки высокого статуса и включения молодых людей в воинскую организацию.

К группе *взрослых людей* относится большая часть объектов, для которых имеется подробное антропологическое определение. Материалы раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок демонстрируют довольно высокий уровень смертности в этом возрасте, особенно в период после 35–40 лет. С другой стороны, на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах в значительной степени определяет высокий статус. Действительно, погребения, связываемые по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников (Серегин Н.Н., 2013д), чаще всего создавались для умерших людей зрелого возраста. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в рамках рассматриваемой возрастной группы наблюдается и наибольшая дифференциация статуса. Известна серия захоронений, в материалах которых отсутствовали какие-либо признаки принадлежности умершего к высшим слоям социума, а также объекты, очевидно, связанные с погребением людей, находившихся при жизни на нижних уровнях общественной иерархии. Различный статус в данном случае, очевидно, не был связан с возрастом умерших, а определялся другими причинами.

В рамках анализируемой выборки выделяется достаточно представительная серия погребений, демонстрирующих положение *пожилых людей* в социуме раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Судя по зафиксированным показателям, мужчины в возрасте более 45 лет нередко имели весьма высокий статус в обществе кочевников. В рассматриваемых материалах присутствует группа захоронений пожилых людей, относящихся к различным уровням элиты номадов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Трифонов Ю.И., 2000; Кубарев Г.В., 2005). С другой стороны, не менее очевидным является сокращение даже в «богатых» захоронениях мужчин после 45 лет количества предметов вооружения, в том числе редких и «престижных» изделий (главным образом, клинкового оружия). Случаи фиксации обозначенных находок в таких погребениях единичны (Гаврилова А.А., 1965; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979). Вероятно, данная ситуация демонстрирует общую тенденцию, связанную с сохранением пожилыми мужчинами высокого статуса в обществе, но снижением, в силу объективных обстоятельств, их положения в воинской иерархии (Серегин Н.Н., 2012з). Такая ситуация была обусловлена, прежде всего, ограниче-

нием с возрастом физических возможностей людей, что также нашло отражение в материалах погребальных комплексов и было зафиксировано антропологами (Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 88; Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 340).

Весьма высоким был статус в обществе раннесредневековых тюрок и пожилых женщин. В данном случае не наблюдается снижения статуса с возрастом. Материалы раскопок погребальных памятников демонстрируют не только сохранение, но даже повышение роли пожилых женщин в обществе кочевников. Очевидно, неизбежное снижение физической активности и ограничение степени участия в трудовых операциях нивелировалось накопленным опытом и авторитетом.

Основные тенденции возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, рассмотренные на основе анализа результатов раскопок археологических комплексов, получают подтверждение при изучении сведений письменных источников.

Судя по приведенной в тюркских рунических текстах информации, взросление детей и включение их в хозяйственные занятия, в том числе переход мальчиков в разряд взрослых воинов, происходили достаточно рано. По наблюдениям Р.С. Липец (1984, с. 51), во многом это зависело от степени знатности семьи ребенка. Известно упоминание о том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрок (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 44). Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 58).

Вместе с тем в письменных источниках практически нет упоминаний о детях доподросткового возраста. Редкое исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрок, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина (Бичурин Н.Я., 1950, с. 220). Это указывает на то, что в целом дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников, и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Находят подтверждение и наблюдения о достаточно высоком статусе пожилых людей. В китайских хрониках и тюркских текстах

неоднократно фиксируется подчеркнутое уважение к матери (Лю Маоцай, 2002, с. 70; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 42, 44), что, очевидно, отражает общее отношение к представительницам слабого пола преклонного возраста. В одном из памятников рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегинотом от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеются упоминания о значительной роли в управлении различными структурами общества и большом авторитете старейшин (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 271; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 78). В надписи на памятнике, созданном в честь известного военачальника Тоньюкука, приведена следующая яркая характеристика статуса людей преклонного возраста: «...Сам я состарился и стал почтенным» (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 86).

Итак, проведенный анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии продемонстрировал существование возрастной дифференциации социума кочевников. Представляется возможным утверждать, что возраст человека хоть и не являлся главным фактором положения, которое он занимал в общественной иерархии (будучи опосредованным профессиональным статусом, степенью знатности семьи или рода, личными заслугами и др.), но тем не менее имел определенное значение. Зафиксированные тенденции возрастной дифференциации погребального обряда раннесредневековых тюрок, находящие подтверждение в сведениях письменных источников, демонстрируют общую ситуацию, характерную для многих традиционных обществ, в том числе кочевых социумов.

Обнаружение «богатых» детских погребений, очевидно, демонстрирует существование «предписанного» статуса, определявшегося знатностью семьи или рода. Очевидным является довольно раннее взросление детей, наиболее характерное для представителей элиты кочевников. Судя по всему, основные позиции в обществе раннесредневековых кочевников занимали взрослые люди в возрасте 25–45 лет. Зачастую, приобретенный в это время статус и имевшийся авторитет сохранялись и в преклонном возрасте, что позволяло пожилым людям занимать достаточно высокое положение и после 45–50 лет. Вместе с тем фиксируется объективное ограничение степени их включения в различные сферы жизнедеятельности кочевого социума. Наиболее последовательно этот процесс получил отражение в

материалах раскопок погребений пожилых мужчин, как правило, не имевших прежних возможностей для участия в военных предприятиях. В то же время, судя по имеющимся археологическим и письменным источникам, пожилые женщины даже укрепляли свои позиции, не теряя с возрастом влияния на принятие решений и приобретая новые возможности в связи с накопленным обширным опытом.

3.3. «Социальные маркеры» погребального обряда

В ходе реконструкции социальной структуры и организации конкретного общества по материалам погребальных комплексов особое значение приобретает выделение так называемых социальных маркеров – элементов обряда, представляющих собой более или менее объективный показатель прижизненного статуса и положения умершего. Основания для выводов в этом направлении должны быть получены в процессе всестороннего анализа памятников. Непременным условием также является привлечение дополнительных материалов: данных письменной истории, этнографии, антропологии и др.

Выделение социально значимых элементов обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии было основано, главным образом, на выводах, полученных в ходе всесторонней систематизации и анализа памятников данной общности. Кроме того, нами привлекались результаты изучения письменных документов (китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов), фольклорных и этнографических материалов. Особую важность данные источники представляли при рассмотрении социальной значимости конкретных предметов, обнаруженных в погребениях. При обозначении «социального веса» различных элементов обряда всецело учитывались результаты изучения гендерной и возрастной дифференциации, получившей отражение в погребальной практике раннесредневековых тюрок. Следует отметить, что в процессе выделения социальных маркеров для кочевников 2-й половины I тыс. н.э. нами принимались во внимание результаты в этом направлении, полученные многими исследователями при изучении обществ кочевников степей Евразии различных исторических периодов раннего железного века и средневековья. Обоснованность аккуратного проведения подобных аналогий обусловлена наличием комп-

лекса схожих черт и характеристик в существовании объединений номадов рассматриваемого региона.

Комплексный анализ и интерпретация имеющихся источников и материалов позволили обозначить элементы погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, вариабельность которых была в той или иной степени связана с особенностями социального статуса умершего.

В ряде случаев при определении прижизненного статуса индивида показательной является планиграфия объектов. Одним из первых наличие социально обусловленных закономерностей в расположении курганов раннего средневековья на могильном поле отметил С.В. Киселев (1951, с. 533). Исследователь предположил, что приуроченность нескольких небольших по размеру объектов к крупной насыпи отражает социальное неравенство в обществе номадов и зависимое положение некоторых групп населения. К сожалению, материалы раскопок С.В. Киселева в настоящее время остались опубликованными весьма фрагментарно, что затрудняет объективную оценку ситуации, зафиксированной ученым. Схожие тенденции, однако на большем материале, обозначены исследователями для памятников тюрок Минусинской котловины. В ряде случаев вокруг центрального «элитного» кургана сооружались объекты, содержащие погребения людей с более низким социальным статусом (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). В то же время обозначенные закономерности не подтверждаются материалами всех памятников. Обстоятельством, ограничивающим наблюдения в этом отношении, является то, что в большинстве случаев некрополи раннесредневековых тюрок не представляют большого скопления курганов.

Классификация погребальных сооружений, а также рассмотрение особенностей распространения отдельных элементов конструкций позволили прийти к выводу о том, что вариабельность этих показателей была обусловлена, главным образом, спецификой развития археологической культуры раннесредневековых тюрок в различных районах Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Возможно, в данном случае имеет место специфика этнической или родовой принадлежности конкретных групп номадов. В ряде случаев особенности наземных и внутримогильных конструкций были связаны с полом и возрастом умерших. Также спецификой локально-территориального распространения комплексов раннесредневеко-

вых тюрков обусловлена вариабельность таких элементов погребального ритуала, как ориентировка и положение умерших.

Традиционно, одним из основных социально значимых признаков обряда кочевников считаются параметры погребальных сооружений. Этот показатель использовался многими исследователями в ходе изучения дифференциации обществ номадов степей Евразии раннего железного века. Эффективность применения метода определения объема трудозатрат на материалах I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. давала основания для ожидания подобных результатов и при рассмотрении памятников раннего средневековья. Вместе с тем анализ параметров погребальных сооружений раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии не позволил выявить четких закономерностей, связанных с проявлением имущественного и социального статуса индивида в размерах наземных и подкурганных конструкций. Параметры могильной ямы в значительной степени определялись физическими данными умершего и количеством лошадей, помещенных рядом с ним. Определенным фактором, несомненно, являлись специфика природно-климатических условий конкретных районов, а также сезон совершения погребения. К примеру, создание необходимой по размерам могильной ямы могло быть затруднено каменистой почвой, промерзшей землей и др.

По всей видимости, основными причинами фиксирующихся отклонений в параметрах погребальных сооружений были замкнутость отдельных локальных групп номадов, различная родовая принадлежность кочевников и др. Определенное значение могла иметь хронология памятников. К примеру, насыпи курганов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры раннесредневековых тюрков в ряде случаев представляют небольшую однослойную наброску, подобную надмогильным сооружениям, исследованным на известном некрополе Кудыргэ. Достаточно четко фиксируются меньшие размеры значительного количества курганов кочевников Минусинской котловины, по сравнению с объектами Алтая и Тувы. Таким образом, параметры наземных и внутримогильных конструкций не являются объективным показателем статуса умершего. Некоторые тенденции фиксируются только при рассмотрении материалов отдельных некрополей. Однако данное утверждение касается, в основном, рядовых номадов. В ходе работы было определено, что

для наиболее элитных групп скотоводов сооружались памятники, выделяющиеся своими размерами. В свою очередь, в ряде случаев о невысоком прижизненном положении умершего свидетельствует сооружение впускных погребений.

Одним из объективных показателей прижизненного положения умершего являлось количество сопровождавших его лошадей. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде раннесредневековых тюрок продемонстрировал, что наличие животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом кочевника, что в большинстве случаев подтверждает корреляция данного показателя с другими социально значимыми признаками обряда. При этом необходимо подчеркнуть, что отсутствие животного далеко не всегда является основанием для утверждения о низком статусе умершего. Одной из причин распространения «одиночных» захоронений раннесредневековых тюрок, судя по всему, была специфика этнической или родовой принадлежности погребенного.

Показательной является такая редкая особенность ритуала раннесредневековых тюрок, как наличие зависимого захоронения человека с более низким социальным статусом, чем у основного погребенного (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113; Кубарев В.Д., 1985, рис. 4). Ситуация, зафиксированная в ходе исследования обозначенных объектов, находит некоторые аналогии с захоронениями зависимого населения в курганах скифского времени (Ильинская В.А., 1966, с. 166–171).

В целом, несмотря на вариабельность отдельных элементов погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, наблюдается высокая степень унификации черт, которые традиционно рассматриваются как «социальные маркеры». В такой ситуации основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим.

Корректное определение социальной значимости предметов сопроводительного инвентаря не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение до-

полнительных источников и материалов. Основными являются следующие факторы:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;
- 4) общие тенденции развития кочевых обществ центральноазиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Социальная значимость вещей в определенной степени была обусловлена их материальной ценностью. Это утверждение относится, в первую очередь, к предметам, изготовленным с использованием драгоценных металлов. Важным показателем является качество производства вещей, что отражается в ряде характеристик. К примеру, анализ раннесредневековых предметов торевтики малых форм позволил Г.Г. Король и Л.В. Коньковой (2007, с. 27–28) выделить несколько уровней качества их изготовления. Определенным показателем также является художественное оформление вещей, главным образом, специфика орнаментации. Вместе с тем следует учитывать, что данный признак во 2-й половине I тыс. н.э. был в значительной степени обусловлен хронологическим и этнокультурным факторами.

Не менее важной является символическая значимость предметов. Ее определение может быть основано на изучении письменных источников, этнографических и фольклорных материалов. Интерес представляет анализ иконографических изображений, на которых нередко представлены элитные слои общества кочевников, а также рассмотрение вещей, встречающихся на каменных изваяниях. Отметим, что в ходе такой работы обоснованным становится привлечение материалов с сопредельных территорий.

Существенным обстоятельством является то, что состав сопроводительного инвентаря в погребениях элитных слоев общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии во многом определялся особенностями взаимоотношений центрального «правительства» и периферийной знати степных империй. В данном случае речь идет о редиистрибутивных функциях власти, так называемой престижной экономике (Васютин С.А., 2004, с. 96). По мнению Н.Н. Крадина (2002, с. 73), первоочередной обязанностью кагана было получение и перераспределение китайских

товаров, а также добычи, полученной во время военных походов. Очевидно, что тюркская знать получала значительную часть «подарков» из Поднебесной империи. Таким образом, важным признаком «элитных» погребений было присутствие среди предметов сопроводительного инвентаря импортных изделий. В целом следует согласиться с тем, что обладание «модными» вещами «приближало» периферийную элиту к центральной (Харинский А.В., 2004, с. 110).

Учитывая обозначенные показатели, кратко представим основания для определения социальной значимости различных категорий вещей, обнаруженных в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Одним из наиболее важных атрибутов воина-кочевника являлись предметы вооружения. Среди них выделяются вещи, имевшие особый статус благодаря целому комплексу представлений, связанных с их использованием. В первую очередь, следует обратить внимание на социальную значимость клинкового оружия ближнего боя (рис. 4.-1–6, 10–12). Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского происхождения (Дмитриев С.В., 2001). Такие предметы считались символом оружия и атрибутом власти военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов (Распопова В.И., 1980, с. 79; Ульянов И.В., 2007, с. 189–190; Измайлов И.Л., 2008, с. 39; Кочкаров У.Ю., 2010, с. 157; и мн. др.). Вполне характерными являются сведения о том, что меч присутствовал среди атрибутов, выделявших элиту общества Золотой Орды из состава остального населения (Селезнев Ю.В., 2009, с. 21). Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но также как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина (Распопова В.И., 1980, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 83). Дополнительным подтверждением этого является упоминание о кинжале как о пояском украшении тюрок, приведенное в китайских династийных хрониках (Лю Маоцай, 2002, с. 19).

Особое символическое значение имел также боевой топор (рис. 4.-7–9), рассматривавшийся, по всей видимости, как знак власти военачальника (Распопова В.И., 1980, с. 76; Кубарев В.Д., 1992, с. 32; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи зафиксировано изображение царя

без доспеха, но с топором (Распопова В.И., 1980, с. 76). Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения известны на петроглифах раннего средневековья, обнаруженных в различных районах центральноазиатского региона (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214; Жолдошов Ч.М., 2005, с. 72).

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех (*рис. 5.-1-3*). Значимость данного элемента панοπлии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. Поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что такая ситуация характерна не только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007, с. 119).

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых кочевников имело копье (*рис. 5.-4-6*). Такие изделия нередко фиксируются при исследовании наскальных изображений. При этом зачастую на копьях, находящихся в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки (Советова О.С., Мухарева А.Н., 2005, с. 94). Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня (Окладников А.П., 1951, с. 151–153; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 116–117). Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров (Худяков Ю.С., 2011, с. 294–295).

Помимо оружия, выделяются и другие предметы, которые следует рассматривать как символы власти в обществе кочевников. К таким вещам относятся плети и стеки, что подтверждают сведения письменных источников среднеазиатского происхождения, а также фольклорные, этнографические и иконографические материалы (Соловьева О.А., 1996, с. 40; Кубарев В.Д., 2001б, с. 98; Кубарев Г.В., 2005, с. 80). В научной литературе достаточно подробно обосновано особое символическое значение железных котлов и казанов, присутствие которых в погребениях отражает высокий прижизненный социальный статус умершего (Швецов М.Л., 1980; Кравец В.В., 2005, с. 57).

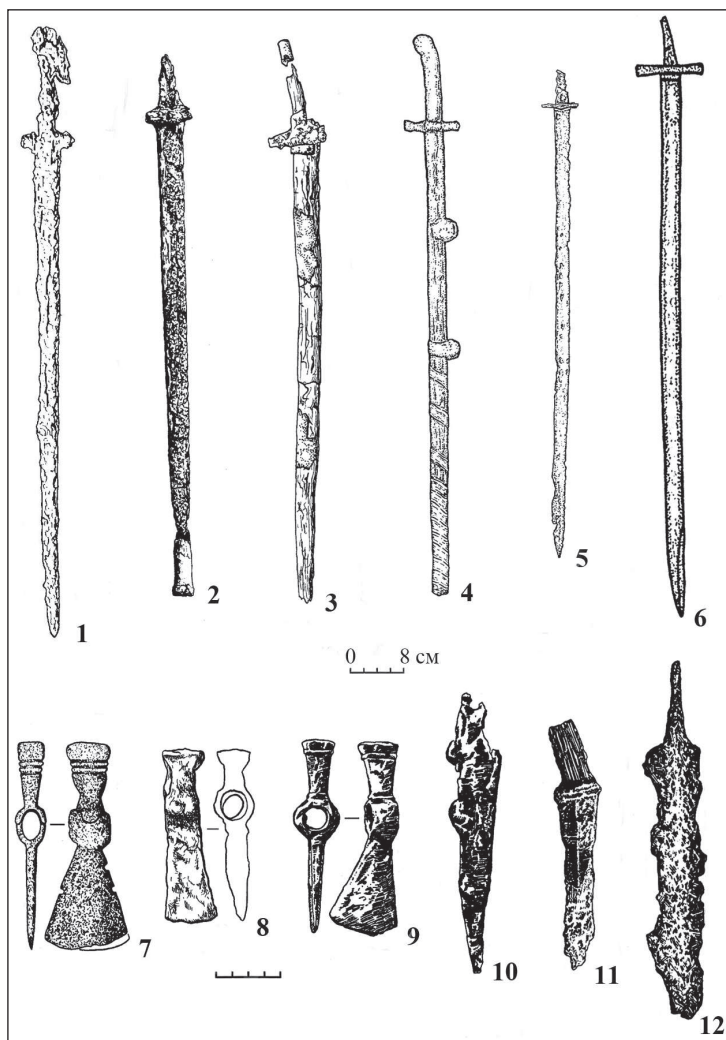

Рис. 4. Предметы вооружения из памятников раннесредневековых тюрок
 (по: 1 – Овчинникова Б.Б., 1982, рис. 3.-21; 2 – Могильников В.А., 1997,
 рис. 3.-6; 3 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 117.-1; 4 – Худяков Ю.С., 2004,
 рис. 48.-1; 5 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 63.-1; 6 – Худяков Ю.С., Кочеев В.А.,
 Моносов В.М., 1996, рис. 1.-1; 7 – Горбунов В.В., 2006, рис. 69.-1;
 8 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 62.-13; 9 – Гаврилова А.А., 1965, рис. 9.-11;
 10 – Гаврилова А.А., 1965, табл. XXIV.-10; 11 – Тишкин А.А., Горбунов В.В.,
 2003, рис. 4.-1; 12 – Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VII.-16)

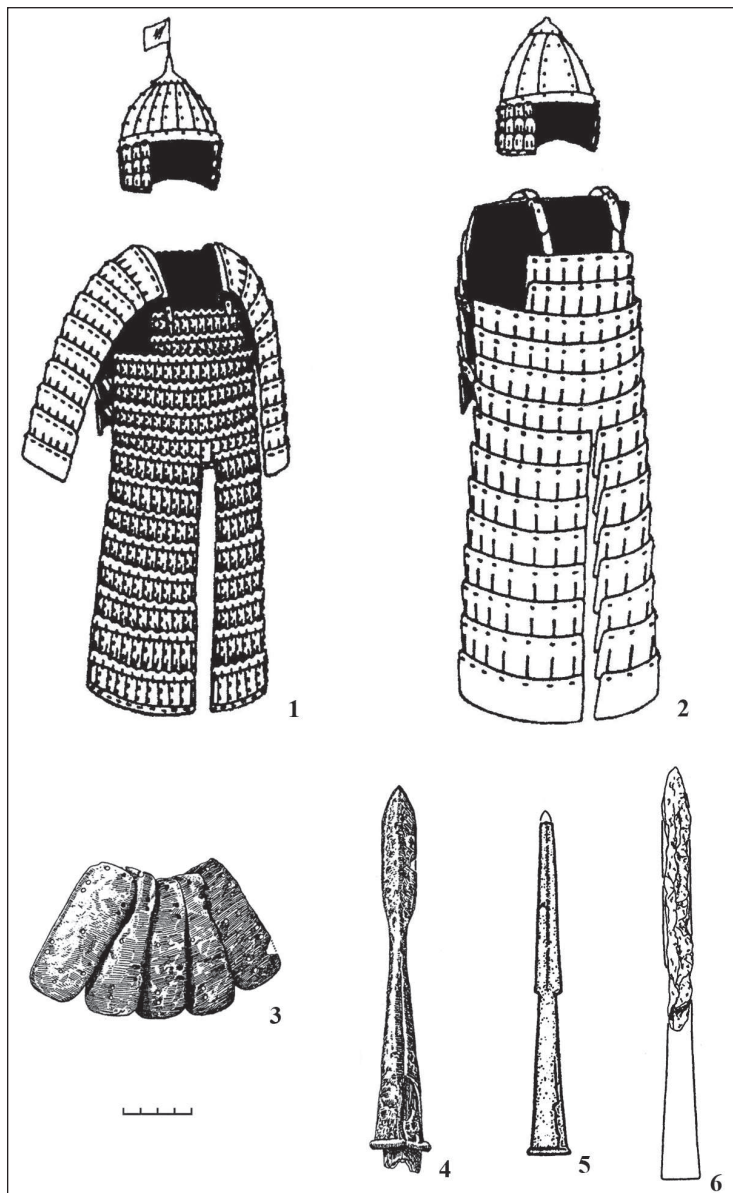

Рис. 5. Предметы вооружения и защитного снаряжения из памятников раннесредневековых тюрок (по: 1, 2 – Горбунов В.В., 2003, рис. 60; 3 – Гаврилова А.А., 1965, табл. V-1; 4-6 – Горбунов В.В., 2006, рис. 42.-5-7)

Традиционно ярким признаком, отличавшим элитные слои общества от остального населения, являлся костюм (Доде З.В., 2005, с. 25). В данном случае особое внимание следует обратить на предметы торевтики, изготовленные из цветных металлов. В научной литературе весьма подробно представлена социальная значимость наборного пояса, являющегося своего рода «паспортом» раннесредневекового кочевника (Ковалевская В.Б., 1970, с. 144; Добжанский В.Н., 1990, с. 73; Король Г.Г., 2008, с. 224; и мн. др.) (рис. 6). Основным показателем престижности пояса, судя по всему, был материал, из которого изготовлены его составляющие, а также их количество. Дополнительным признаком являлись изображения животных, в ряде случаев зафиксированные на наконечниках ремней (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996, с. 81). Имеются многочисленные свидетельства того, что в обществах раннего средневековья пояс с золотыми накладками считался признаком, определяющим принадлежность человека к элитным слоям населения (Распопова В.В., 1980, с. 97, 107–108; Добжанский В.Н., 1990, с. 77–78; Могильников В.А., 1997а, с. 214). По мнению некоторых исследователей, престижным элементом поясного набора тюрок были лировидные подвески (Добжанский В.Н., 1990, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 38).

Схожие тенденции характерны для украшений конского снаряжения (рис. 7). Наиболее существенным показателем также являлся материал, из которого изготовлены элементы амуниции (Горбунова Т.Г., 2003, с. 110–112; 2004, с. 18–19). Не исключена особая значимость отдельных предметов снаряжения. По замечанию В.И. Распоповой (1980, с. 101), на пенджикентской живописи только лошадь предводителя была украшена султаном. Известны аналогичные данные и для других элементов конского снаряжения, изготовленных из органических материалов и не сохранившихся в погребальных комплексах (Мухарева А.Н., 2009, с. 36–37, рис. 1).

Очевидна социальная значимость в обществе раннесредневековых кочевников серебряных сосудов (рис. 8). По наблюдению Ю.С. Худякова (2003, с. 137; 2007, с. 155), обозначенные предметы являлись важным элементом тюркской военно-дружинной культуры. Сосуды нередко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных воинов (Грач А.Д., 1961, с. 67; Кубарев В.Д., 1984, с. 33–36, 73). Имеются свидетельства о том, что рассматриваемые изделия были неременным атрибутом «княжеских» погребений аваров (Распопова В.И., 1980, с. 103).

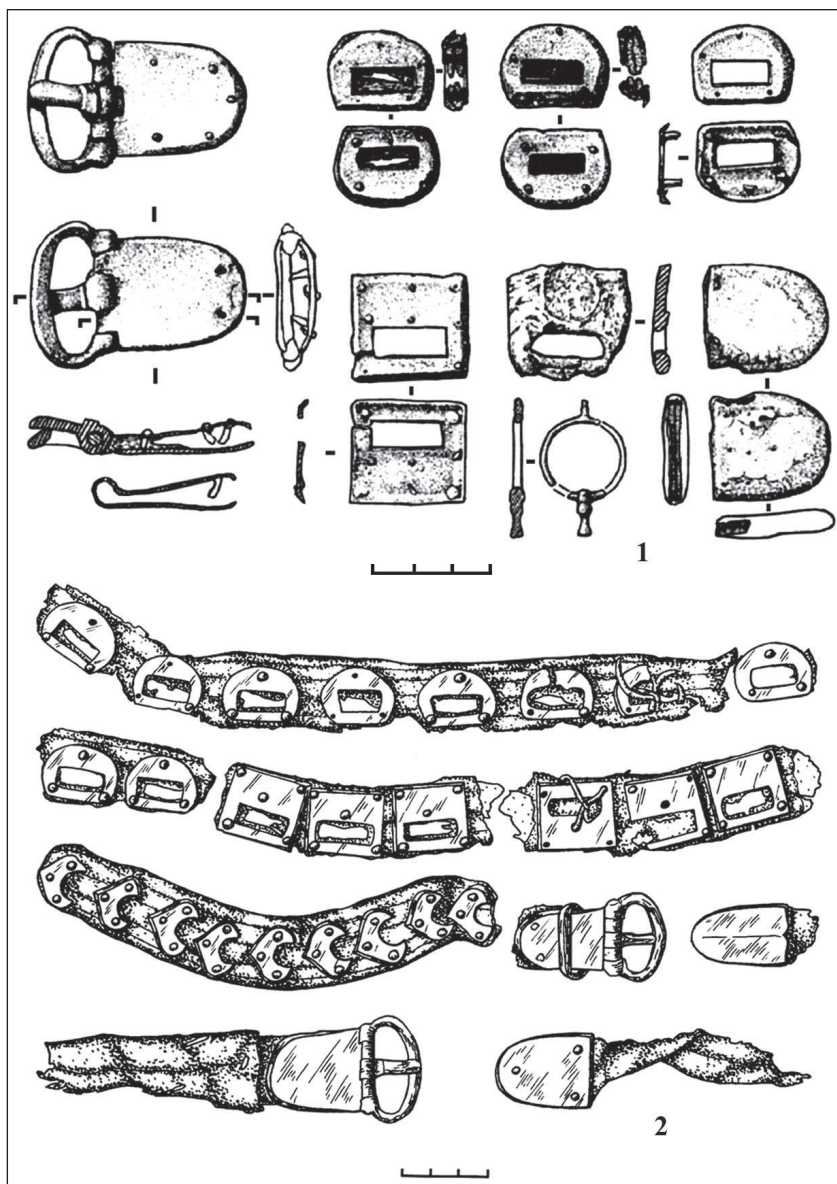

Рис. 6. Наборные пояса из погребений раннесредневековых тюрок
 (по: 1 – Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, рис. 4.-5–12;
 2 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 82.-1–7)

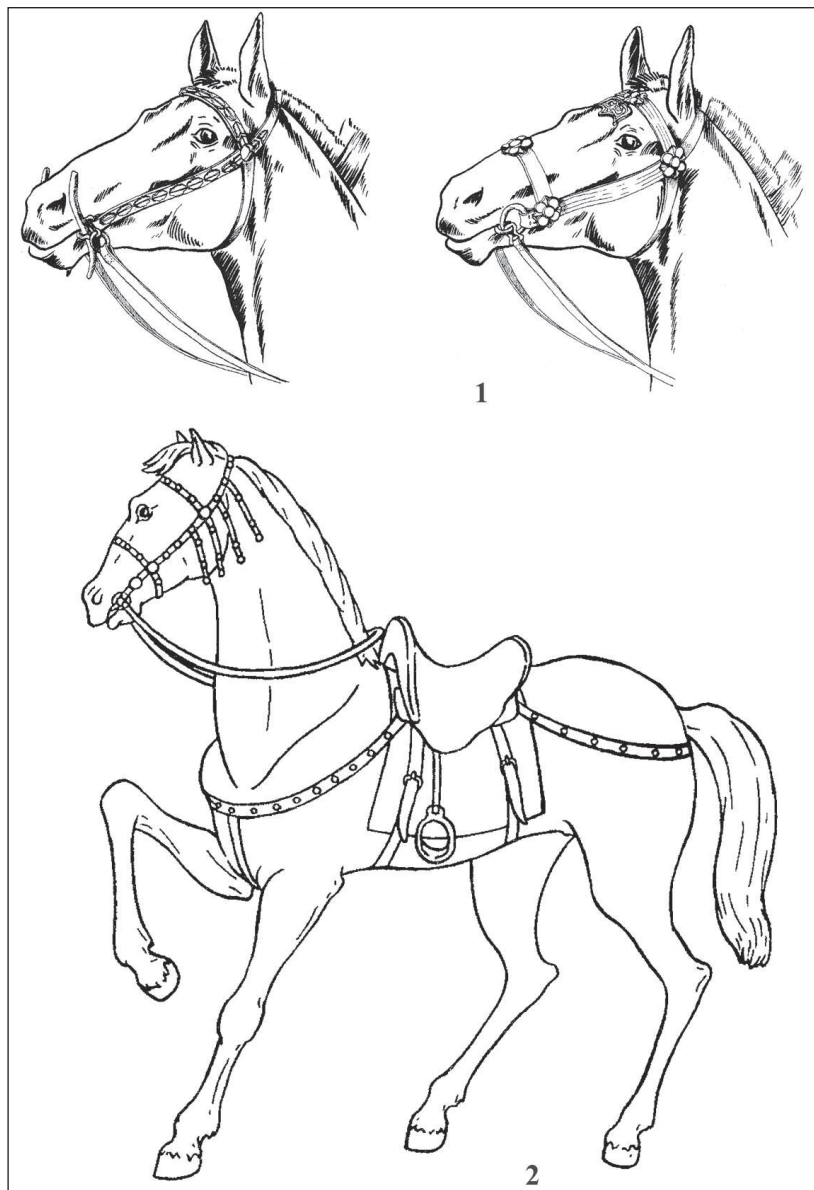

Рис. 7. Реконструкции наборов украшений конского снаряжения по материалам из погребений раннесредневековых тюрок (по: 1 – Кубарев Г.В., 2005, рис. 35.-3, 4; 2 – Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, рис. 71)

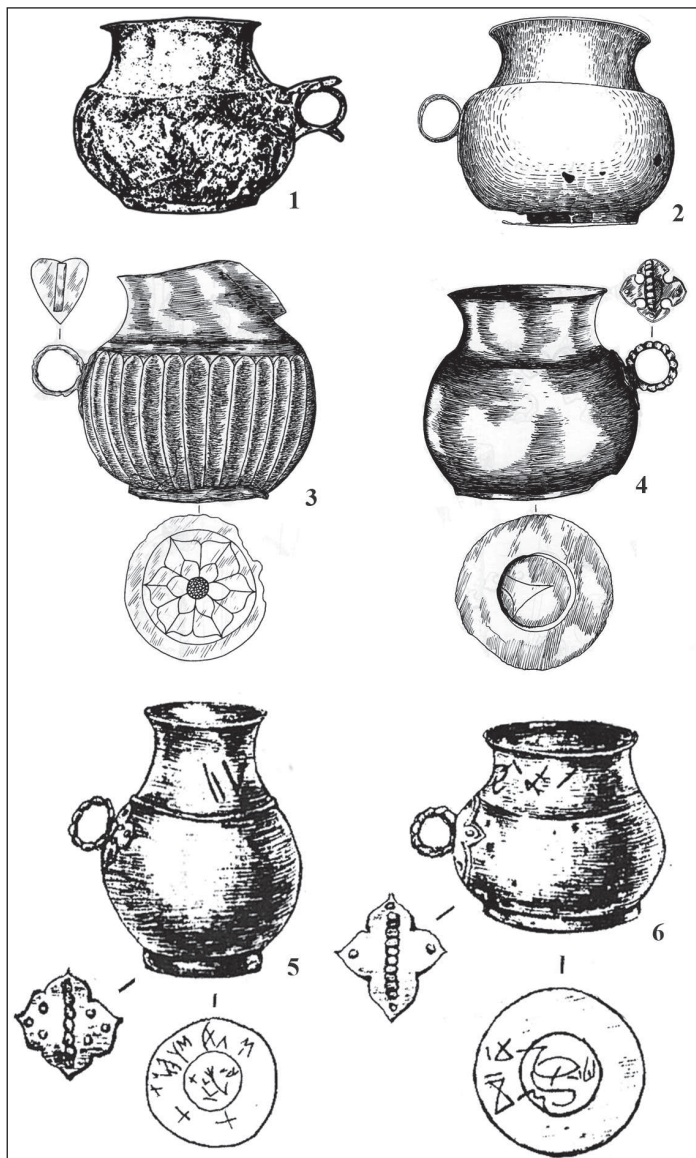

Рис. 8. Металлические сосуды из погребений раннесредневековых тюрок
 (по: 1 – Савинов Д.Г., 1994, рис. 108; 2 – Kenk R., 1982, abb. 17.-38;
 3 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 100.-7; 4 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 130.-1;
 5 – Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 32.-4; 6 – Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 32.-3)

Важным показателем, подтверждающим социальную значимость наборных поясов, украшений конского снаряжения и сосудов, изготовленных из драгоценных металлов, является обнаружение таких вещей в ходе исследований мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. На памятнике в честь Тоньюкука (Цаган-Обо-I) зафиксированы золотые бляхи, относящиеся к конской амуниции (Войтов В.Е., 1996, с. 18). В ходе раскопок мемориального комплекса Бильгэ кагана найдено огромное количество предметов торевтики, среди которых были серебряные и золотые сосуды, бляхи наборного пояса и украшения снаряжения лошади (Баяр Д., 2004, с. 79, рис. 10–15). Кроме того, в состав клада входили золотые серьги, которые, по всей видимости, также относились к «престижным» элементам материальной культуры раннесредневековых кочевников.

Особое место в представлениях кочевников различных исторических периодов занимали металлические зеркала (*рис. 9*). Определенные тенденции в этом плане характерны и для раннего средневековья (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а). Если значение металлических зеркал как предметов культа остается дискуссионным, то социальная значимость таких изделий несомненна. Во 2-й половине I тыс. н.э. рассматриваемые находки были предметами импорта, что стало одним из факторов, определивших их редкость и ценность. Дополнительным подтверждением в этом плане являются фрагментарные упоминания о зеркалах в письменных источниках, наряду с другими признаками «богатства» кочевника (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, с. 313).

Итак, рассмотрение дополнительных источников и материалов позволяет представить общие тенденции, связанные с определением социальной значимости конкретных предметов в обществе кочевников раннего средневековья. При этом необходимо признать, что обозначенные положения в значительной степени носят гипотетический характер и требуют подтверждения на конкретном материале.

Анализ предметного комплекса является одним из наиболее разработанных направлений в изучении археологической культуры раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Рассмотрению различных категорий изделий посвящены монографии, специальные разделы в обобщающих работах, а также многочисленные статьи, в которых представлены частные вопросы. Полученные результаты стали основой для уточнения хронологии погребальных и «поминальных» комплексов, обозначения этнокуль-

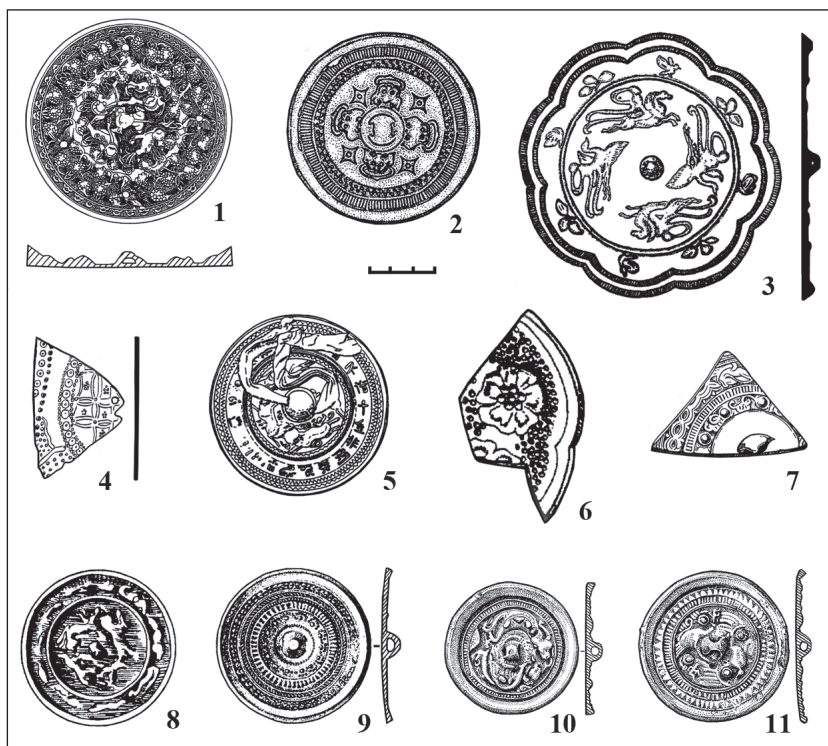

Рис. 9. Металлические зеркала из погребений раннесредневековых тюрок (по: 1 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 46.-4; 2 – Длужневская Г.В., 2000, рис. IV.-7; 3 – Суразаков А.С., 1990, рис. 22.-1; 4 – Соенов В.И. и др., 2002, рис. 1.-13; 5 – Kenk R., 1982, abb. 9.-2; 6 – Грач А.Д., 1968, рис. 50.-5; 7 – Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 34; 8 – Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 33.-17; 9 – Савинов Д.Г., 1994, рис. 107.-3; 10 – Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XXIII.-3; 11 – Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XXIV.-4)

турных связей между различными территориями и др. В гораздо меньшей степени затронуты вопросы, связанные с определением социально-диагностирующих возможностей вещей. В работах, представляющих результаты вещеведческого анализа, а также в рамках публикации материалов раскопок, высказывались замечания по поводу социальной значимости наборных поясов, украшений конского снаряжения, серег, серебряных сосудов и зеркал (Добжанский В.Н., 1990; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 31–32, 43–44, 47, 63–64; Савинов Д.Г., 1994, с. 148; Горбунова Т.Г., 2004, с. 18–19; Кубарев Г.В.,

2005, с. 53–56, 61, 71; и др.), упомянута ценность и статусность различных предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986, с. 152; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). Возможности конкретизации и расширения обозначенных наблюдений связаны с изучением места предметов в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований (Васютин С.А., 1998, с. 18; Кондрашов А.В., 2004а, с. 20; 2004б, с. 105–107; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных групп предметов, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов (Серегин Н.Н., 2011а).

«Комплекс власти» в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии был представлен, главным образом, предметами вооружения. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателям высокого статуса умершего было наличие меча, кинжала и копья. Имеются все основания для того, чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем средневековье. В письменных источниках нередко упоминаются об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия (Худяков Ю.С., 2007, с. 115–117). Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников (Грач А.Д., 1961, с. 63–64; Кубарев В.Д., 1984, с. 39–42; Кубарев Г.В., 2008а, с. 69–70) (*рис. 10*). Копья были непременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья (Горбунов В.В., 1998; Черемисин Д.В., 2004). При этом многие всадники облачены в защитный доспех (*рис. 11*). На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях ран-

несредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии обусловлена не ограниченностью их распространения, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус*.

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора. Не исключено, что применение его тюрками в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы стали рассматриваться как некий символ власти. Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кочеев В.А., 1999).

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии защитного доспеха. Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены в большинстве случаев сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря встречены только однажды в «стандартном» погребении (Кубарев Г.В., 2002; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003). В остальных случаях фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах (Серегин Н.Н., 2008б, с. 148). В данном случае, помимо социальной значимости рассматриваемых предметов, очевидна и другая их функция. В качестве предположения обратим внимание на возможность того, что фрагменты доспеха могли быть своего рода символической «заменой» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруженные в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов (Кубарев Г.В., 2005, табл. 73.-10, 145.-1) и, особенно, каменных оградок на различных территориях (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-2; Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998, рис. 3.-22; Досымба

* Безусловно, нельзя в данном случае исключать и особенностей обрядовой практики кочевников. К примеру, по мнению С.А. Плетневой (1967, с. 157), рассмотревшей степень встречаемости сабель в погребениях кочевников южнорусских степей, редкость обнаружения таких предметов может объясняться традицией передачи клинкового оружия по наследству.

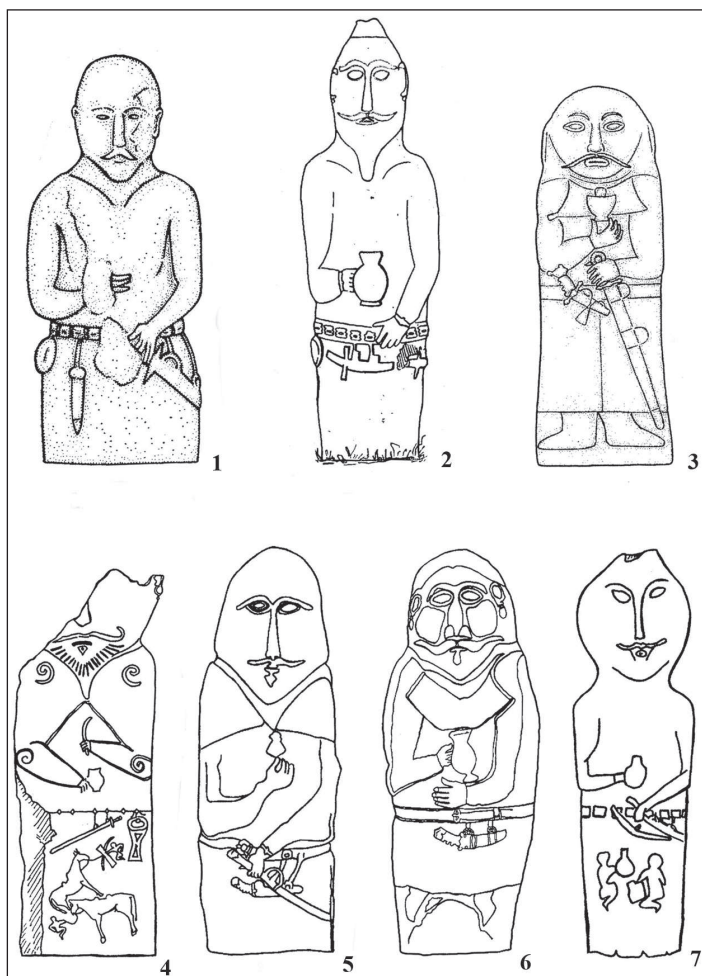

Рис. 10. Каменные изваяния раннесредневековых тюрков
(по: 1 – Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1990, рис. 2.-1; 2 – Евтюхова Л.А., 1952, рис. 3.-2; 3 – Худяков Ю.С., Комисаров С.А., 2002, рис. XXVIII.-1; 4, 7 – Кубарев В.Д., 2004, рис. 16; 5, 6 – Кубарев Г.В., 2008а, рис. 1)

ева А., 2006, рис. 8.-4; и др.). Весьма своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копья была изготовлена из панцирной пластины (Досымбаева А., 2006, фото 9). Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографиче-

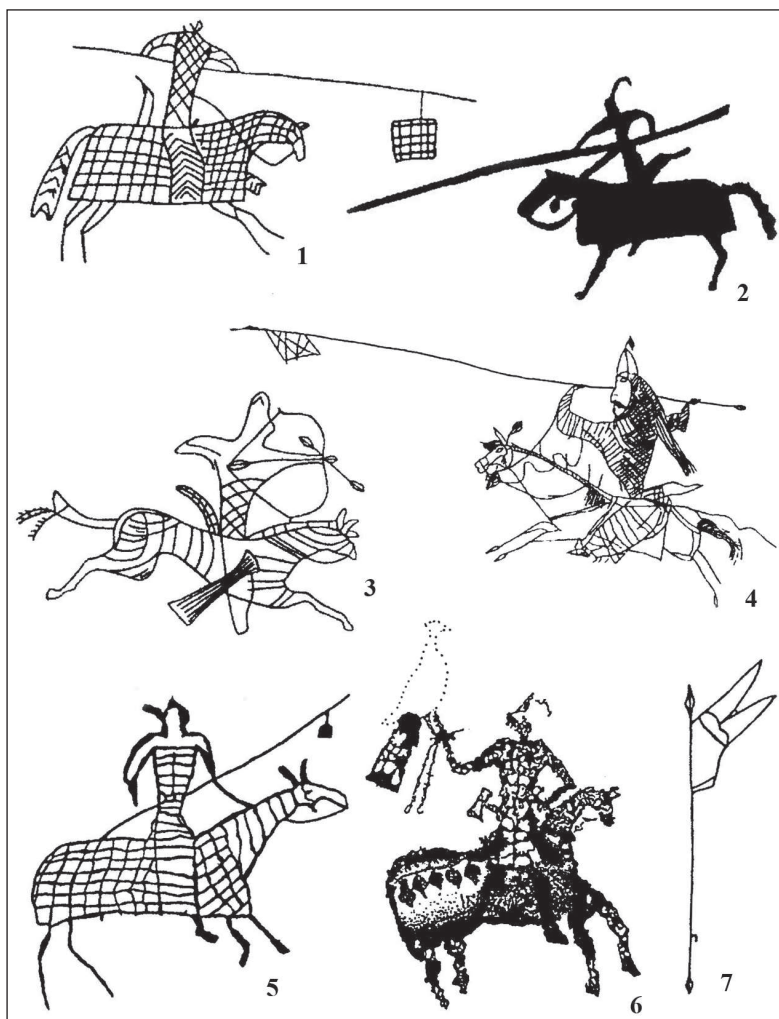

Рис. 11. Наскальные рисунки раннего средневековья
(по: 1–3, 5 – Горбунов В.В., 2006, рис. 73; 4 – Черемисин Д.В., 2004, рис. 14;
6 – Кляшторный С.Г., 2001, рис. 1; 7 – Кубарев Г.В., 2008б, рис. 1.-2)

ских сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копьё, наряду с лошадью и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека (Фиельstrup Ф.А., 2002, с. 134, 166–167, 178–179).

Подчеркнем, что одним из факторов, позволяющих отнести обозначенные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, является изучение тенденций в их распределении в погребениях. Помимо их редкости, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах, при исследовании которых отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

К предметам, включенным в «комплекс власти», по всей видимости, следует также отнести плети и стеки. Наибольшее значение, несомненно, имели богато оформленные находки (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993, с. 186). Не исключено, что определенным символом являлся орнаментированный кочедык (Кубарев Г.В., 1998б, с. 268), что также подтверждают тенденции в распространении обозначенных изделий.

«Комплекс богатства» у раннесредневековых тюрок представлен, главным образом, предметами торевтики (Серегин Н.Н., 2010б). К ним относятся следующие категории находок из цветных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, а также украшения костюма (серьги, бляхи и др.). Основными показателями был сам факт наличия предметов торевтики в могиле, а также материал, из которого они были изготовлены*. Наиболее ценными были находки, произведенные с применением драгоценных металлов. В тех погребениях, где зафиксированы предметы торевтики из серебра или золота, обнаруживаются и другие социально значимые находки (вооружение, импорт и др.). Важным показателем является редкость обнаружения обозначенных вещей. Наборные пояса с на-

* В связи с тем, что изучение состава металла проводилось крайне редко, мы ориентировались на визуальные определения, приводимые в авторских публикациях материалов раскопок. В то же время имеется и опыт комплексного изучения поясных наборов (Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г., 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2008; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 271–273; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009), украшений конского снаряжения (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, 2007, 2009, с. 103–122) и других предметов торевтики (Богданова-Березовская И.В., 1975; Бородовский А.П. и др., 2005; Тишкин А.А., 2008; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а), демонстрирующий важность подобной работы, результаты которой весьма актуальны и в ходе осуществления социальных реконструкций.

кладками из серебра и золота встречены только в 14 (10,52%) мужских погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Еще более редкими были украшения конского снаряжения и серьги из драгоценных металлов, обнаруженные, соответственно, в 10 (7,51%) и 9 (6,76%) могилах. Похожие тенденции характерны для погребений женщин. Украшения амуниции лошади и серьги, изготовленные из серебра или золота, зафиксированы только в 7 (17,5%) и 5 (12,5%) объектах. Показательно, что в детских захоронениях предметов торевтики из драгоценных металлов не встречено вообще.

Наблюдаются некоторые закономерности в распространении рассматриваемых изделий на различных территориях. В первую очередь, обратим внимание на редкость предметов торевтики в погребениях раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. В ходе изучения захоронений с лошадью на этой территории не зафиксировано ни одного случая обнаружения вещей, изготовленных с применением серебра или золота*. Справедливым представляется замечание Ю.С. Худякова (2004, с. 78), подчеркнувшего периферийный характер развития племен кочевников рассматриваемой общности на Среднем Енисее. Наибольшая концентрация различных категорий предметов торевтики наблюдается в погребениях Алтая. Именно на этой территории чаще всего фиксируются наборные пояса, украшения конского снаряжения, серьги и сосуды, изготовленные из драгоценных металлов.

Интересно, что подобные же тенденции отмечаются при изучении специфики территориального распространения некоторых «престижных» предметов вооружения. Копья и боевые топоры встречены в ходе раскопок погребений раннесредневековых тюрок исключительно на территории Алтая. Также в этом регионе наиболее часто обнаружены мечи, кинжалы и фрагменты защитного доспеха. Следует признать, что обозначенные закономерности в определенной степени могут быть обусловлены тем, что именно на территории Алтая на сегодняшний день исследовано наибольшее количество погребений тюрок раннего средневековья.

* Исключение представляют отдельные находки из ограбленных памятников раннесредневековых тюрок Минусинской котловины (Митько О.А., 1999, с. 156, рис. 1, 2; Тетерин Ю.В., 1999, с. 115–117, рис. 6). Такие объекты не учитывались в ходе социальной интерпретации погребений, однако принимались во внимание при осмыслении общих тенденций социальной истории кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Добавим, что к «комплексу богатства» следует также отнести фрагменты одежды из шелка, а также другие изделия из этого материала, являвшегося, как известно, одним из наиболее распространенных предметов китайского импорта в памятниках раннесредневековых тюрок (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994; Серегин Н.Н., 2012ж) (рис. 12). Широкое распространение шелка и его ценность в среде кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии определялись несколькими обстоятельствами. Безусловно, важной была эстетическая составляющая. Одежда из орнаментированных шелковых тканей демонстрировала определенное положение человека в обществе. Не меньшее значение имели известные гигиенические свойства рассматриваемого материала (Доде З.В., 2006, с. 164–166).

Итак, анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, а также привлечение дополнительных источников позволили обозначить «социальные маркеры» обряда кочевников. Определенное значение имели такие показатели, как размеры наземных и внутримогильных конструкций и количество лошадей, сопровождавших умершего. В ряде случаев важной характеристикой была планиграфия памятников. Основным критерием следует считать качественно-количественный состав инвентаря. Необходимо отметить, что «социальные маркеры» для лиц обоих полов были различными. Принадлежность мужчины к элитным слоям общества демонстрировали редкие предметы вооружения, наборный пояс, изготовленный с использованием цветных металлов, а также серебряные сосуды, плети и котлы. В погребениях женщин, имевших при жизни высокий статус, обнаружены предметы торевтики, изготовленные с использованием серебра или золота, металлические зеркала и в ряде случаев гребни. Что касается детских захоронений, то безынвентарность многих объектов свидетельствует о том, что помещение любых предметов, а тем более тех, которые являлись престижными для взрослого населения, можно считать «социальным маркером». При этом очевидно, что положение ребенка определялось, в первую очередь, статусом семьи.

Корреляция встречаемости всех рассмотренных категорий изделий с обозначенными элементами погребального обряда позволяет рассматривать вопросы, связанные с моделированием структуры социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

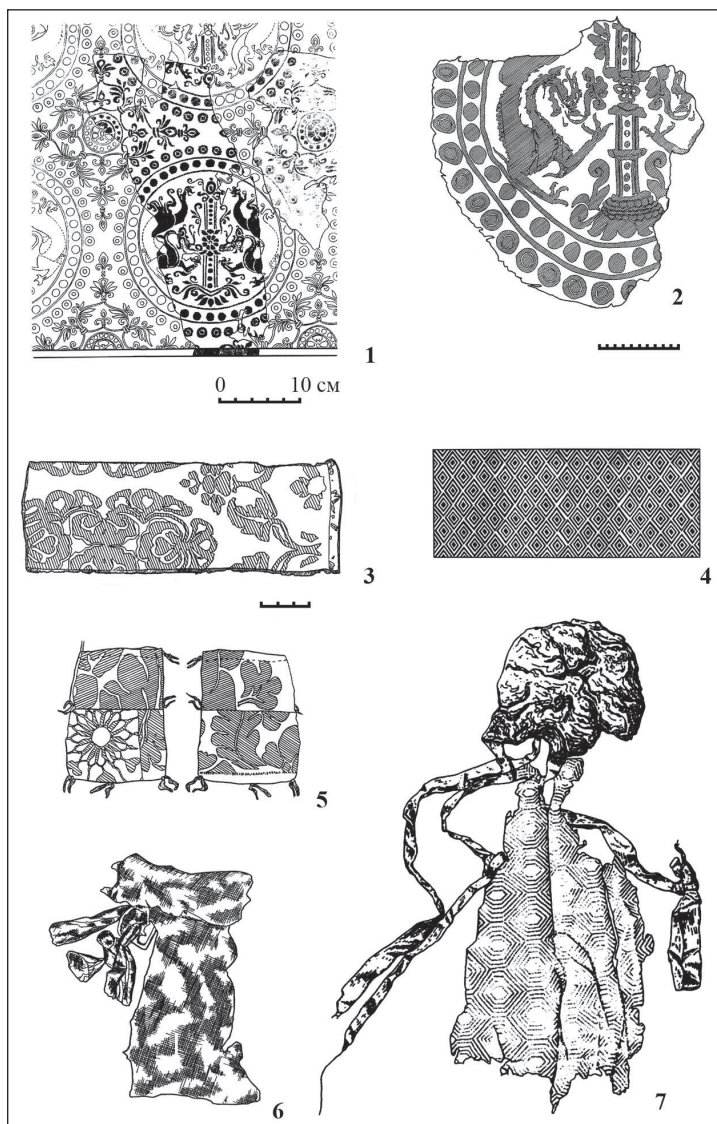

Рис. 12. Шелковые изделия из погребений раннесредневековых тюрков
 (по: 1 – Бентович И.Б., Гаврилова А.А., 1972, рис. 4;
 2 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 53; 3 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 51.-11;
 4 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 75.-2; 5 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 51.-13;
 6 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 92.-3; 7 – Kenk R., 1982, abb. 17.-37)

3.4. Моделирование структуры социума раннесредневековых тюрок

Теоретические и практические аспекты моделирования социальной структуры и организации конкретных обществ древности и средневековья по материалам раскопок археологических памятников достаточно подробно представлены в ряде исследований (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 106–108; Кондрашов А.В., 2004, с. 22; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005, с. 93–94; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), что избавляет от необходимости их рассмотрения в настоящей работе. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с реализацией обозначенного подхода на имеющемся в нашем распоряжении материале. Основой для выделения социально-типологических моделей, представляющих собой группы погребений, являлся многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех рассмотренных показателей обряда, но главным образом тех, которые определены как социально значимые. Каждая из выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что обусловлено наличием выявленной гендерной и возрастной дифференциации в обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Подчеркнем, что для объектов, объединенных в рамках выделенных социально-типологических групп, отмечена высокая степень унификации показателей, характерных для каждой из моделей. Вариабельность признаков, в целом, незначительна. Выделено девять мужских, четыре женских и три детских социально-типологических модели погребений (Серегин Н.Н., 2012г). Далее приведено краткое описание показателей, характерных для каждой из групп.

Социально-типологические модели мужских погребений

I. Основным показателем погребений, объединенных в рамках данной модели, является максимальный по количеству и разнообразию состав сопроводительного инвентаря. Во всех могилах присутствовал наборный пояс, дополнительные аксессуары костюма и украшения конской амуниции, изготовленные с использованием драгоценных металлов, а также серебряные сосуды. Кроме того, зафиксированы серьги, фрагменты шелка, плетень или стек и железный котел. Вариации наблюдаются в составе предметов вооружения, объяснение которым приведено ниже. Погребенного сопровождали

две, три или четыре лошади – максимальное количество животных, обнаруженных в памятниках раннесредневековых тюрок. Показательны также выдающиеся параметры курганных насыпей и могильных ям.

Всего к первой модели отнесено три объекта, что составляет 2,25% от всех учтенных мужских погребений. Кроме того, к данной группе представляется возможным причислить некоторые ограбленные памятники, не включенные в число анализируемых объектов, однако учитываемые при рассмотрении общих тенденций социальной истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. В частности, к первой модели могут быть отнесены курган №21 комплекса Маркелов Мыс-I (Тетерин Ю.В., 1999) и курган №34 некрополя Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1999), исследованные в Минусинской котловине. Обозначенные объекты выделяются монументальностью наземных сооружений, особенностями планиграфического расположения на могильном поле, а также присутствием в составе сопроводительного инвентаря предметов торевтики, изготовленных с использованием драгоценных металлов. По ряду подобных признаков к первой модели, судя по всему, относится и ограбленное погребение кургана №3 могильника Курай-IV, раскопанное на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113).

II. В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие ближнего боя, топор, защитный доспех) с предметами торевтики, изготовленными в большинстве случаев с использованием драгоценных металлов. Почти во всех могилах второй группы отмечены фрагменты шелка. Более редкими являлись находки стеков (два случая), а также металлического сосуда и железного котла, встреченных по одному разу. В целом качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых объектов все же уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели. Кроме того, в могилах второй группы чаще всего присутствовала одна лошадь, и только дважды исследованы погребения с двумя захороненными животными. По размерам наземных и подкурганных конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Ко второй социально-типологической модели отнесено

7 (5,25%) погребений. Отметим, что, помимо «стандартных» объектов, в данную группу включены два кенотафа.

III. Для погребений этой модели характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя) и в то же время весьма показательный состав предметов торевтики. Во всех объектах зафиксирован наборный пояс и/или украшения конского снаряжения, а также дополнительные аксессуары костюма, изготовленные с использованием драгоценных металлов. При исследовании всех могил встречены фрагменты шелка. В одном из мужских погребений отмечено присутствие металлического китайского зеркала в сочетании с железным котлом. Умерших сопровождало, чаще всего, одно животное; в трех случаях в могиле находились две лошади. К третьей социально-типологической модели отнесено 8 (6,01%) погребений, в том числе один кенотаф.

IV. Погребения данной модели так же, как в предыдущем случае, характеризуются минимальным составом вооружения или даже его отсутствием, в сочетании с предметами торевтики. При этом качественный и количественный состав последних заметно уступает находкам, обнаруженным в ходе раскопок объектов третьей группы. В частности, в значительно меньшей степени фиксируются предметы из драгоценных металлов. Кроме того, в трех могилах отмечено отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а в остальных объектах находилось только одно животное. Всего к четвертой социально-типологической модели отнесено 5 (3,75%) погребений.

V. Объекты, объединенные в рамках этой модели, сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. Во всех могилах зафиксировано присутствие наборного пояса либо украшений конского снаряжения, элементы которых изготовлены из бронзы. Достаточно редкими были находки фрагментов шелка, и только в одном случае встречен серебряный сосуд. Умершего чаще всего сопровождало одно животное, в четырех могилах зафиксировано захоронение двух лошадей. Пятая социально-типологическая модель включает 12 (9,02%) погребений, в числе которых два кенотафа.

VI. К этой модели относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав

вооружения, предполагавший почти во всех случаях наличие клинкового оружия ближнего боя и значительно реже копыя и защитного доспеха, в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Во всех могилах присутствовало конское снаряжение. Умерших сопровождало чаще всего одно животное; дважды отмечено парное захоронение лошадей. В рамках шестой социально-типологической модели объединены 7 (5,25%) погребений, в том числе два кенотафа.

VII. Стандартным показателем погребений, отнесенных к данной модели, является минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя), а также наборный пояс, изготовленный в большинстве случаев из бронзы. В четырех могилах зафиксированы немногочисленные украшения конской амуниции. Для погребений рассматриваемой группы характерна наибольшая вариабельность такого показателя, как количество захороненных лошадей. При этом в абсолютном большинстве случаев умершего сопровождало только одно животное. По два раза в погребениях встречено две и три лошади, и трижды животное отсутствовало. К седьмой социально-типологической модели отнесено 32 (24,06%) объекта, в том числе пять кенотафов.

VIII. Для объектов данной модели характерно полное отсутствие предметов, включенных как в «комплекс власти», так и в «комплекс богатства». Как и в предыдущем случае, в погребениях зафиксирован минимальный набор вооружения. Из предметов торевтики только в четырех могилах встречены бронзовые серьги. Для погребений данной группы, исследованных в Минусинской котловине, характерно присутствие железных элементов наборного пояса и керамических сосудов. В большинстве объектов, раскопанных на этой и других территориях, присутствовало конское снаряжение. Умерших чаще всего сопровождало одно животное. Также встречены могилы с парным захоронением лошадей (четыре случая) и их отсутствием (восемь случаев). Всего к рассматриваемой социально-типологической модели отнесено 51 (38,34%) погребение, среди которых четыре кенотафа.

IX. В рамках данной модели объединены погребения, показателем которых является полное отсутствие вооружения и предметов торевтики. В ряде могил зафиксированы орудия труда (нож, тесло). Кроме того, в большинстве объектов обнаружено конское снаряже-

ние. Умершего в большинстве случаев сопровождало одно животное, которое в одном из погребений отсутствовало, а в другом было заменено на овцу. К девятой социально-типологической группе отнесено 8 (6,01%) объектов.

Социально-типологические модели женских погребений

I. Для погребений данной модели характерен максимальный по количеству и наиболее выдающийся по качеству состав сопроводительного инвентаря. В могилах нередко обнаружены такие маркеры женских могил, как игольники и гребни. Наиболее показательными были предметы торевтики, присутствующие во всех погребениях. Для объектов рассматриваемой группы характерно сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. Следует отметить, что в одном женском погребении обнаружен кинжал, являющийся редкой находкой даже для мужских могил. При исследовании всех объектов зафиксировано конское снаряжение; дважды встречена рукоять плети или стека. Стандартным является сопровождение умерших лошадью; известно только одно «одионое» погребение. В рамках первой социально-типологической группы объединены 8 (20%) женских могил.

II. Объекты, отнесенные к этой модели, несколько уступают погребениям первой группы по количеству и качеству обнаруженных изделий. В частности, для них характерна редкость фиксации предметов торевтики из драгоценных металлов, а также меньшее количество социально значимых находок в одной могиле (не более двух). При исследовании двух женских могил обнаружен наборный пояс, элементы которого изготовлены из бронзы. В одном случае встречен кинжал. В большинстве погребений зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда, за единственным исключением, умершего сопровождала лошадь. Ко второй социально-типологической модели отнесено 12 (30%) погребений.

III. Погребения данной модели отличаются от предыдущих групп отсутствием вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах присутствовала одна, реже две категории предметов торевтики из бронзы. При исследовании большинства могил зафиксировано конское снаряжение. Одна лошадь со-

проводила умершего почти во всех случаях, и только в двух объектах животное отсутствовало. Третья социально-типологическая модель включает 8 (20%) погребений.

IV. Стандартным показателем объектов этой модели является полное отсутствие предметов торевтики. В большинстве случаев рядом с умершей обнаружен нож, в половине могил зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда в захоронении находилась одна лошадь. Кроме того, исследовано три «одиночных» женских погребения. Всего в рамках четвертой социально-типологической группы объединены 12 (30%) объектов.

Социально-типологические модели детских погребений

I. К данной модели отнесены погребения детей, в состав сопроводительного инвентаря которых включены предметы торевтики из бронзы. В двух могилах обнаружен наборный пояс. В ходе исследования одного объекта зафиксированы украшения конской амуниции. Среди других вещей, являвшихся принадлежностью погребений взрослых, но встреченных в могилах первой группы, следует упомянуть металлическое зеркало, тесло, а также дополнительные аксессуары костюма. В одном случае рядом с умершим обнаружено захоронение овцы. К первой социально-типологической модели отнесено 3 (9,67%) детских погребения.

II. Объекты, объединенные в рамках этой модели, характеризуются фрагментарным присутствием предметов сопроводительного инвентаря, характерных для погребений взрослых. В трех детских могилах встречены наконечники стрел, трижды отмечено присутствие предметов торевтики из бронзы (серьги, медальон). В большинстве погребений зафиксирован нож. В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Во всех остальных захоронениях животное отсутствовало. Во вторую социально-типологическую модель включено 6 (19,35%) погребений.

III. Для погребений данной модели характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Наиболее распространенными являлись керамические сосуды, встреченные в ряде объектов, исследованных на территории Минусинской котловины. В 11 случаях в детской могиле обнаружено захоронение овцы. Лошадь сопровождала умершего только однажды. В остальных погребениях захоронение животного отсутствовало. Всего к третьей социально-типологической модели отнесено 23 (74,19%) могилы.

Наиболее полная картина дифференциации общества ранне-средневековых тюрок получила отражение в материалах мужских погребений. Менее объективной представляется ситуация, зафиксированная в ходе анализа женских и детских могил. Это обусловлено, главным образом, их сравнительно незначительным количеством, которое связано с различными факторами. Тем не менее, несмотря на фрагментарность свидетельств, полученных в ходе анализа погребальных комплексов, удалось проследить весьма интересные тенденции. В сочетании со сведениями письменных источников они позволяют более подробно представить специфику социальной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

ГЛАВА 4

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сведения о структуре общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, полученные в ходе анализа материалов раскопок погребальных комплексов, в сочетании с информацией из письменных источников позволяют перейти к характеристике отдельных аспектов социальной организации кочевников. Особый интерес в данном случае представляет рассмотрение вопросов, остававшихся до настоящего времени дискуссионными, или исследовавшихся весьма фрагментарно и на ограниченной источниковой базе. К таким аспектам изучения социальной истории номадов, несомненно, относятся проблемы существования рабов или зависимых слоев населения, а также особой группы жрецов или служителей культа. Кроме того, до настоящего времени оставался практически не исследованным вопрос о выделении «элитных» погребальных комплексов. Наконец, обобщение всех имеющихся сведений позволило проследить основные направления эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

4.1. Специфика профессиональной организации раннесредневековых тюрок

Важным фактором, влиявшим на особенности устройства общества кочевников, являлась профессиональная организация. Хозяйственные занятия так или иначе определяли статус как отдельных индивидов, так и группы лиц, которые ими занимались. Такая

ситуация в целом характерна для традиционных обществ. Анализ археологических материалов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии раннего железного века и средневековья, а также сравнение этих данных с этнографическими свидетельствами показывает, что специфика профессиональной дифференциации внутри обществ кочевников была в общих чертах идентична для различных исторических периодов. В значительной степени она определялась разделением на мужской (война, выпас скота) и женский (домашнее хозяйство) труд, а также традиционным для скотоводов региона набором форм производственной деятельности.

Возможности общей интерпретации археологических и письменных источников при исследовании хозяйственной системы кочевников 2-й половины I тыс. н.э. представлены в ряде исследований (Киселев С.В., 1949, с. 285–298; Кызласов Л.Р., 1969, с. 44–48; Ганиев Р.Т., 2006, с. 92–116; и др.). Судя по имеющимся материалам, раннесредневековые тюрки не являлись исключением из общей картины развития обществ номадов региона. Основой хозяйства было кочевое скотоводство. Большое значение имела металлургия, роль которой демонстрируется как отдельными сюжетами из письменных источников, так и многочисленными находками из археологических памятников. Не исключено, что у раннесредневековых тюрков произошло выделение крупных центров добычи и обработки металлов, о чем свидетельствуют обнаруженные комплексы производственных сооружений на Алтае. Так, по мнению Н.М. Зинякова (1988, с. 137), общее число людей, занимавшихся металлургией и металлообработкой, составляло 4–5% населения. Вспомогательными отраслями хозяйства номадов были рыболовство, охота, собирание съедобных растений. Возможно, в ряде районов существовали некоторые элементы земледелия (Кызласов Л.Р., 1969, с. 46).

К сожалению, материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии практически не содержат информацию о конкретных профессиональных занятиях человека при жизни. Предметный комплекс захоронений отражает существование гендерной дифференциации, в значительной степени обусловленной разделением труда. Однако сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронении, являлся показателем отношения человека к определенному социальному слою, а не принадлежности его к какой-либо профессиональной

группе. Некоторое исключение в этом плане, вероятно, представляет набор предметов вооружения из погребений раннесредневековых тюрок.

Военное дело, которым, если следовать сведениям письменных источников, занимались практически все дееспособные мужчины-кочевники, являлось важным элементом профессиональной организации кочевников. Эффективный комплекс вооружения, несомненно, был одной из составляющих успешной военной экспансии раннесредневековых тюрок, в результате которой ими был основан ряд крупнейших, хоть и недолговечных империй, простиравшихся в разное время далеко за пределы центральноазиатского региона. Это обусловило пристальное внимание исследователей к изучению военного дела кочевников, рассмотрению всех категорий оружия, а также специфики его развития на различных территориях (Худяков Ю.С., 1986, с. 137–169; 2007; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 65–86; Горбунов В.В., 2003, 2006, 2007; и др.).

Наличие обширной историографии позволяет не останавливаться подробно на данном вопросе. Добавим лишь некоторые показатели, связанные с анализом погребальных комплексов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Материалы раскопок захоронений раннесредневековых тюрок демонстрируют высокий уровень милитаризации общества кочевников. Оружие зафиксировано в абсолютном большинстве мужских погребений раннесредневековых тюрок – 124 (93,23%) объекта. Оно отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. Судя по всему, отдельные предметы вооружения (например, боевые топоры, богато оформленное клинковое оружие) рассматривались как особые символы власти и демонстрировали высокое положение владельца.

Дискуссионным вопросом, связанным с исследованием профессиональной дифференциации социума кочевников, является выделение особой группы лиц, занимавшихся отправление культовых действий. При рассмотрении данной проблемы исследователями используются различные термины – жрецы, колдуны, шаманы, священнослужители и др. На наш взгляд, учитывая фрагментарность источниковой базы и сложность точной интерпретации имеющихся зачастую отрывочных материалов, наиболее нейтральным и корректным определением для периода раннего средневековья является понятие «служители культа», используемое далее.

Анализ письменных источников по истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволил исследователям сделать ряд наблюдений, связанных с возможностью определения слоев населения, вовлеченных в процесс профессиональной реализации культовой практики. Учитывая накопленную значительную историографию и наличие специальных работ по этой тематике (Дашковский П.К., 2009; 2011, с. 176–181), представим лишь краткий обзор имеющегося опыта изучения сведений письменных источников, более подробно остановившись на проблемах интерпретации археологических материалов, практически не освещенных в литературе.

В значительном количестве работ отечественных специалистов отмечена особая роль кагана и его ближайшего окружения, принимавшего участие в отправлении культовых действий. Сакральная роль верховного правителя тюрок, в частности, проявилась в совершении жертвоприношений общегосударственного характера, а также в сложении культа кагана (Кляшторный С.Г., 2003, с. 337–338; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 6–67; Дашковский П.К., 2011, с. 176; и др.).

Сведения о существовании в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии особой группы служителей культа, не связанной с элитными слоями населения, весьма фрагментарны и разрозненны. Интересно, что в рунических текстах такая информация отсутствует вообще. В династийных хрониках Поднебесной империи имеются лишь отдельные упоминания. Описывая обычаи раннесредневековых тюрок, китайские авторы отмечают, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23) или «поклоняются духам, верят в волхвов» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 231). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97); указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Имеются также упоминания о ворожбе (гадании?) при необходимости принятия важных политических решений (Бичурин Н.Я., 1950, с. 246–247).

Таким образом, анализ письменных источников позволяет сделать вывод о возможности существования у раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии отдельных лиц или даже особой группы, занимающихся культовой практикой и

связанных как с элитой общества, так и с рядовыми номадами. Вместе с тем отрывочность информации не позволяет оценить количество этих людей, их социальный статус, конкретные функции и др. Корреляция этих сведений с материалами раскопок археологических памятников позволила бы существенно приблизиться к объективной реконструкции сложной системы мировоззренческих представлений номадов. В частности, имеет смысл обратить внимание на возможную фиксацию в материалах погребальных комплексов, наиболее информативных с этой точки зрения, вещественных атрибутов культовой деятельности.

Все предметы, которые находятся в погребении, находятся в контексте обрядовой практики и сопровождаются особыми ритуальными представлениями. При этом выделяются вещи, различные признаки которых позволяют предположить, что они использовались для реализации определенных культовых действий. Достаточно подробно рассмотрены возможности интерпретации подобных изделий из погребальных комплексов кочевников скифо-сакского времени (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978; Могильников В.А., 1997б; Яценко С.А., 2007; и мн. др.). К сожалению, объективные наблюдения такого плана на материалах археологических памятников раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии весьма фрагментарны. Вместе с тем имеется опыт интерпретации «предметов культа» из погребальных и «поминальных» объектов 2-й половины I – начала II тыс. н.э., раскопанных на сопредельных территориях (Арсланова Ф.Х., 1981; Басова Н.В., Кузнецов А.Н., 2005; Илюшин А.М., 2008, 2012; и др.). Аккуратное использование результатов подобных исследований, а также детальный анализ всех компонентов погребальной обрядности позволяет рассмотреть возможности выделения «предметов культа» в материальной культуре раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2013а).

Интересными и достаточно редкими находками в погребениях номадов рассматриваемого региона 2-й половины I тыс. н.э. являются небольшие шелковые мешочки. Судя по расположению в могиле, чаще всего они носились на поясе (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Вайнштейн С.И., 1966, с. 302–304) либо в кожаной сумочке (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; Кубарев Г.В., 2005, с. 371, 376). Кроме того, зафиксировано помещение рассматриваемых пред-

метов на груди человека (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113), а также в специальном тайнике (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114). В ряде случаев в шелковых мешочках находились предметы, связанные, вероятно, с определенными культовыми представлениями. Особое внимание обращают на себя находки человеческих зубов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Евтюхова Л.А., 1957, с. 210; Вайнштейн С.И., 1966, с. 302–304). Такие своеобразные предметы носились также в кожаных мешочках (Трифонов Ю.И., 2000, с. 146). По мнению Л.Р. Кызласова (1969, с. 22), это были амулеты, помогавшие от зубной боли. С одной стороны, данная интерпретация выглядит вполне логичной. Вместе с тем имеются основания для предположения о более сложных представлениях, реализованных в данном элементе погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Так, уже в верхнем палеолите фиксируется использование человеческих зубов в качестве амулетов (Медникова М.Б., 2004, с. 127). Суеверия, связанные с необходимостью сохранять зубы и оберегать их от какого-либо негативного воздействия, известны у многих традиционных обществ (Фрэзер Д., 1986, с. 43–44). Не исключено, что похожие представления имелись и у кочевников Центральной Азии. Их универсальный характер подтверждается находками человеческих зубов в шелковых, кожаных или войлочных мешочках при исследовании погребений номадов рассматриваемого региона различных хронологических периодов: от раннего железного века до монгольского времени (Кубарев В.Д., 1984, с. 43; Войтов В.Е., 1990, с. 140; Полосьмак Н.В., 2001, с. 74; и др.).

Среди других своеобразных находок, обнаруженных в шелковых мешочках, отметим туго свернутую шелковую ленту, свернутый в кольцо конский волос, небольшие камни, косточку миндаля, рыбы позвонки, а также различные предметы неизвестного назначения, главным образом, деревянные и костяные изделия. По мнению некоторых исследователей, эти вещи носили ритуальный или магический характер и могли являться своего рода оберегами (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; 1990, с. 38; Кубарев Г.В., 2005, с. 58–59; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2009, с. 158–160). Не исключено, что ритуальное назначение имела шелковая полоска с 75 узелками, встреченная в исследованном кенотафе тюркской культуры (Грач А.Д., 1960, с. 127).

В одном из шелковых мешочков находились китайские монеты (Евтюхова Л.А., 1957, с. 212). Такие находки являются достаточно

редкими – на сегодняшний день они зафиксированы всего в восьми погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2008а, табл. 1). Имеются все основания для утверждения о том, что кочевниками китайские монеты не использовались по прямому назначению (в качестве денежной единицы). Не исключено, что такие изделия могли носиться как амулеты (Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 63–64; Басова Н.В., Кузнецов Н.А., 2005, с. 135; Кузнецов Н.А., 2007, с. 216). Косвенным свидетельством особого отношения к монетам можно считать благожелательные надписи, зафиксированные на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с. 117).

Другой группой предметов китайского импорта, получивших распространение в среде раннесредневековых кочевников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, являются металлические зеркала. Данные изделия, нередко рассматриваемые как особые магические атрибуты в обществах кочевников, традиционно привлекают внимание исследователей. Об этом свидетельствует накопленная обширная историография, большая часть которой связана с интерпретацией предметов из археологических комплексов скифосакского времени (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 111–116). На то, что раннесредневековыми тюрками зеркала относились к группе вещей, наделенных особыми свойствами, указывает ряд признаков. В ряде могил отмечены фрагменты рассматриваемых изделий с проделанным отверстием, что, вероятно, отражает их использование как своего рода подвесок-амулетов. В материалах раскопок памятников 2-й половины I тыс. известны находки частей зеркал с нанесенными благожелательными надписями (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, табл. I; Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И., 1974; Васильев Д.Д., 1983, с. 37–39; Кляшторный С.Г., 2006, с. 177–192). Судя по всему, определенное значение имело отмеченное при раскопках погребений раннесредневековых тюрок устойчивое расположение металлических зеркал в районе головы умершего человека. Этому элементу ритуала имеется ряд объяснений, достаточно подробно изложенных в ряде работ (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 117–119).

В материалах раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии зафиксирован ряд других предметов, возможно, имевших особое значение в представлениях кочевников. К ним относятся астрагалы,

различные подвески из зубов животных, бронзовые подвески и др. Все эти находки, а также обозначенные выше изделия позволяют говорить о наличии у номадов определенной группы предметов, выполнявших функции личных оберегов, имевших некоторые магические свойства, и др. Вместе с тем основания для выделения вещей, явно связанные с культовой практикой, отсутствуют. Все рассмотренные выше предметы могли быть связаны с «личной магией» или локальными культовыми действиями, не носившими профессионального характера.

Таким образом, основания для выделения четких признаков, отличающих погребения особой группы лиц, занимавшихся культовой деятельностью, на имеющихся материалах отсутствуют. Нельзя исключать, что подобные объекты еще не известны в связи со специфичными канонами обрядности (к примеру, скальные или «воздушные» захоронения). Однако более вероятным объяснением представляется то, что культовые действия у рядовых номадов выполнялись не особой группой людей – служителями культа, а главами родов или старейшинами, неоднократно упоминаемыми в письменных источниках (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 256, 271 и др.; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 78). В таком случае, вероятно, происходило совмещение общих управленческих функций на местном уровне с реализацией культовой практики. Правомерность такого предположения подтверждается подобным же сочетанием полномочий у верховных правителей раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Другой не менее важной проблемой, к которой неоднократно обращались исследователи, является вопрос о существовании рабства у номадов. В большинстве случаев данный вопрос также решался на основе анализа показательных материалов раннего железного века. Не углубляясь в историографию данной темы, отметим, что в значительном количестве работ отечественных ученых, несмотря на вариативность использованных ими источников, а также подходов к оценке обществ кочевников, признана возможность существования у номадов рабства (главным образом, домашнего), но подчеркнута ограниченность его распространения (см. обзор: Хазанов А.М., 1975, с. 139–148).

Более подробно остановимся на имеющемся опыте решения вопроса о существовании зависимых слоев населения у раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Сведения письменных источников о рабстве в обществе кочевников 2-й половины I тыс. н.э. рассмотрены в специальном разделе обобщающей работы А.Н. Бернштама (1946). Исследователь сделал вывод о существовании у раннесредневековых тюрок патриархального (домашнего) рабства, подчеркнув преимущественное распространение использования женского труда (Бернштам А.Н., 1946, с. 110). Представив многочисленные фрагменты рунических текстов, содержащих информацию по данному вопросу, востоковед отметил, что для обозначения рабов использованы различные термины, что, вероятно, отражало неодинаковое положение людей, дифференциацию в степени их зависимости и др. (Бернштам А.Н., с. 123–126). Основным источником для пополнения количества зависимых людей в тюркском обществе А.Н. Бернштам (1946, с. 117) считал военные походы.

Наблюдения А.Н. Бернштама позже получили развитие и были конкретизированы на более обширном материале С.Г. Кляшторным, в ряде статей специально рассмотревшим вопрос о существовании рабства в тюркском обществе. По мнению исследователя (Кляшторный С.Г., 1985, с. 167), захват невольников был одной из главных целей войн и набегов, совершавшихся раннесредневековыми кочевниками. На основе анализа сведений тюркских текстов, с привлечением информации из письменных источников более позднего времени, а также этнографических данных, С.Г. Кляшторный (1985, с. 162–166) развернуто продемонстрировал преимущественную роль женского рабства в тюркском обществе. Сделанные обозначенными исследователями выводы были использованы в работе Е.И. Кычанова (2010, с. 136), который обратил внимание на значительное количество рабов, угоняемых тюрками из Китая. Так, по наблюдениям востоковеда, в письменных источниках речь идет о десятках тысяч людей, возвращенных в Поднебесную империю.

О широкой роли рабства в тюркском обществе писал С.В. Киселев (1949, с. 281). Опыт рассмотрения известной информации письменных источников исследователь дополнил наблюдениями, сделанными на основе анализа археологических материалов Алтая 2-й половины I тыс. н.э. По мнению С.В. Киселева (1949, с. 299–302), с рабами или зависимыми людьми может быть связан ряд объектов, раскопанных им на могильниках Туекта и Курай-IV. Суммируя выводы С.В. Киселева (1949, с. 299–302), отметим, что, согласно приведенному им описанию, представляется возможным выделить

две группы рассматриваемых объектов: 1) небольшие каменные насыпи или кольца, расположенные отдельно или вокруг большого кургана, а также под его насыпью; в большинстве случаев погребения «одиночные», но в некоторых находилась лошадь; для всех объектов характерен фрагментарный сопроводительный инвентарь; 2) сопроводительные захоронения людей, находившиеся в основной могильной яме «элитного» кургана. Необходимо подчеркнуть, что полноценное рассмотрение обозначенных материалов и оценка представленных выводов серьезным образом затруднены тем, что результаты работ С.В. Киселева остались опубликованными лишь частично. Поэтому в ряде случаев остаются вопросы, связанные с культурно-хронологической принадлежностью отдельных специфических захоронений, связываемых исследователем с зависимыми слоями общества тюрок.

Ситуацию, схожую с зафиксированной С.В. Киселевым в «элитном» кургане №1 могильника Курай-IV, отметил в ходе раскопок на некрополе Боротал-I В.Д. Кубарев (1985, с. 138–140, рис. 4) (*рис. 13*). В одном из курганов тюркской культуры археолог исследовал кенотаф с «сопроводительным» захоронением человека, рядом с которым отсутствовал какой-либо инвентарь. По мнению В.Д. Кубарева (1985, с. 146–147), данное погребение иллюстрирует распространение у раннесредневековых тюрок традиции помещать со знатными умершими рабов или зависимых людей.

Таким образом, вопрос о распространении рабства или существовании зависимых слоев населения в обществе раннесредневековых тюрок решался, главным образом, на основе сведений письменных источников, с фрагментарным привлечением археологических материалов. Следует отметить, что данный подход не связан с пренебрежением специалистов к материалам раскопок, а скорее объясняется сложностью интерпретации результатов исследования погребальных и поминальных комплексов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии 2-й половины I тыс. н.э., не демонстрирующих показательных черт для решения рассматриваемого вопроса. Вместе с тем представляется, что возможности анализа в этом направлении далеко не исчерпаны.

Одной из сложностей, возникающих при решении вопроса о существовании рабства у кочевников по археологическим материалам, является определение критериев для выделения погребений зависи-

мых слоев населения. В ряде работ отечественных археологов представлен актуальный опыт интерпретации материалов раскопок с этой точки зрения.

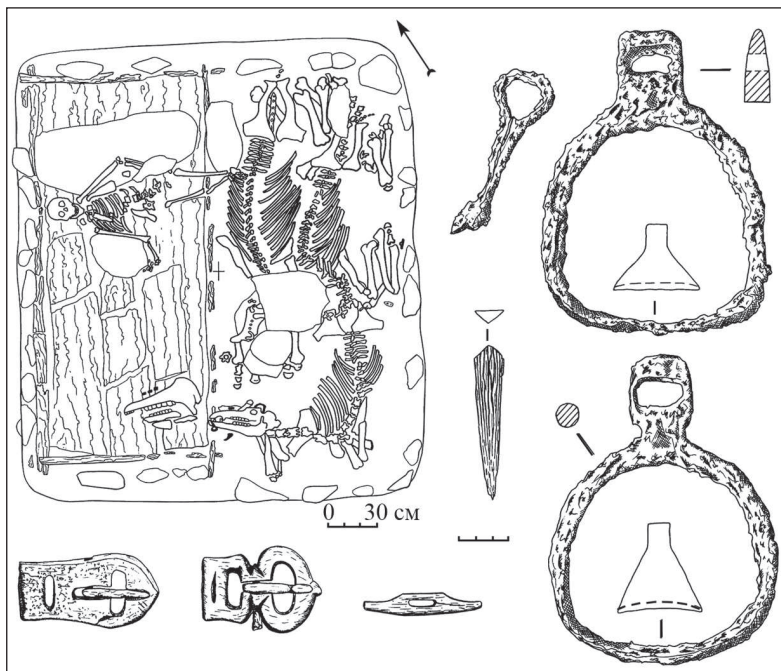

Рис. 13. Боротал-I, курган №50 (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 107–108)

В статье В.А. Ильинской (1966, с. 166–167) рассмотрена серия скифских курганов, в которых, по мнению исследовательницы, были обнаружены захоронения рабов. Зависимый статус умерших определялся следующими показателями: нехарактерная для основного погребения скорченность костяка, расположение его за пределами внутримогильной конструкции, отсутствие инвентаря, обнаружение рядом основного, нередко «богатого» захоронения. Схожие признаки отмечены в обобщающей работе А.М. Хазанова (1975, с. 134–135), посвященной изучению социальной истории скифов. Исследователь подчеркнул немногочисленность погребений, предположительно связываемых с рабами, а также то, что в ряде случаев тело зависимого человека могло быть брошено в основную могилу более богатого представителя социума.

Идентичная ситуация, связанная с отражением зависимого статуса погребенных в материалах раскопок, продемонстрирована в монографии А.Д. Грача (1980, с. 48). Исследуя памятники скифского времени Тувы, археолог отнес к захоронениям «людей низших социальных групп» или «домашних рабов» сопроводительные по отношению к основным могилам погребения взрослых людей без какого-либо инвентаря, обратив внимание также на существование традиции человеческих жертвоприношений.

Интересные наблюдения сделаны исследователями в ходе раскопок отдельных некрополей раннего средневековья на территории Восточного Казахстана (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 207–219). По наблюдениям археологов, под насыпью ряда курганов, помимо центрального (основного) погребения, находились 1–2 могилы зависимых людей, вероятно, рабов. Эти захоронения, значительно менее глубокие, не содержали сопроводительного инвентаря, а на костяках умерших людей были зафиксированы следы насильственной смерти (Алехин В.П., Илюшин А.М., 1998, с. 210–211).

Приведенный спектр наблюдений археологов ни в коей мере не является исчерпывающим, однако близость показателей, отмечаемых исследователями на различных материалах, позволяет не продолжать перечисление схожих ситуаций. Очевидно, что использование выделенных критериев в «чистом» виде некорректно при интерпретации археологических комплексов социумов других периодов и регионов. Вместе с тем аккуратное проведение аналогий является целесообразным, учитывая универсальный характер развития обществ кочевников в широких хронологических и территориальных рамках.

Материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии предоставляют весьма ограниченный объем информации по рассматриваемому вопросу. По сути, все показательные ситуации исчерпываются представленными выше материалами погребений, исследованных С.В. Киселевым и В.Д. Кубаревым на могильниках Курай-IV и Боротал-I. Наиболее показательными для интерпретации этих объектов являются следующие характеристики:

- 1) нетипичная ориентировка захоронения; расположение костяка поперек могильной ямы, без отдельной погребальной камеры или за пределами основной конструкции;

2) отсутствие инвентаря;
3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, являющегося важным показателем «стандартных» погребений тюркской культуры;

4) «сопроводительный» характер захоронения, находившегося в могиле с погребением представителя элитных слоев общества тюрков.

Как видим, представленные показатели практически полностью идентичны ситуациям, зафиксированным археологами в ходе раскопок разновременных памятников кочевников на обширных территориях. Сама по себе схожесть объектов не является доказательством правильности приведенных интерпретаций, однако демонстрирует возможность проведения параллелей в указанном направлении.

Помимо отмеченных объектов, дополнительного рассмотрения либо конкретизации в ходе дальнейших раскопок требуют целый ряд комплексов раннесредневековых тюрков. Так, неоднозначной представляется интерпретация безынвентарных «сопроводительных» захоронений по обряду кремации, зафиксированных на некрополях Маркелов Мыс-I, II и находившихся за пределами ограды основного «элитного» погребения (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). Кроме того, к представителям низших слоев населения раннесредневековых тюрков могут относиться отдельные впускные захоронения, не содержавшие сопроводительного захоронения лошади и предметов инвентаря.

Косвенным фактором, подтверждающим существование у раннесредневековых тюрков зависимых слоев населения, является далеко зашедшая дифференциация общества и продемонстрированная сложная структура социума кочевников. Следует подчеркнуть, что какие-либо четкие признаки зависимого положения погребенных при жизни в рассматриваемых археологических материалах не фиксируются. Вместе с тем низкий статус умерших мог проявляться, к примеру, в невозможности владения оружием, что являлось, судя по имеющимся сведениям, одним из главных показателей взрослого мужчины в обществе раннесредневековых кочевников.

Нельзя исключать, что в археологических материалах захоронения представителей зависимых слоев населения раннесредневековых тюрков могли не найти отражения. Вполне возможно, что для погребения умерших с низким социальным статусом не сооружался стандартный комплекс, к примеру, не возводилась курганный насыпь.

В таком случае имеющаяся в распоряжении археологов выборка носит в той или иной степени селективный характер. Возможность существования подобных традиций у различных обществ и культур неоднократно подчеркивалась археологами (Хазанов А.М., 1975, с. 135; Берсенева Н.А., 2011, с. 42–46). Результаты раскопок данное предположение пока не подтверждается, однако косвенными факторами в его пользу может являться немногочисленность погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии по сравнению с памятниками других периодов на рассматриваемой территории, а также специфика отдельных детских захоронений (Серегин Н.Н., 2013г).

Итак, развитая социальная дифференциация общества, имеющиеся сведения письменных источников, а также отдельные показатели погребальных комплексов позволяют предположить существование в обществе раннесредневековых тюрок определенной, весьма немногочисленной группы населения, положение которой характеризовалось определенной степенью зависимости. Следует подчеркнуть, что эта зависимость, принимая во внимание сложную этносоциальную ситуацию на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии во 2-й половине I тыс. н.э., могла иметь различную окраску – к примеру, военно-политическую (подчиненное положение захваченных в ходе военных походов групп людей, пониженный статус этнических или племенных групп, включенных в состав кочевых империй номадов и др.), экономическую или бытовую (обнищание отдельных слоев населения).

Дополнительные возможности исследования особенностей профессиональной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии связаны с изучением элиты номадов.

4.2. Элита общества кочевников

При реконструкции социальной истории номадов древности и средневековья особое значение имеет изучение «элитных» погребальных комплексов. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи ограбления, позволяют получить наиболее яркие материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и

специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание. К настоящему времени получены значительные результаты в области исследования «царских» курганов раннего железного века в различных районах Центральной Азии (Грязнов М.П., 1950, 1980; Руденко С.И., 1962; Акишев К.А., 1978; Элитные курганы..., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Аржан. Источник..., 2004; Тишкин А.А., 2005б; и мн. др.). Изучение таких объектов, отличавшихся колоссальным объемом трудозатрат на сооружение наземных и внутримогильных конструкций, наличием большого количества «престижных» элементов предметного комплекса, способствовало развитию представлений по многим аспектам социальной истории кочевников. Гораздо меньше знаний накоплено о захоронениях представителей высших слоев обществ средневековых номадов обозначенного региона.

Существование высших слоев социума традиционно наиболее подробно представлено в письменных источниках. Такая ситуация характерна не только для объединений номадов различных исторических периодов (Селезнев Ю.В., 2009, с. 7), но и в целом является вполне закономерной. В рунических текстах и китайских династийных хрониках имеется значительное количество информации о структуре элиты раннесредневековых кочевников, специфике титулатуры, организации управления. Широкую известность имеют мемориальные памятники знати кочевников, исследованные на территории Монголии. При этом опыт выделения и системной интерпретации «элитных» погребений раннесредневековых тюрков весьма незначителен.

Впервые группу «элитных» погребений раннесредневековых тюрков Алтая выделил С.В. Киселев (1951, с. 535). Такие объекты, по мнению исследователя, отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории. Соотнесение результатов анализа археологических материалов со сведениями письменных источников позволило С.В. Киселеву (1951, с. 544) предположить, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати». В последующие годы исследований в указанном направлении не предпринималось. Вместе с тем опыт, накопленный в области социальной интерпретации материалов раскопок погребений раннесредневеко-

вых тюрок, позволил поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003), хотя подробной характеристики отличительных показателей таких памятников представлено не было.

Проведенное изучение структуры и организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии по материалам погребальных комплексов позволяет вернуться к вопросу о выделении и интерпретации «элитных» захоронений (Серегин Н.Н., 2013д).

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики кочевников рассматриваемой общности, является значительная степень нивелировки обряда. Это проявилось не в унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, которые были достаточно вариабельными (Серегин, 2009б, 2010е и др.), а в стирании резких границ между погребениями по признакам, которые традиционно рассматриваются как социально значимые. Выдающиеся параметры каменной насыпи и внутримогильных конструкций, являющиеся одним из ключевых показателей «царских» курганов раннего железного века, не характерны для «элитных» комплексов раннесредневековых тюрок. Анализ размеров погребальных сооружений показал, что их вариабельность определялась, главным образом, причинами, не связанными с прижизненным социальным статусом умершего. Параметры наземных и внутримогильных сооружений являлись второстепенным показателем при выделении «элитных» погребений. Такие объекты, хоть и отличались от основной массы памятников, особенно в рамках отдельных некрополей, но отклонения были незначительными.

Другим показателем, выделяющим захоронения представителей высших слоев общества тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, было количество лошадей, сопровождавших умершего. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде населения тюркской культуры продемонстрировал, что наличие одного животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом кочевника. В немногочисленных «элитных» погребениях тюркской культуры находилось три или четыре лошади. С другой стороны, в ряде захоронений, которые по ряду других признаков могут быть связаны

с представителями высших слоев общества, находилась лишь одна–две лошади, что характерно и для «рядовых» могил. Поэтому обозначенный компонент обряда также не может рассматриваться как абсолютный показатель «элитных» объектов.

Проведенный анализ, результаты которого подробно представлены в разделе 3.3 настоящей монографии, позволил прийти к заключению о том, что основным «социальным маркером» обряда раннесредневековых номадов являлся качественно-количественный состав инвентаря. «Комплекс власти» в обществе раннесредневековых тюрок был представлен, главным образом, предметами вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех), а также в меньшей степени плетью, стеками и котлами. «Комплекс богатства» включал предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду.

Из девяти выделенных социально-типологических групп мужских погребений с захоронениями представителей элиты различного уровня могут быть связаны первые три. В них включено 18 объектов, что составляет 13,5% от всех учтенных мужских могил. Вероятно, именно такой процент населения раннесредневековых тюрок относился к элитным слоям общества номадов. Осмысление результатов, полученных в ходе социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников, предполагает привлечение сведений из письменных источников.

В китайских династийных хрониках аппарат управления тюркской империи представлен как достаточно сложная система. В частности, упоминаются 28 основных должностей чиновников, из которых пять были высшими (Кычанов Е.И., 1997, с. 102; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 184–185). На отдельных территориях державы номадов находились наместники кагана, выполнявшие основные управленческие функции (Кычанов Е.И., 1997, с. 103–104). Согласно имеющимся сведениям, на завоеванных землях тюрки оставляли прежние формы самоуправления, устанавливая контроль лишь над фискальной системой и военной организацией подвластного социума (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 191). По всей видимости, в этих областях оставалась местная знать, которая нередко стремилась для сохранения власти и поднятия престижа породниться с аристократией этноса-элиты (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 166). Главы крупных

племен (в большинстве случаев телеских), подчиненных тюркам, получали титулы эльтебер и иркин (Бернштам А.Н., 1946, с. 144; Кычанов Е.И., 1997, с. 105; Горбунов В.В., 2007, с. 90). В целом представляется возможным говорить о существовании на таких территориях так называемой двойной элиты (Тишкин А.А., 2005а, с. 53–54).

В письменных источниках достаточно четко обозначен военно-административный характер управления в тюркских каганатах (Кычанов Е.И., 1997, с. 113). Согласно имеющимся сведениям, практически все высшие должностные лица были командующими военных подразделений различного уровня (Горбунов В.В., 2007, с. 86–88). На наш взгляд, данная ситуация не является объективной и соответствующей достаточно высокому уровню развития империй кочевников 2-й половины I тыс. н.э. В сложно организованных политических объединениях военная и управленческая власть, как известно, не могла быть сосредоточена в одних руках. Необходим был разветвленный аппарат, включавший и должности «чиновников», деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом. Данный тезис находит подтверждение в результатах анализа погребальных комплексов ранне-средневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

При выделении социально-типологических моделей мужских погребений достаточно четко обозначилась не только имущественная дифференциация населения, но также различия в профессиональной деятельности умерших при жизни. Прежде всего, обратим внимание на памятники «высшей» элиты (группа I). Даже на материалах трех погребений, объединенных в рамках этой модели, фиксируется принадлежность умерших к двум основным «ветвям» элиты кочевников – военной и той, которую можно условно обозначить как управленческая или «чиновничья». Различное прижизненное положение людей отражено, главным образом, в соотношении предметов вооружения и «комплекса богатства». В погребениях кургана №1 могильника Курай-IV и кургана №3 некрополя Туэкта минимальное количество оружия сочеталось с исключительным по составу «комплексом богатства», а также присутствием ряда предметов, отражающих властные полномочия людей (котел, плетень и др.). Погребение, исследованное на памятнике Балык-Соок-I (курган №11), помимо схожего по характеру инвентаря, включало редкие предметы вооружения (копье, защитный доспех), что, вероятно, отражало принадлежность умершего к военной элите.

Отмеченные тенденции находят подтверждение и на большем материале. Выделены две группы погребений (модели III и IV), отличительным признаком которых является минимальный состав вооружения и весьма насыщенный набор предметов, включенных в «комплекс богатства». При этом достаточно четко фиксируются объекты (модель V), в ходе исследования которых обнаружен исключительный состав вооружения и ограниченное количество предметов торевтики и других изделий, отражающих материальный достаток. Весьма интересной является группа VI, объединяющая погребения, содержащие в составе сопроводительного инвентаря разнообразное оружие в сочетании с полным отсутствием предметов, включенных в «комплекс богатства». Очевидно, что в данном случае представлены могилы профессиональных воинов, командующих подразделениями определенного уровня.

Вместе с тем выделена группа «элитных» погребений (модель II), объединяющих как исключительный по качеству и количеству состав оружия, так и достаточно насыщенный набор предметов из «комплекса богатства». По всей видимости, эти объекты принадлежали кочевникам, соединявшим в своих руках как военные, так и наиболее высокие управленческие функции.

Следует признать, что право на существование имеет и другая интерпретация зафиксированных отличий. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с отражением существования «двойной» элиты – феномена, который является достаточно распространенным в обществах кочевников, однако изучен еще недостаточно (Кондрашов А.В., 2004, с. 22; Тишкин А.А., 2005а, с. 53–54). «Богатые» погребения раннесредневековых тюрок с минимальным набором вооружения могли принадлежать местной элите, которая не относилась к правящему роду Ашина и выполняла определенные управленческие функции.

Выше уже отмечалось, что изучение особенностей существования элиты раннесредневековых кочевников по материалам археологических памятников имеет определенную специфику по сравнению с исследованиями, в которых рассмотрены комплексы высших слоев социума кочевников раннего железного века. Социальная дифференциация средневекового общества менее четко отражена в погребальной обрядности по сравнению с традициями, характерными для многих культур скифо-сакского и «гунно-сарматского» времени. В частности, «элитные» погребения уже не столь резко отличались от памятников,

принадлежавших рядовым кочевникам. Проявляется это, главным образом, в снижении объема трудозатрат, уменьшении числа захороненных лошадей, почти полном отсутствии сопроводительных погребений зависимых людей, ограничении качественных и количественных показателей по отношению к помещаемым в погребение вещам.

Исследователи неоднократно отмечали обозначенную особенность и по-разному ее объясняли. В.М. Массон (1976, с. 175–176) предположил, что для погребальной обрядности развитых обществ характерен большой рационализм в использовании материальных ценностей, что привело к сокращению затрат и на сооружение «элитных» комплексов. С.С. Матренин и А.А. Тишкин (2005, с. 158) среди причин, обусловивших сокращение объема трудозатрат на осуществление процедуры захоронения населением булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени, назвали изменение социально-экономической ситуации и религиозно-мифологической концепции, низкий уровень консолидации номадов региона, а также их зависимость от кочевых империй Центральной Азии.

Соглашаясь со справедливостью замечаний указанных авторов, выскажем точку зрения, дополняющую их наблюдения. На наш взгляд, обозначенная ситуация в период раннего средневековья может быть связана с усложнением структуры общества номадов, а также с усовершенствованием политической организации кочевников. На данном этапе развития общества скотоводов исчезает столь значительный разрыв между представителями элитных слоев различных уровней, появляется разветвленный аппарат управления, причем основные характеристики центральных органов воспроизводятся на местах. Закономерным процессом стало также увеличение численности людей, относящихся к привилегированным слоям общества номадов, что привело в некоторых случаях к «перепроизводству политической элиты» (Васютин С.А., 2005а, с. 58; 2010, с. 53). Поэтому произошла определенная нивелировка и в отражении прижизненного статуса кочевников в погребальной обрядности. Отметим, что уровень развития социальной организации общества тесно связан с повышением политической консолидации номадов, которая проявляется в унификации типов сооружений, стандартизации ритуала и т.д. Именно такая ситуация зафиксирована при изучении погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

В то же время фигура верховного правителя по-прежнему оставалась сакральной и отделенной от простых смертных (Васютин С.А., 2004; Кляшторный С.Г., 2004). Поэтому, по всей видимости, погребения каганов (возможно, даже шире – представителей высших слоев элиты кочевых империй) до сих пор не известны исследователям. Исключение составляют мемориальные комплексы Монголии, уменьшенные и упрощенные воспроизведения которых фиксируются на территории Алтае-Саянского региона (Войтов В.Е., 1996, с. 12). На наш взгляд, имеется несколько возможных объяснений такой ситуации: 1) локализация погребальных памятников элиты кочевников на территории, до сих пор не охваченной масштабными раскопками (Северо-Западная и Западная Монголия); 2) отличие обряда захоронения у представителей высших слоев социума каганатов от других кочевников. В связи со вторым предположением не лишенной смысла представляется точка зрения Л.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) о том, что члены рода Ашина придерживались несколько иных религиозных представлений, нежели основная масса кочевников, а данное обстоятельство, несомненно, влияло и на обрядовую практику. Возможно, решение обозначенной проблемы связано с дальнейшим изучением «каганских» комплексов, расположенных на территории Монголии. Так или иначе, на сегодняшний день обозначенный вопрос остается открытым.

Рассмотрение локализации памятников высших слоев общества тюркской культуры позволяет утверждать, что абсолютное большинство «элитных» погребений расположено на территории Алтая. Некоторые объекты обнаружены неподалеку от мест сосредоточения «царских» курганов скифо-сакского времени (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 8–15). Такая ситуация, безусловно, не случайна и требует отдельного рассмотрения. Отмеченную закономерность можно объяснить стремлением раннесредневековых кочевников продемонстрировать свое привилегированное положение связью с предками-представителями высших слоев общества прошлых эпох, подтвердить легитимность на конкретной территории и др. Тенденцией противоположного характера является сравнительная «бедность» большинства погребальных комплексов, исследованных на территории Минусинской котловины. Судя по всему, данное обстоятельство объясняется кратковременностью привилегированного положения тюрок в этой части Алтае-Саянского региона и спецификой дальнейшей истории номадов в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

4.3. Динамика социальной системы раннесредневековых тюрков

Важным этапом реконструкции социогенеза древних и средневековых народов является изучение динамики их общественной системы, определение направлений эволюции социальных институтов и структур. Выход на данный уровень интерпретации материалов должен основываться на результатах многоаспектного исследования всех групп источников и проведенного анализа всех элементов организации рассматриваемого общества.

Исследования, направленного на детальную реконструкцию динамики социальной организации раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, до сих пор не предпринималось. Вместе с тем имеются работы, в которых представлен опыт анализа этапов политогенеза кочевников региона 2-й половины I тыс. н.э., что неизбежно требовало от археологов и историков учета эволюции различных компонентов социальной системы. Кроме того, в значительном количестве работ отечественных и зарубежных ученых раскрыты многие аспекты общей концепции социальной истории раннесредневековых тюрков. Некоторые наблюдения исследователей представляются весьма ценными и требуют отдельного рассмотрения.

В работах многих специалистов, занимавшихся изучением различных аспектов истории центральноазиатских тюрков, отмечалось присутствие в устройстве политических объединений раннесредневековых кочевников целого ряда характеристик, фиксирующихся у кочевых общностей более раннего времени – хунну, сяньби и жуэней (жуань-жуаней). Наиболее категорично данную мысль выразил П. Пельо, подчеркнувший, что своим государством тюрки обязаны жуэням (Кычанов Е.И., 2010, с. 125). Другие исследователи обращали внимание на конкретные черты политического и в меньшей степени социального устройства тюрков, происхождение которых может быть связано с наследием народов региона предшествующего периода.

По мнению ряда исследователей, ярким примером восприятия тюрками опыта политической организации сяньби и жуэней стало использование титулов «каган», «эльтебер» и «киркан» (Бернштам А.Н., 1946, с. 83; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 174; Кычанов Е.И., 2010, с. 94; и др.). Заметно продолжение традиций кочевников хуннско-сяньбийского времени в принципах организации

войска. Отмечено, что десятичная военно-административная система была заимствована раннесредневековыми тюрками у жужаней (Худяков Ю.С., 2007, с. 57). Так же, как и у кочевников центрально-азиатского региона предшествующего времени, элитным родом войск во 2-й половине I тыс. н.э. была тяжеловооруженная конница (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007б, с. 119).

Помимо факта восприятия тюрками наследия кочевых народов хуннуско-сяньбийского времени, исследователи подчеркивали влияние, оказываемое на раннесредневековых номадов со стороны Согда и Китая. Не вызывает сомнений особое значение воздействия Поднебесной империи на политическую и социальную организацию кочевников, особенно в период их зависимости (Бернштам А.Н., 1946, с. 10; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 171; Кычанов Е.И., 2010, с. 140–141).

Фрагментарность представленных наблюдений исследователей в значительной степени связана с характеристиками письменных источников по социальной истории раннесредневековых тюрков. Китайские хронисты не ставили перед собой задачу проследить развитие общества номадов, акцентируя внимание, главным образом, на перипетиях внешней политики. В тюркских рунических текстах, содержащих весьма ценную информацию о социальном устройстве объединений кочевников, в большей части описывается довольно короткий период существования Второго Тюркского каганата, что не оставляет возможности для сравнения уровня организации социума скотоводов в разное время. Кроме того, в историографии рассматриваемого вопроса отсутствует опыт анализа археологических материалов, которые в большей мере могут демонстрировать динамику процессов социогенеза раннесредневековых тюрков. Обозначенный подход привел к тому, что из общей, и без того весьма неполной, картины развития общества номадов практически полностью «выпали» периоды, не освещенные в письменных источниках, например, этап формирования социума, а также время, когда тюрки входили в состав каганатов уйгуров и кыргызов.

Именно поэтому при исследовании эволюции социальной системы номадов мы опирались, главным образом, на результаты анализа материалов раскопок археологических комплексов, с учетом общей концепции развития общества раннесредневековых тюрков, в разной степени представленной в династийных хрониках и рунических текстах.

В социальной истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии представляется возможным выделить несколько основных периодов, характеризующихся различным уровнем консолидации номадов, дифференциации общества, степенью политической самостоятельности кочевников и др. (Серегин Н.Н., 2013б):

- 1) докаганатский период (до 552 г.);
- 2) период Первого каганата (552–630 гг.);
- 3) период зависимости от Китая (630–682 гг.);
- 4) период Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.);
- 5) период существования тюрок в составе каганатов уйгуров и кыргызов (2-я половина VIII – XI в.).

Как известно из китайских династийных хроник, в 460 г. произошло переселение определенной группы населения, легендарных «500 семейств Ашина». Вероятно, данная акция не была единичной в политике жужаней, и подобные спланированные перемещения племен носили системный характер (Худяков Ю.С., 2007а, с. 23). После переселения Ашина сумели не только адаптироваться в новых условиях, но и консолидировать вокруг себя местных кочевников, создав мощное объединение, способное спустя столетие коренным образом изменить политическую ситуацию в степи. Данный этап социогенеза раннесредневековых тюрок в наименьшей степени обеспечен источниками и материалами, однако значение его трудно переоценить – именно в это время закладывались основы нового общества и предпосылки образования одной из крупнейших кочевых империй региона.

Сведения письменных источников не позволяют точно локализовать территорию, где происходило смешение семейств Ашина с местным населением и формирование этноса и культуры тюрок, называя лишь Алтай с возможностью широкого толкования. Однако, судя по имеющимся археологическим материалам, это была территория Горного Алтая, на которой раскопаны на сегодняшний день наиболее ранние археологические комплексы культуры раннесредневековых тюрок, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002; Тишкин А.А., 2007; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б).

В распоряжении исследователей в настоящее время нет материалов, позволяющих определить уровень социального развития и политической консолидации «500 семейств» Ашина до переселения

их на Алтай. Перспективы получения такой информации связаны с проведением системных раскопок на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна), с определенной долей вероятности обозначаемой как регион первоначального формирования рассматриваемой группы населения (ганьсуйско-гаочанский этап ранней истории тюрков) (Кляшторный С.Г., 1965). Пока же имеет смысл обратиться к археологическим материалам Алтая предтюркского времени. Целесообразность такого экскурса определяется тем несомненным влиянием, которое оказали местные кочевники на пришлые племена. Сравнительный анализ результатов исследования памятников Алтая 2-й половины IV – V в. (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры) и кызыл-ташского этапа тюркской культуры показал определенную степень генетической преемственности между данными группами населения, проявившуюся, главным образом, в предметном комплексе и в меньшей степени в погребально-поминальной обрядности (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б). Кроме того, материалы раскопок памятников кудыргинского этапа (2-я половина VI – 1-я половина VII в.) показывают, что часть населения булан-кобинской культуры Алтая была включена в военные операции тюрков середины VI в. (Серегин Н.Н., 2012е).

Влияние жужаней как фактор социального развития ранне-средневековых тюрков на начальном этапе формирования общности неоднократно подчеркивался исследователями (см. выше). При этом полностью игнорировалось воздействие на формирование нового социума местных кочевников Алтая, гораздо более многочисленных, по сравнению с пришлой группой. Исследованию общественной организации населения Алтая хуннско-сяньбийского времени посвящен ряд работ. В последние годы детальный анализ социальной системы булан-кобинской культуры предпринят С.С. Матрениным (2005б), однако некоторая часть полученных им результатов, характеризующих уровень развития племен региона предтюркского времени, осталась неопубликованной, что определяет необходимость непосредственного обращения к археологическим материалам 2-й половины IV–V вв.

Погребальные комплексы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры исследованы на некрополях Верх-Уймон, Катанда-I, Чендек, Яломан-II, Дялян, Кок-Паш, Верх-Еланд-II, Усть-Бийке-III (Гаврилова А.А., 1965; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Соенов В.И., 2000; Бобров В.В., Васю-

тин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, 2005). Захоронения 2-й половины IV – V в. на обозначенных памятниках, расположенных в различных частях Алтая, характеризуются высокой степенью вариабельности зафиксированных показателей погребального обряда, что, вероятно, отражает существование локальных групп населения (небольших племен или кланов) (Матренин С.С., 2005а). Выделяются погребальные комплексы местной элиты, а также захоронения воинов, демонстрирующие достаточно высокий уровень милитаризации кочевников региона. В целом племена, населявшие Алтай в предтюркское время, представляли собой сложную общность, своего рода конфедерацию, характеризующуюся многоуровневой структурой. Судя по всему, переселение семейств Ашина произошло как раз в то время, когда местное население, находившееся на довольно высоком уровне развития, еще не было консолидировано.

Далее обратимся к возможностям социальной интерпретации археологических материалов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры раннесредневековых тюрков (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Погребения этого периода, раскопанные на некрополях Усть-Бийке-III, Яконур, Верх-Еланда-I, Ороктой, Боротал, Узунтал-I (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1982; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; Кубарев Г.В., 2005), гораздо менее представительны в количественном отношении. Кроме того, известна серия ритуальных объектов, хронология значительной части которых в связи с отсутствием датирующих материалов установлена предварительно на основе зафиксированных конструкций.

Результаты раскопок погребальных комплексов Алтая кызыл-ташского этапа демонстрируют сравнительно низкий уровень социальной дифференциации оставившего их населения. Памятники немногочисленны и разрознены, характеризуются вариабельностью норм обрядовой практики. Следует отметить наибольшую простоту в оформлении погребальных конструкций. Курганные насыпи чаще всего представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления

таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленная процессами формирования новой общности кочевников. Вместе с тем к середине VI в. происходит сложение стандарта погребальной практики, характерной для дальнейших этапов развития археологической культуры раннесредневековых тюрок. Кроме того, появляются погребения профессиональных воинов, отличавшиеся представительным набором предметов вооружения (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; 2005).

В целом обозначенные археологические материалы вполне адекватно отражают период становления традиций новой общности, постепенной консолидации кочевников и сложения многокомпонентного политического и социального образования. Последующие этапы социогенеза раннесредневековых тюрок происходили уже не только на Алтае – в них, помимо соседних кочевых племен, были включены значительные группы населения на отдаленных территориях.

Одним из ключевых событий раннесредневековой истории Центральной Азии стало создание в 551–552 гг. Первого Тюркского каганата, объединившего большое количество разноэтничных племен. Перипетии политической истории тюрок, связанные с формированием кочевой империи, активной военной экспансией и внутренними междоусобицами, представлены в письменных источниках и достаточно подробно рассмотрены исследователями (Кляшторный С.Г., 1964, с. 19–22; Гумилев Л.Н., 1993, с. 9–245; и мн. др.). Период гегемонии номадов продолжался недолго. Крушение восточной (центральноазиатской) части политического объединения тюрок произошло в 630 г. В 650 г. в результате похода китайского экспедиционного корпуса было ликвидировано последнее тюркское владение в Алтайский горах, основанное Чеби-каганом.

Анализ сведений письменных источников, а также рассмотрение общей логики развития кочевой империи позволяют утверждать, что основным направлением эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок во второй половине VI в. стало ее усложнение за счет включения многочисленных племен и групп населения в результате активной военной экспансии номадов. Судя по имеющейся информации, в ряде случаев тюрки не меняли основ организации подчиненных социумов, в том числе сохраняли местную элиту, однако оставляли наместников на покоренных территориях. Кроме того, важным процессом стало усиление консолидации собственно тюркского социума

в условиях необходимости контроля подчиненных племен, и при этом неизбежность дисперсного расселения немногочисленных кочевников, вынужденных удерживать обширные территории.

Археологические материалы иллюстрируют эти и другие процессы лишь отчасти (Серегин Н.Н., 2012д). Основной характеристикой погребальных и «поминальных» памятников эпохи Первого каганата является их немногочисленность, на первый взгляд идущая вразрез с логикой исторических событий. Действительно, период высшего могущества раннесредневековых тюрок, распространивших свою власть на значительные территории, обеспечен археологическими материалами крайне скудно. Вместе с тем погребальные комплексы, а также в меньшей степени объекты поминального характера имеют большое значение как для подтверждения сведений письменных источников, так и для конкретизации отдельных аспектов социальной истории кочевников.

Большая часть погребальных комплексов раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата (2-я половина VI – 1-й половина VII в.) раскопана на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., 1990; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Кубарев Г.В., 2011; и др.). Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры, но и как базы для первых военных походов кочевников. За пределами Алтая захоронения раннесредневековых тюрок довольно немногочисленны. Всего три таких объекта исследованы на территории Тувы (Грач А.Д., 1960, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5). Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Вместе с тем на указанной территории имеется серия случайных находок данного периода, а также материалы 2-й половины VI – 1-й половины VII в. из «поминальных» комплексов (Dorjsuren С., 1967; Санжмятав Т., 1993, табл. 107; Дундговваймагт..., 2010, т. 311–312; и др.), что указывает на возможность распространения памятников*. На таком фоне довольно представительной выглядит серия погребений кудыргинского этапа, раскопанная в различных районах Средней Азии

* Не исключено, что погребальных комплексов кудыргинского этапа в Туве и Монголии раскопано больше. Конкретизации количества объектов данного периода будет способствовать публикация не введенных в научный оборот материалов исследований прошлых лет.

и Казахстана (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; и др.). Кроме того, особая группа захоронений эпохи Первого каганата, демонстрирующая сложение локального варианта культуры раннесредневековых тюрков, исследована на территории Минусинской котловины (Киселев С.В., 1927; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Худяков Ю.С., 1999).

Относительная немногочисленность погребений раннесредневековых тюрков 2-й половины VI – 1-й половины VII в., в некоторой степени понятная для предшествующего периода (формирование культуры, становление традиций обряда и др.), сложно объяснима для комплексов эпохи Первого каганата, отражающих историю общности кочевников в период ее наивысшего развития. Нельзя исключать, что памятники данного этапа в силу различных причин еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрков, датируемых 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть кочевников на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов – кенотафов, а также каменных оградок, по ряду показателей напоминающих «символические» погребения (Серегин Н.Н., 2008б).

Так или иначе, обозначенные характеристики погребальных комплексов раннесредневековых тюрков эпохи Первого каганата существенно снижают возможности их социальной интерпретации. Дополнительным фактором, осложняющим наблюдения в указанном направлении, является унификация обрядовой практики кочевников, наблюдавшаяся уже в это время. При этом следует отметить, что стандартизация погребального ритуала отражает процессы кон-

солидации кочевников, закономерность которых в данный период отмечена выше.

Материалы раскопок погребальных комплексов эпохи Первого каганата демонстрируют общее усиление социальной дифференциации общества раннесредневековых номадов. Фиксируются как захоронения с весьма скудным инвентарем, так и объекты, предметный комплекс которых отражает достаточно высокое прижизненное положение умершего человека. Среди престижных категорий изделий из отдельных погребений отметим поясные наборы (Кибилов А.К., 1957; Курманкулов Ж.К., 1980; и др.), а также украшения конского снаряжения (Гаврилова А.А., 1965; Худяков Ю.С., Кочев В.А., 1997, 2000). Показателем динамики структуры общества раннесредневековых тюрок стало распространение захоронений профессиональных воинов, в которых зафиксирован представительный набор вооружения (Гаврилова А.А., 1965).

Показательной иллюстрацией усложнения общества номадов является формирование «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок. Это демонстрирует продолжающиеся процессы сложения общности номадов (Сергеев Н.Н., 2012е). Особое значение в этом плане имеет то, что одним из компонентов локального варианта на Среднем Енисее были, судя по имеющимся материалам, были носители традиций булан-кобинской культуры Алтая предтюркского времени, ставшие, таким образом, частью этносоциального организма. Детализация этих процессов затруднительна в связи с ограниченностью археологических комплексов, однако представляется возможным предположить, что на подобных периферийных территориях устанавливались формы социальной и политической организации, схожие с таковыми в центре каганата.

Несмотря на обозначенные процессы развития общества раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата, следует признать, что большая часть погребений 2-й половины VI – 1-й половины VII в. принадлежит рядовым членам социума. Некоторую информацию об элите номадов данного периода предоставляют материалы исследований мемориальных комплексов на территории Монголии. Такого рода объекты, относящиеся к эпохе Первого каганата, весьма немногочисленны и изучены далеко не полно, однако очевидно, что они представляют собой важный источник для реконструкции особенностей развития социальной системы раннесредневековых тюрок.

Судя по имеющимся материалам (Войтов В.Е., 1996, с. 27–30; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 33–66), мемориальные комплексы Монголии 2-й половины VI – 1-й половины VII в. представляли собой довольно сложные и масштабные сооружения, включавшие такие конструктивные элементы, как вал, ров, каменная насыпь, ряд балбалов, а также остатки своего рода храмов, от которых сохранились многочисленные обломки черепицы и основания деревянных колонн. На сегодняшний день одним из немногих, если не единственным, мемориальным памятником Монголии, уверенно датируемым эпохой Первого каганата, является Бугутский комплекс, важная часть которого – известная стела с надписями на согдийском языке и санскрите. Различным аспектам интерпретации данного объекта посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Коренько В.А., 2001; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 39–54; Bazylkhan N., 2011; Drompp M.R., 2011; и др.), поэтому ограничимся рассмотрением лишь наиболее важных характеристик данного памятника, показательных для исследования социальной истории раннесредневековых тюрок.

Прежде всего, следует отметить, что в надписи на Бугутской стеле, относящейся к последней четверти VI в., приведена некоторая информация о специфике устройства общества тюрок. Автору надписи социально-политическая иерархия кочевников представляется следующим образом: каган, его сородичи, шадапыты, тарханы, куркалыны, тудуны, конные воины, народ в целом (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 132).

Специфика Бугутской стелы заключается в согдийской и санскритской надписях, появившихся в отсутствии тюркской рунической письменности в VI в. (Коренько В.А., 2001, с. 363). Важная роль согдийцев и их высокие позиции в социально-политической системе Первого каганата отражена уже китайскими летописцами (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 143–144). Включение группы иноземцев в иерархию кочевников лишней раз демонстрирует ее сложность и многокомпонентность. Отдельным сюжетом, который отражает надпись на Бугутской стеле, является проникновение буддизма в тюркскую среду в VI в. (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 132–133). Информация о религиозной элите раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата весьма фрагментарна, однако имеются основания для предположения о формировании уже в это время

особого слоя служителей культа, представлявших собой группу привилегированных лиц в социальной системе номадов.

Особого рассмотрения заслуживает также проблема определения степени влияния Китая на формирование и первоначальное развитие социально-политической системы раннесредневековых тюрков. Данный вопрос представляет собой самостоятельную тему для исследования, и решение его осложняется ограниченностью имеющихся материалов. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что влияние китайской культуры на общество номадов, особенно на элиту кочевников, было весьма ощутимым. Некоторые сведения в указанном направлении предоставляют материалы исследований археологических объектов. Так, рассмотренные выше мемориальные памятники элиты 2-й половины VI – 1-й половины VII в. демонстрируют высокую степень подражания традиционным китайским комплексам. По заключению В.А. Коренько (2001, с. 365–366), Бугутская стела, как и подобные ей более поздние поминальные объекты Монголии, является уменьшенным и несколько упрощенным воспроизведением китайских стел, получивших распространение в Поднебесной империи уже с VI в.

Таким образом, социальная организация раннесредневековых тюрков в эпоху Первого каганата предстает как сложная система, включающая различные компоненты. Археологические материалы отражают процессы динамики общества кочевников крайне фрагментарно, однако дополнение этих отрывочных данных сведениями письменных источников позволяет сформировать более или менее объективную картину развития социума кочевников.

Следующим периодом в истории раннесредневековых тюрков, который также можно рассматривать как особый этап социогенеза номадов, является время их зависимости от Китая после крушения Восточного каганата в 630 г. Изменения социально-политической организации кочевников, происходившие в этот период, связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Из династических хроник известно, что, согласно решению императора, тюрков было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальних военных походов (Бичурин Н.Я., 1950, с. 256–258). Эта информация находит подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Тюркского каганата и сообщающих, что номады «стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «пять-

десять лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» (Малов С.Е., 1951, с. 37; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 39–40). Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось созданием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников (Кляшторный С.Г., 1964, с. 22–23; Гумилев Л.Н., 2002, с. 230). При этом сохранялось значение и высокое положение представителей прежней элиты кочевников, получивших соответствующие должности (Кычанов Е.И., 2010, с. 115).

Имеющиеся источники не позволяют подробно рассмотреть изменения социальной системы раннесредневековых тюрок в период зависимости от Поднебесной империи. При оценке этих процессов следует учитывать, что тесное и разноплановое взаимодействие с Китаем к этому времени имело уже давнюю историю, некоторые аспекты которой отражены выше. К примеру, показательна активная внешняя политика правителей династии Суй, состоявшая в целенаправленной системе подкупов-подарков представителям элиты номадов, заключении междинастийных браков и др. Не меньшее значение имело проникновение в среду кочевников (причем здесь уже имеются в виду не только представители высших слоев общества) различных элементов китайской культуры (Гумилев Л.Н., 2002, с. 162–163, 182). Весьма ярко и образно влияние Поднебесной империи отражено в рунических текстах VIII в., сообщающих о «коварных, хитрых и склонных к обману» чужеземцах, а также о «сладких речах и мягких шелках», которые обрекли на гибель тюркский народ (Малов С.Е., 1951, с. 34–35; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 36, 39). Поэтому, учитывая обозначенные факторы, представляется возможным утверждать, что коренной перестройки социальной системы раннесредневековых тюрок в 630–679 гг. не произошло; принципиальные изменения наблюдались скорее в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Судя по всему, на окраинах кочевых империй, в том числе на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена номадов сохранили значительную степень независимости, находясь на отдалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров.

До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок

на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг., – Шороон Дов (Данилов С.В. и др., 2010; Бураев А.И., 2012) и Шороон Бумбагар (Алтынбеков К., 2011; Очир А. и др., 2013). Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в археологии ранне-средневековых тюрок, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем, уже сейчас можно выделить основные черты данных объектов, позволяющие раскрыть некоторые сюжеты истории кочевников.

Комплексы Шороон Дов и Шороон Бумбагар, несмотря на определенную специфику каждого памятника, а также различную степень сохранности объектов, демонстрируют ряд схожих характеристик. Показательными конструктивными элементами сооружений являются крупная земляная насыпь (курган), длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге, а также две боковые ниши, заложенные кирпичами или каменными плитами, в которых находились многочисленные деревянные и глиняные фигурки стоящих людей и всадников. Отличительной чертой комплекса Шороон Дов является каменная плита, на которой высечен текст эпитафии китайскими иероглифами. К сожалению, этот памятник оказался ограбленным. Вероятно, первоначально там находились и какие-то предметы, сходные с теми, что были обнаружены в ходе раскопок мавзолея Шороон Бумбагар. Датировка рассматриваемых комплексов может быть определена достаточно уверенно в рамках 2-й половины VII в. На это указывает как предварительный анализ китайской надписи (Данилов С.В. и др., 2010, с. 256), так и время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Можно понять стремление отдельных казахстанских исследователей, принимавших активное участие в изучении памятника Шороон Бумбагар, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на

культуру кочевников (Сарткожаулы К., 2011, с. 285–287). Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот – материалы раскопок рассмотренных комплексов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по сути являются скорее китайскими, чем тюркскими. Обозначенные выше конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар (Очир А. и др., 2013, зурга 58).

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии 2-й половины VII в. в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках и в общем виде представленную выше. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии областей, населенных кочевниками, но находившихся под управлением императоров Поднебесной империи. Более точно ответить на вопрос – были ли это китайские чиновники или принявшие китайские традиции погребального обряда тюрки – позволит дальнейшее изучение эпитафии из мавзолея Шороон Дов, а также исследование других подобных объектов.

Политическая зависимость раннесредневековых тюрков от Китая продолжалась сравнительно недолго. В 679–689 гг. кочевники в результате упорной борьбы восстановили каганат. Наивысшие подъемы политического могущества Второго Восточно-тюркского каганата относятся к 691–716 и 721–734 гг. (Кляшторный С.Г., 2005, с. 101, 109). При этом непродолжительное время существования кочевой империи (до 744 г.) было наполнено постоянными военными столкновениями практически на всех направлениях – как с другими кочевыми племенами, так и с Китаем. Несмотря на короткие периоды стабильного развития, именно в это время в каганате сложились те формы организации общества, которые наиболее подробно известны из рунических текстов. Различные стороны социальной организации кочевников Второго Восточно-тюркского каганата по письменным источникам неоднократно рассматривались исследователями (Бернштам А.Н., 1946; Ганиев Р.Г., 2006; Кычанов Е.И., 2010, с. 114–144; и др.), поэтому имеет смысл обратиться к более фрагментарно изученным в этом отношении археологическим материалам.

К периоду существования Второго Восточно-тюркского каганата относится большая часть исследованных погребальных комплексов, предоставляющих значительный объем информации для реконструкции различных аспектов социальной истории номадов. Материалы раскопок памятников этого периода демонстрируют наивысшую степень сложности общества, по сравнению с захоронениями предшествующего времени. Погребальные комплексы последней трети VII – 1-й половины VIII в. отражают существование различных слоев населения, развитие гендерной, возрастной и профессиональной дифференциации социума номадов. По сути, большая часть наблюдений и выводов, сделанных в области исследования структуры и организации общества раннесредневековых тюрков по материалам погребальных комплексов, основана на результатах анализа памятников данного периода.

Важным показателем развития общества раннесредневековых тюрков, которое наглядно демонстрируют материалы погребальных комплексов эпохи Второго Восточно-тюркского каганата, является дифференциация социума, связанная с неодинаковым «статусом» племен кочевников, проживавших на различных территориях. Вероятно, такая ситуация была обусловлена сложным этническим составом общности номадов в рассматриваемое время. Так, наиболее «элитные» погребальные комплексы 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. раскопаны на территории Алтая (Савинов Д.Г., 1994; Могильников В.А., 1997а; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003; и др.). Серия сопоставимых объектов, материалы которых, однако, несколько менее представительны, исследована в Туве и Монголии (Боровка Г.И., 1926; Евтюхова Л.А., 1957; Грач А.Д., 1958; Длужневская Г.В., 2000). В период существования Второго Восточно-тюркского каганата наиболее полно раскрывается периферийный характер развития общности номадов на территории Минусинской котловины. Показателем такой ситуации является почти полное отсутствие в погребениях «престижных» категорий предметов, в том числе импортных изделий. Вместе с тем в указанном регионе также существовала местная элита, наличие которой демонстрируют материалы раскопок отдельных комплексов (Тетерин Ю.В., 1999).

К периоду существования Второго Восточно-тюркского каганата относится большая часть мемориальных комплексов знати, исследованных на территории Монголии (Войтов В.Е., 1996; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006). По наблюдениям В.Е. Войтова (1996), материа-

лы исследований этих памятников отражают дифференциацию элиты кочевников, о чем свидетельствует вариабельность фиксируемых конструктивных элементов сложных сооружений. Такая ситуация подтверждается сведениями о титулатуре номадов, приведенными в тюркских рунических текстах, которые обнаружены на отдельных мемориальных комплексах. Рассматриваемые памятники демонстрируют сохраняющееся влияние культуры Китая на элиту раннесредневековых тюрков. Хрестоматийными можно считать сведения о том, что, по крайней мере, в сооружении нескольких объектов приняли участие китайские мастера (Малов С.Е., 1951; Тугушева Л.Ю., 2008).

Увеличение количества мемориальных комплексов знати, расположенных в центре каганата, является не только показателем развития общества номадов и усложнения структуры социума кочевников, но также демонстрирует рост числа представителей высших уровней военно-политической иерархии. Процесс «перепроизводства элиты» – явление, известное не только для тюрков, но также и для других кочевых империй Центральной Азии (Васютин С.А., 2005а, с. 58; 2010, с. 53), – мог стать одной из причин кризисных явлений, приведших к крушению Второго каганата.

После падения империи в 744 г. раннесредневековые тюрки не исчезли, а вошли в состав политических объединений уйгуров (745–840 гг.) и кыргызов (840 – около 950 гг.). Политическая и социальная общность кочевников была разрушена. Номады продолжали существовать в виде обособленных групп, статус которых определялся степенью включения территории, на которой они проживали, в бурные процессы борьбы за гегемонию в Центральной Азии. Так, Монголия, Тува и Минусинская котловина были регионами, в которых в разное время располагались политические центры уйгуров и кыргызов, поэтому возможности развития общества тюрков в указанных областях были весьма ограничены. Значительно большей степенью самостоятельности обладали номады Алтая, не вовлеченные в перипетии перманентного противостояния кочевых племен в последней четверти I тыс. н.э. Судя по всему, обозначенный регион не вошел в состав Уйгурского каганата и был присоединен к государству кыргызов лишь номинально (Кубарев Г.В., 1998а, с. 292–293; Тишкин А.А., 2007, с. 199–200; Худяков Ю.С., 2007, с. 129).

Данная ситуация в полной мере находит подтверждение в археологических материалах, которые в условиях почти полного отсутствия

письменных источников по истории тюрок 2-й половины VIII – XI в. становятся основой для наблюдений о специфике развития общества кочевников. Именно на территории Алтая в рассматриваемый период исследована большая часть известных погребальных и поминальных памятников. Важным показателем является сохранение в указанном регионе местной элиты, что демонстрируют материалы раскопок серии «богатых» погребений (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941). В этих и других захоронениях обнаружены «престижные» категории материальной культуры, в том числе предметы импорта. Вместе с тем памятники, исследованные на территории Алтая и в сопредельных регионах, отражают процессы «размывания» общества тюрок, влияния со стороны других групп кочевников и постепенного упадка рассматриваемой общности кочевников. Показателем этих процессов можно считать как новации в предметном комплексе, так и отдельные изменения, фиксируемые в погребальной обрядности. Частным примером является распространение на территории Алтая, Монголии и Тувы «одиночных» погребений (без лошади) (Грач А.Д., 1968; Трифонов Ю.И., 2000; и др.) и скальных захоронений (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1997; Соенов В.И. и др., 2002; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; и др.), часть из которых относится к поздним этапам истории раннесредневековых тюрок.

Последние сведения о тюрках в письменных источниках относятся к 941 г., когда они упоминаются среди племен, создавших Караканский каганат (Кляшторный С.Г., 2005, с. 110). В целом X–XI вв. являлись периодом постепенного затухания традиций культуры раннесредневековых тюрок и дезинтеграции сохранявшихся элементов социальной системы кочевников на отдельных территориях.

Таким образом, динамика социальной системы раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии в значительной степени определялась спецификой политической ситуации на этих территориях. На формирование и эволюцию общества кочевников оказали серьезное влияние как традиции кочевников предтюркского времени, так и специфика социально-политического устройства могущественного соседа – Поднебесной империи. В свою очередь, тюрки заложили основы для существования Уйгурского и Кыргызского каганатов, определив вектор развития кочевой цивилизации в регионе на несколько столетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бурные процессы этно- и политогенеза обществ кочевников, происходившие в раннем средневековье на территории Центральной Азии, оказали огромное влияние на исторические судьбы многих народов. Границы кочевых империй простирались далеко за пределы привычного для скотоводов региона. Так, в результате активной военной экспансии, осуществлявшейся правителями Первого Тюркского каганата, кочевники стали одним из ключевых факторов в системе политических и экономических отношений крупнейших оседло-земледельческих государств – Китая, Византии, Сасанидского Ирана. Эти процессы, несомненно, оказали серьезное воздействие на специфику развития социальной системы кочевников.

В ходе исследования различных аспектов социальной истории раннесредневековых тюрков, реализованного в настоящей работе, в разной степени учитывались все имеющиеся источники и материалы. При этом основой для осуществления предложенных реконструкций стали погребальные комплексы, раскопанные на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Ряд источниковедческих характеристик археологических материалов (ограбленность многих объектов, унификация обрядовой практики, небольшое количество антропологических определений и др.) определил необходимость привлечения сведений письменных источников – тюркских рунических текстов и китайских династийных хроник. Последовательная реализация программы исследования, разработанной с учетом обширного опыта реконструкций отечественных и зарубежных специалистов, а также специфики имеющейся источниковой базы, позволила представить основные характеристики социальной системы раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии.

Материалы раскопок погребальных комплексов демонстрируют существование в социуме кочевников 2-й половины I тыс. н.э.

устойчивых гендерных стереотипов, обусловленных в значительной степени разделением труда на мужской и женский. Сведения письменных источников подтверждают сделанные наблюдения, однако показывают возможность более активного участия женщин в ряде сфер общественно-политической жизни. Следует отметить, что гендерные стереотипы получили отражение и в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений.

Ограниченное количество антропологических определений не позволило детально проследить этапы социализации человека в обществе раннесредневековых тюрок. Вместе с тем можно уверенно утверждать, что статус индивида в немалой степени зависел от принадлежности его к той или иной возрастной группе. Наибольшее значение в социуме кочевников имели мужчины и женщины в возрасте 25–45 лет. Именно на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах нередко определяет высокий статус. Установлено, что большая часть погребений, связываемых по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников, была сооружена для умерших людей зрелого возраста. Нередко пожилые люди сохраняли высокий статус, что определялось ценностью для общества накопленного опыта, знаний и имевшегося авторитета. Вместе с тем материалы археологических памятников демонстрируют снижение роли пожилых мужчин в воинской иерархии в силу объективного ограничения физических возможностей.

Одной из характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии является высокая степень его унификации. Данное косвенное свидетельство уровня консолидации общества серьезным образом осложняет социальные реконструкции, нивелируя значение многих элементов обряда, считавшихся абсолютными маркерами прижизненного статуса умерших людей при исследовании объединений кочевников более раннего времени. Проведенный статистический и контекстуальный анализ материалов раскопок захоронений раннесредневековых тюрок позволил заключить, что относительными показателями положения погребенного были параметры сооружений и количество лошадей в могиле. Основным критерием для определения статуса

умершего при жизни являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребении. Рассмотрение наборов вещей с учетом ряда факторов способствовало выделению «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса (главным образом, предметы вооружения – меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех, а также в меньшей степени плетень и котел) и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка (предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов – наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду).

Дальнейшая корреляция зафиксированных социально значимых элементов обрядовой практики, главным образом, «социальных маркеров» стала основой для выделения групп захоронений, отражающих вертикальную структуру общества раннесредневековых тюрок.

Археологические материалы и дополняющие их сведения письменных источников демонстрируют весьма интересную картину динамики социальной системы раннесредневековых тюрок. Изменения в этой области были связаны, главным образом, с конкретной политической ситуацией в регионе. Влияние на социальную систему кочевников на разных этапах ее сложения и развития оказывали оседло-земледельческие соседи, и прежде всего Китай, контакты с которым были наиболее интенсивными. Сложную организацию социума раннесредневековых кочевников демонстрирует неоднородность элиты, включавшей не только представителей военной верхушки, а также управленцев, не связанных непосредственно с военным делом.

Известная ограниченность имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов не позволила реализовать в полной мере все возможности социальных реконструкций. Детализация полученных выводов и сделанных наблюдений связана с более подробным анализом письменных источников и корреляцией представленной в них информации с результатами анализа погребальных комплексов. Дальнейшие исследования в этом направлении будут способствовать продвижению к пониманию сложных процессов формирования и эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок и объективной оценке влияния на нее разноплановых факторов.

SUMMARY

Seregin N.N. Social Organization of Early Medieval Turks of Altai-Sayan region and Central Asia (on materials of funeral complexes)

Study of socio-political history of Eurasian nomads is independent direction of researches now. Relevance and the importance of works within this subject is defined by a number of factors such as specifics of development of nomad's societies, their impact on destinies of a large number of the people etc. Nomads of different chronological periods created original social and political systems, which was often very short-lived, but left a noticeable trace in the history.

One of the brightest nomad's community was early medieval Turkic peoples of the Altai-Sayan region and Central Asia. Being founders of the largest nomadic empire (the Great Turkic khaganate, 551/552–630) which borders stretched far beyond the designated area, they had a huge impact on the ethnogenetic and historical-cultural processes happening in extensive territories. After the crash of the khaganate and the period of dependence from China (630–682), nomads managed to revive the empire which existed to 744, and then became a part of political associations of Uyghurs and Kyrgyz. Despite rather a short history, early medieval Turkic peoples created a bright culture and ideology, and also a complex social and political system which became a sample for imitation for many tribes of nomads of the Central Asian region.

This work is devoted to research of social history of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia. This subject is not new. Extensive resources concern different aspects of society's development of early medieval Turks. However, still all generalizing works in this field are based on the analysis of written sources – Turkish runic texts and Chinese

dynasty chronicles. Further study of these documents is certain to have some prospects related, mainly, to application of new methodological approaches to judgment of ways of nomadic civilization development. However, research opportunities in this direction are seriously limited. Therefore our research is based on the analyses of archaeological materials. The most informative of them are results of an excavation of the funeral complexes which are widespread on the territory of the Altai-Sayan region and Central Asia.

Chronological framework of research is defined by the period of existence of archaeological culture of early medieval Turks (the 2nd half of the V – XI centuries AD). Study of concrete aspects of nomad's social history is based on the dated events presented in written sources.

Chapter 1. History of research of structure and organization of society of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia

Studying of various aspects of nomad's social history of the Altai-Sayan region and Central Asia is a quite a popular field of research now. Specifics of a social system of cattle-farmers of the early Iron Age are studied in more detail in comparison with the nomadic tribes of the early middle age. However, even considering this situation the analysis of research history of specifics of the organization of society of Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia requires a special study.

Paragraph 1.1. concerns the results of the analysis of written sources on social history of early medieval Turks. The conclusions drawn at different times by such researchers as V.V. Bartold, A.N. Bernshtam, L.N. Gumilev, S.G. Klyashtorny, E.I. Kychanov, T.S. Zhumaganbetov, S.A. Vasyutin etc. are considered. In works of these historians various aspects of studying of social and political system of nomads are considered. Thus results of the analysis of written sources and an assessment of a level of development of nomad's society were defined by a methodological position of researchers.

Paragraph 1.2. is devoted to consideration of history of research of social history of early medieval Turks based on archaeological materials. Experience of works in this field is a very small. Some results of social interpretation of funeral complexes are presented in publications of S.V. Kiselev, A.D. Grach, G.V. Dluzhnevskaya, V.N. Dobzhansky, V.V. Gor-

bunov etc. Studying of archaeological sites allows researchers to allocate the social indicators of a ceremony of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia.

The insufficient attention of researchers to studying of questions of social history of early medieval Turks on the basis of the analysis of archaeological sites is caused by a number of reasons. The attention of experts was more concentrated on consideration of aspects of ethno-cultural history, definition of chronology of cemeteries and creation of a periodization of development of Turkic culture in various territories. The negative role was played by existence of the written sources, allowing to study the main characteristics of the nomad's social system without attraction of materials of excavation.

Thus, today many questions of studying of the social organization of early medieval Turks remain topical. There are no generalizing researches in this field, allowing not only to summarize the conclusions drawn earlier, but also essentially to promote in understanding of tendencies of development of nomad's societies in the 2nd half of I millennium AD. Available sources and materials allow to start studying of social history of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia on a qualitatively new level.

Chapter 2. Sources, problems and methods of reconstruction of social organization of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia

Paragraph 2.1. examines sources and materials which allow to study various aspects of social history of early medieval Turks. The general and special characteristics of written sources (Turkic runic texts, Chinese dynasty chronicles, and also works of the Byzantine, Arab and Persian historians) are briefly considered. Possibilities of use of archaeological materials the most informative of which are funeral complexes are in more detail analysed. A number of their characteristics (comparative small number of objects, frequent cases of robberies, a small amount of anthropological definitions, standardization of nomad's ceremony etc.) are reduced possibilities of social interpretation of materials of excavation.

For reconstruction of structure and organization of society of early medieval Turks we developed special program of the research, consisting of five stages:

1) systematization and analysis of materials of excavation of funeral complexes in the Altai-Sayan region and Central Asia;

2) reconstruction of horizontal stratification of nomad's society, found reflection in gender and age differentiation of funeral ceremonialism;

3) allocation of social indicators of the funeral ceremony reflecting the status of the dead person during lifetime;

4) allocation of social groups of the burials reflecting the general structure of society of early medieval Turks;

5) correlation of the received results of the analysis of funeral complexes with other groups of sources. It allows to consider some aspects of the organization of nomad's society and dynamics of their social system.

In paragraph 2.2. there is a brief presentation of results of systematization and the analysis of funeral complexes of early medieval Turks. Burial constructions, ritual ceremony and accompanying stock are characterized. The received results allow to conclude that in the territory of the Altai-Sayan region and Central Asia in the 2nd half of the V – XI centuries AD there was a united archaeological culture (community) of early medieval Turks. Variability of traditions of a funeral ceremony was typical for this population. Substantially it was connected with heterogeneity of the society which included different nomadic tribes. On the other hand, a variety of forms of ritual was caused by social differentiation of nomad's society.

Chapter 3. Structure of society of early medieval Turks of Altai-Sayan region and Central Asia (on materials of funeral complexes)

In paragraph 3.1. gender differentiation of society of early medieval Turks on archaeological and written sources is characterized. The elements of a funeral ceremony distinguishing male and female burials are allocated. The most important indicator was the accompanying stock. Studying of funeral complexes of early medieval Turks shows a very clear split of public roles and functions of men and women and existence of steady gender stereotypes.

Paragraph 3.2. considers the characteristic of distinctive features of a funeral ceremony for various age groups of society. Age differentiation of society of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia

was studied within four main groups: 1) «children» (till 14 years, with allocation of intermediate group «teenager» – to 18 years); 2) «young» (18–25 years); 3) «adults» (25–45 years); 4) «the senior adults» (more than 45–50 years). Tendencies of change of the status of people at various stages of life cycle are allocated. The received results of the analysis of archaeological materials found confirmation in written sources. The recorded situation is typical for many traditional societies.

Paragraph 3.3. is devoted to allocation of indicators of the funeral ceremony reflecting the social status of a dead person during lifetime. The sizes of funeral constructions and quantity of horses in burial were relative indicators. The most significant was the structure of accompanying stock. «The power complex», including arms subjects (a sword, a dagger, a spear, a fighting axe, an armor), and also a lash and a metal copper, and also «the wealth complex», including subjects of torevtics from non-ferrous and precious metals (type-setting belts, metal vessels and mirrors, decoration of horse equipment, decoration of a suit) and also silk clothes are allocated.

Paragraph 3.4. presents the results of allocation of social groups of burials of early medieval Turks. Each of groups is characterized by a steady set of indicators of a funeral ceremony. Nine male, four female and three children's groups of burials are allocated. They reflect vertical structure of society of early medieval nomads.

Chapter 4. Main aspects of studying of the society's organization of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia

In paragraph 4.1. the main characteristics of the professional organization of early medieval Turks are presented. Value of economic occupations, and also military science on stratification of society of nomads is briefly characterized. The questions of existence of slavery and dependent sectors of society, and also special group of attendants of a cult on archaeological and written sources are considered in detail.

Paragraph 4.2. is devoted to the analysis of elite of society of early medieval Turks. Structure and functions of representatives of the upper class of nomad's society are presented in written sources. 13,5% of burials can be carried to different levels of elite. Materials of archeological excavations show professional differentiation of elite of early medieval

Turks, consisting of representatives of military sector and the managers who haven't been connected with military science.

Paragraph 4.3. concerns the reconstruction of dynamics of social system of early medieval Turks during various chronological periods on archaeological and written sources. Five main periods, characterized with various level of nomad's consolidation, society differentiations, degree of political independence etc. are allocated: 1) the period before First khaganate (to 552); 2) period of the First khaganate (552–630); 3) period of dependence on China (630–682); 4) period of the Second khaganate (682–744); 5) period of existence as a part of khaganates of Uyghurs and Kyrgyz (the 2nd half of the VIII – XI centuries AD). It is established that dynamics of social system of early medieval Turks was substantially defined by specifics of a political situation on territories of the Altai-Sayan region and Central Asia. The traditions of nomads of preturkic time and specifics of the socio-political system of the powerful neighbor – China made a great influence on formation and evolution of nomad's society. In turn, Turkic peoples laid the foundation for development of the Uigur and Kyrgyz khaganates, having defined a vector of development of a nomadic civilization in the region for some centuries.

In the **Conclusion** the main results of research are summed up. The certain limitation of archaeological materials available at our disposal didn't allow to realize fully all opportunities of social reconstruction. Specification of the received conclusions and the made supervision are connected with more detailed analysis of written sources and correlation of information provided in them with results of the analysis of funeral complexes. Further research in this direction will contribute understanding of complex processes of formation and evolution of social system of early medieval Turks and an objective assessment of influence on it by versatile factors.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 284–312.

Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3–9.

Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука, 1986. 192 с.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово, Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 207–219.

Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхануул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 288–294.

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. По материалам выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2 марта – 2 мая 2004 г. СПб.: Славия, 2004. 64 с.

Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 48–49.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.

Ахметов В.В. Погребальный обряд троичских мохэ (по материалам раскопок 2004–2005 гг.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск: КГПУ, 2006. Т. II. С. 5–7.

Балабанова М.А. Половозрастная структура населения поздне-сарматского времени Нижнего Поволжья // Российская археология. 2009. №3. С. 79–88.

Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алмааты: Жалын, 1993. 192 с.

Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 134–136.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.

Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ ханы тахилинхонгоны судалгаа // Археологийн судлал. 2003. Т. XXI. Т. 75–83.

Белинская К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007а. С. 146–148.

Белинская К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. 2007б. С. 199–204.

Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрков Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. №4(7). С. 6–11.

Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 31–37.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Берсенева Н.А. Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 107–110.

Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010б. №3(43). С. 72–81.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргат-

ской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011а. №1 (14). С. 72–79.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011б. 204 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху «великого переселения народов». Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. 224 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 80–200.

Богданова В.И. Новые антропологические материалы конца I тыс. н.э. из Тувы // МАЭ. 1980. Т. 36. С. 100–107.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение социальной структуры средневекового населения Среднего Енисея немецкими учеными XVIII–XIX вв. // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 65–68.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. 270 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.

Бородовский А.П. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–189.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. 88 с.

Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 296–303.

Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 140–154.

Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966а. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966б. Т. II. С. 292–334.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 126 с.

Васютин А.С. Раскопки древнетюркских памятников в Горном Алтае // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 194–195.

Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Васютин С.А. Архаичные элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 95–99.

Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 56–71.

Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. I. С. 215–223.

Васютин С.А. Проблемы комплексного анализа социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребальных памятников // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 403–405.

Васютин С.А. Проблемы и перспективы изучения демографии и социальной стратификации кочевых обществ древнетюркской эпохи по данным археологии // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007а. С. 268–274.

Васютин С.А. Системный анализ кочевых обществ раннего средневековья // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. С. 53–56.

Васютин С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 198–201.

Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. №3(79). С. 49–63.

Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 224–236.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 10–38.

Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI–VIII веках. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 132 с.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение

верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006б. 55 с.

Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 85–98.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 43–46.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлюоресцентного анализа // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 165–168.

Горбунова Т.Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сросткинской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: КемГУ, 2003. С. 109–113.

Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Техничко-морфологический и спектральный анализ украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 346–348.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 105–111.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 73–150.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.

Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // ТТКАЭЭ: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 81–107.

Грач А.Д. Принципы и методы историко-археологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 158–183.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.

Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.

Гуляева Н.П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 109–123.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. 560 с.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной

Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

Дашковский П.К. Служители культа у тюрок Центральной Азии в эпоху средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. Вып. 4/1 (64). С. 65–71.

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Дашковский П.К. Дискуссионные аспекты изучения влияния прозелитарных религий на традиционное мировоззрение тюркоязычных кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий в эпоху раннего средневековья // Религиоведение. 2013. №1. С. 3–13.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 178–188.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 197 с.

Дмитриев С.В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 234–237.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 162 с.

Добродомов И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрок // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 94–97.

Добролюбовский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 59–67.

Доде З.В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. №4. С. 25–35.

Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Наumenко С.А. Погребения зна-

ти золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–184.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.

Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: бага газрын чулуу / Археологийн судлал. Т. XXVII. Улаанбаатар, 2010. 347 тал.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М.: АН СССР, 1952. №24. С. 72–120.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана: Култегін, 2006. 360 с.

Жолдошов Ч.М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. I. С. 67–74.

Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алматы: Жетіжаргы, 2003. 432 с.

Жумаганбетов Т.С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. 2006. №4. С. 154–162.

Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 15–23.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 216 с.

Зуев Ю.С. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Зяблин Л.П., Кривonos А.А. Копенский отряд // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 146–148.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // Советская археология. 1966. №3. С. 152–171.

Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V, ч. 1. С. 122–125.

Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 42–44.

Илюшин А.М. Предметы культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 354. С. 81–87.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 65–70.

Калинина Т.М. Ал-Масуди о тюрках // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 54–58.

Кибиров А.К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.

Килуновская М.Е. Ареалы и типология монументальной скульптуры древнетюркской эпохи // Вестник КНУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. Вып. IV: История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. 2004. С. 109–113.

Кильдюшева А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 254–258.

Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные о древнетюркском могильнике Белый Яр-II в Хакасии (по материалам раскопок 1992 г.) // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н.Ф. Катанова, 1993. С. 41–42.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 230–235.

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Исследование тюркского кургана на территории «Бирюзовой Катунь» // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. С. 270–274.

Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. II, ч. 1. С. 339–343.

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 235–243.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескен-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 1–162.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.

Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 258–263.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 216 с.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.

Кляшторный С.Г. Предисловие / Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 5–16.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312–339.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 213–215.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Наука, 2003. 560 с.

Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.

Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 23–31.

Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005б. С. 7–180.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 121–146.

Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // СГЭ. 1974. Вып. XXXIX. С. 45–48.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Монголоос олдсон алтан брактеат тов азийн гоел чимэглэлийн урлаг дахь византийн угуулэмж // Археологийн судлал. 1999. Т. XIX. Т. 150–160.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Ника, 2000. 320 с.

Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. XVI. С. 207–210.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004а. 24 с.

Кондрашов А.В. Опыт выделения социодиагностирующих признаков инвентаря по материалам погребений сросткинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 103–107.

Коренько В.А. Об изображении на Бугутской стеле // Мирозрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 355–369.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // Российская археология. 2007. №2. С. 25–32.

Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 175–177.

Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. 52 с.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81.

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 117–126.

Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // Российская археология. 2010. №1. С. 157–160.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов (доклады российской делегации). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 72–78.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1984. 235 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 24–54.

Кубарев В.Д. Сюжеты войны и охоты в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, антропология и этнография Евразии. 2001б. №4(8). С. 95–107.

Кубарев В.Д. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнографии и антропология Евразии. 2004. №1. С. 28–38.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев Г.В. Изображение быка в поясной гарнитуре древнетюркского времени // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 78–81.

Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998а. Т. I. С. 290–298.

Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1998б. Т. IV. С. 266–269.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 293–297.

Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008а. С. 68–72.

Кубарев Г.В. Копья с втоками у древних тюрков (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.: ИА РАН, 2008б. Т. II. С. 236–239.

Кубарев Г.В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин-III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 221–240.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Поясные сумочки в костюме древних тюрков Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 155–161.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Яматын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М.: Вост. лит-ра, 2007. С. 212–222.

Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.

Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух серебряных сосудах // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992а. С. 155–175.

Кызласов И.Л. Руническое письмо в горах Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 73–75.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит-ра, 1994. 327 с.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. 164 с.

Кызласов И.Л. Ранесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая // Степи Евразии в эпоху средневековья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 246–249.

Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Аккюна (Алтай) // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. №2. С. 27–39.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Хакасии и Туве // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 211–212.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит-ра, 1997. 319 с.

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общ-во, 2010. 364 с.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 1961. 391 с.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1952. №24. С. 121–136.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 16–23.

Липец Р.С. Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Наука; Вост. лит-ра, 1994. 326 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 198 с.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 431 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 202–205.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Матренин С.С. Впускные погребения Горного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 98–106.

Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 93–98.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005б. 23 с.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 152–183.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 208 с.

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 46–48.

Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 155–161.

Митько О.А. Древнетюркский могильник на реке Таштык // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 55–64.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дялян // Проблемы сохранения, использования и изучения

памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 85–86.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Могильников В.А. Курган-85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1997а. С. 187–234.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997б. 195 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 255 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 184 с.

Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный ана-

лиз с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек: Кыргызский нац. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 1996. 259 с.

Мухарева А.Н. Украшения конского снаряжения или свидетельства социального статуса? // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск: Ховдский гос. ун-т, 2009. Т. II. С. 36–38.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.

Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 95–102.

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 91–102.

Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 88–92.

Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1983. С. 60–68.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М.: Наука, 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. 1951. Вып. I. С. 143–154.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. №1. С. 65–76.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. №1. С. 78–93.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–98.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 179–210.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: (салтово-маяцкая культура). М.: Наука, 1967. 198 с.

Поздняков Д.В. Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 22 с.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Поляков А.С. Поминальные оградки алтае-орхонских тюрок на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1983. С. 105–112.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Поэзия древних тюрок VI–XII вв. М.: Раритет, 1993. 176 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г. Предварительные результаты элементного состава бронзовых и серебряных изделий // Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. С. 384–390.

Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.

Рухлядев Д.В. Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // Тюркологический сборник 2003–2004 гг.

Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Вост. лит-ра, 2005. С. 203–253.

Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3–4. С. 3–12.

Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V, вып. 1–2 (15–16). С. 120–138.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 155–163.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994а. С. 146–152.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994б. С. 88–94.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994в. С. 104–124.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 180–343.

Савинов Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 412 с.

Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 1993. 198 тал.

Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (про-визорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху не-зависимости: итоги, перспективы. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 283–287.

Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических ис-следований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н. Китайские монеты из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Время и культура в археоло-го-этнографических исследованиях древних и современных об-ществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008а. С. 190–193.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008б. С. 144–153.

Серегин Н.Н. Проблема выделения локальных вариантов тюрк-ской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Ир-кутск: Изд-во ИрГТУ, 2009а. С. 28–33.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского го-сударственного университета. Сер.: История, политология. 2009б. №4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин Н.Н. Впускные погребения тюркской культуры Сая-но-Алтая // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 264–266.

Серегин Н.Н. Социальная значимость предметов торевтики в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010б. С. 86–91.

Серегин Н.Н. Вопросы этносоциальной интерпретации одиноч-ных погребений тюркской культуры // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010в. С. 251–254.

Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской куль-туры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Из-вестия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010г. №4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н.Н. Реконструкция социальной организации ранне-средневековых тюрок Саяно-Алтая: источники, проблемы, методы // Древние культуры Евразии: мат. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010д. С. 288–293.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. 2010е. С. 171–180.

Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011а. №4/2 (72/1). С. 180–185.

Серегин Н.Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. 2011б. С. 236–245.

Серегин Н.Н. Источники и материалы для реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2012а. Вып. 356. С. 102–105.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012б. №2 (17). С. 61–69.

Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. 2012в. С. 134–142.

Серегин Н.Н. Социальная структура населения тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина VI – XI в.) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012г. С. 238–241.

Серегин Н.Н. Погребальные комплексы кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии (2-я половина VI – 1-я половина VII в.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012д. Т. 2, вып. 3. С. 432–441.

Серегин Н.Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012е. Кн. 2. С. 536–541.

Серегин Н.Н. Китайский шелк в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии //

VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012ж. С. 175–179.

Серегин Н.Н. Предметы вооружения в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Центральной Азии: специфика распространения и социальный контекст // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2012з. Vol. 7, №1(378). Р. 98–113.

Серегин Н.Н. «Предметы культа» из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии: к постановке проблемы // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013а. Т. 2. С. 215–218.

Серегин Н.Н. К вопросу о начальном этапе социогенеза раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013б. С. 221–224.

Серегин Н.Н. К вопросу о реконструкции возрастной структуры общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Чита: ЗабГУ. 2013в. Вып. IV, ч. II. С. 91–100.

Серегин Н.Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013г. №3 (22). С. 87–94.

Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // *КСИА*. 2013д. Вып. 229. С. 71–83.

Скобелев С.Г. Древнетюркские оградки могильника Кек-Оба // *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 86–105.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит-ра, 1997. 216 с.

Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // *Археология Южной Сибири*. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. Вып. 23. С. 92–105.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 123–133.

Соловьева О.А. Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти (генезис, семантика, функции). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 1996. С. 38–45.

Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. 312 с.

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине Средней Катуні // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 24–26.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 113–128.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 27–54.

Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе

археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 43–56.

Тишкин А.А. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы их изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история культура, наследие). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005б. С. 105–107.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003а. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая Катунь-3 // География – теория и практика: Современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 240–247.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 297–299.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. Вып. 6. С. 14–32.

Третьякова В.Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. II. С. 54–56.

Трифонов Ю.И. Работы на могильнике Аргалыкты // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 25–27.

Трифонов Ю.И. Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 129–131.

Трифонов Ю.И. Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 174–176.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975а. С. 185–193.

Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975б. С. 236–238.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 143–156.

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 59–68.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 130–134.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Тутаркова Н.В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 22 с.

Ульянов И.В. Культ мечи ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 188–191.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-исторических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 108–114.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Известия СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. 1988. Вып. 3. С. 59–61.

Худяков Ю.С. Охранные работы Катунского отряда в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988–1991 гг. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 82–85.

Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №3. С. 31–38.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С. Поясная и сбруйная фурнитура в военно-дружинной культуре тюркоязычных народов Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. С. 136–138.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С. Особенности государственного устройства, военной и этносоциальной организации у кочевников Центральной Азии в период гегемонии сяньби и жужаней // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 349–355.

Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007а. 156 с.

Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007б. 192 с.

Худяков Ю.С. Археологические исследования в долине реки Эдиган в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. С. 401–404.

Худяков Ю.С. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Полиграфист, 2011. С. 294–299.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII, ч. 1. С. 497–500.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. IX, ч. 1. С. 510–515.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 156 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. 2000. №3(3). С. 109–115.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 111–125.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Убсу-Нурской котловине // Археологический судлал. 1997. Т. XVII. Т. 88–97.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 82–90.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар: Б.и., 2008. 239 с.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. №1(17). С. 40–51.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 212–227.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // ВДИ. 1960. №2. С. 139–141.

Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 132 с. (Археологические изыскания. Вып. 18).

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Юнусов А.С. Военное дело тюрок в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 97–105.

Яценко С.А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 32–38.

Amartuvshin Ch., Gerelbadrah Zh. BilgaKhagan's treasures // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 343–348.

Bazylkhan N. Unknown stone stelas from Mongolia with Brahmi inscriptions from ancient India // India and Kazakhstan. Silk Road synergy continues. New Delhi: Academic Excellence, 2011. P. 71–77.

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Actaarchaeologica. 1967. T. XIX. P. 429–430.

Drompp M.R. The Lone Wolf in Inner Asia // Journal of the American Oriental Society. №131(4). P. 515–526.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Actaarchaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

Kenk R. Fruhmittelalterliche Graber aus West-Tuva. Munchen: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АН – Академия наук.

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.

БНЦ – Бурятский научный центр.

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет.

ВДИ – Вестник древней истории.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ).

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМВ – Государственный музей Востока.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ДВГУ – Дальневосточный государственный университет.

ИА – Институт археологии.

ИАиЭт – Институт археологии и этнографии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КНУ – Казахстанский национальный университет.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.

КСИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

ОмГУ – Омский государственный университет.

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

РАН – Российская академия наук.

СО – Сибирское отделение.

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

ТГУ – Томский государственный университет.

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА

АЛТАЙ (карта 1)

1. Ак-Алаха. Археологический комплекс расположен на левом берегу одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Южно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции. В 1995 г. раскопано одно погребение тюркской культуры на могильнике Ак-Алаха-I (курган №3). Материалы частично опубликованы (Молодин В.И. и др., 2004). В 1994 г. раскопано одно погребение тюркской культуры на могильнике Ак-Алаха-III (курган №2). Материалы не опубликованы (Молодин В.И. и др., 2004).

2. Ак-Кообы. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Барбургазы, в ее нижнем течении, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Раскопано одно погребение тюркской культуры, рядом с которым находилось изваяние. На могильнике Ак-Кообы-III также исследовано одно погребение раннего средневековья (курган №2). Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., 1984; Кубарев Г.В., 2005).

3. Алагаил. Археологический комплекс находится в одноименной долине на правом берегу р. Чуя, в 12–17 км к югу от поселка Акташ Улаганского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Кемеровского педагогического университета в 1968–1969 гг. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №22). Материалы частично опубликованы (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985).

Карта 1. Погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Алтая

4. Бажынты. Памятник находится в 9 км к северо-западу от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Исследовался археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1978 г. На могильнике раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №29). Материалы опубликованы (Суразаков А.С., 1979; 1982).

5. Балтарган. Скальное погребение обнаружено на правом берегу р. Большой Ильгумень, в 40 км к юго-западу от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Находки переданы в Алтайский республиканский краеведческий музей в 1995 г. Объект отнесен к тюркской культуре. Вещевой комплекс погребения опубликован (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996).

6. Балык-Соок-I. Погребальный комплекс расположен в одноименном урочище, в долине р. Урсул близ впадения в нее р. Курота, в Онгудайском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1985 г. Раскопано десять погребений тюркской культуры (курганы №9–12, 14, 15, 18, 19, 23, 34). Материалы опубликованы (Кубарев Г.В., 2002; 2005; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003).

7. Барбургазы. Археологический комплекс расположен в долине одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом ИИФиФ СО РАН в конце 1970 – начале 1990-х гг. По одному погребению тюркской культуры раскопано на могильниках Барбургазы-I (курган №20), Барбургазы-II (курган №9), Барбургазы-III (курган №7). Материалы опубликованы (Кубарев Г.В., 1997; 2005).

8. Бертек. Памятник расположен в одноименной долине на плато Укок в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Археологический комплекс исследован Южно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции в 1991 г. На могильнике Бертек-27 раскопано впускное захоронение лошадей. Еще одно погребение тюркской культуры исследовано на памятнике Бертек-34. Материалы опубликованы (Савинов Д.Г., 1994а–б).

9. Бике. Погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, в 5 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Работы проводились Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1989 г. Погребения тюркской культуры раскопаны на могильниках Бике-I (курган №9) и Бике-III (курган №12). Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Кубарев Г.В., 1994а; 2005). В 2007 г. исследования данного комплекса были продолжены Катунской археологической экспедицией АлтГУ. В ходе работ на памятнике Бике-IV раскопано ограбленное погребение тюркской культуры (курган №1). Материалы опубликованы (Матренин С.С., Семибратов В.П., 2008).

10. Бирюзовая Катунь. Погребально-поминальный комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 3–4,5 км от устья р. Тавдушка вверх по течению р. Катунь. Работы на памятнике проводились Нижне-Катунской археологической экспедицией

АлтГУ в 2005–2009 гг. По одному погребению тюркской культуры раскопано на памятниках Бирюзовая Катунь-1, 3, 9. Материалы опубликованы (Кирюшин К.Ю. и др., 2005; 2009; Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009).

11. Большой Яломан-II. Памятник расположен в 2,5 км к северу от устья р. Большой Яломан, на левом берегу р. Катунь, в Онгудайском районе Республики Алтай. Исследования на объекте проводились совместной археологической экспедицией ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛ в 1989 г. Раскопано одно захоронение лошади, относящееся к тюркской культуре (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994).

12. Боротал. Комплекс археологических памятников расположен в одноименном урочище, в среднем течении р. Чуя, на ее правом берегу, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На некрополе Боротал-I раскопано четыре погребения тюркской культуры (курганы №6, 50, 51, 82). Еще одно захоронение (курган №2) исследовано на могильнике Боротал-II. Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., 1985б; Кубарев Г.В., 2005).

13. Верх-Еланда-I. Памятник расположен у с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Курганный могильник исследовался Алтайской археологической экспедицией АлтГУ в 1988 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №4). Материалы опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990).

14. Горно-Алтайск. Одиночный курган расположен на западной окраине г. Горно-Алтайск Республики Алтай. Памятник исследован С.М. Киреевым в 1988 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Киреев С.М., 1993).

15. Джолин. Курганный могильник расположен в одноименном урочище, в долине р. Юстыд в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На некрополе Южолин-I раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №9, 10). Еще два захоронения (курганы №1, 2) исследованы на могильнике Джолин-III. Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., 1992; Кубарев Г.В., 2005, 2011).

16. Дялян. Курганный могильник расположен на левом берегу р. Катунь, в 2 км к юго-востоку от устья р. Ороктой, в Чемальском

районе Республики Алтай. Охранные работы на памятнике проводились Южно-Сибирским отрядом археологической экспедиции НГУ в 1990 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №2). Материалы опубликованы (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992).

17. Жана-Аул. Памятник расположен в местности Чатыр, у с. Жана-Аул Кош-Агачского района Республики Алтай. Разрушенное погребение было доисследовано В.А. Кочеевым в 1991 г. Объект отнесен к тюркской культуре. Материалы опубликованы (Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 2000; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997; 2000).

18. Калбак-Таш. Погребально-поминальный комплекс расположен в 3–4 км от известного урочища Калбак-Таш на правом берегу р. Чуя, в ее нижнем течении, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАиЭ СО РАН в 1991 г. Исследовано два погребения тюркской культуры (курган №2; впускное). Материалы опубликованы (Кубарев Г.В., 2005).

19. Кальджин-VIII. Курганный могильник расположен на левом берегу р. Ак-Алаха, в 0,45 км к юго-западу от устья р. Кальджин, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией ИАиЭт СО РАН в 1993–1994-м гг. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №1, 3). Материалы опубликованы (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003).

20. Каменный Лог. Скальное погребение обнаружено к юго-востоку от с. Шебалино Шебалинского района Республики Алтай. Находки переданы в районный музей в 2002 г. Предметный комплекс, позволяющий отнести объект к тюркской культуре, опубликован (Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И., 2002).

21. Кара-Коба. Археологический комплекс расположен на правом берегу р. Урсул близ д. Кара-Коба Онгудайского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1980–1981 гг. На некрополе Кара-Коба-I раскопано девять погребений тюркской культуры (курганы №1, 8, 22, 25, 47, 72, 74а, 75, 85), а также отдельные захоронения лошадей (курганы №90, 123). На могильнике Кара-Коба-II исследовано еще одно захоронение (курган №13). Материалы опубликованы (Могильников В.А., 1983; 1990; 1994; 1997).

22. Катанда. Археологический комплекс находится на правом берегу р. Катанда, неподалеку от одноименного села, в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Работы на некрополе Катанда-I были проведены В.В. Радловым в 1965 г. Имеются упоминания о нескольких погребениях тюркской культуры. Материалы раскопок частично опубликованы (Радлов В.В., 1989; Захаров А.А., 1926). Пять погребений тюркской культуры исследованы А.А. Гавриловой в 1954 г. на памятнике Катанда-II (Гаврилова А.А., 1965). Десять погребений тюркской культуры (курганы №1–7, 11, 16, 21), а также курган без могилы (№22) раскопаны в ходе охранных работ археологической экспедиции АлтГУ в 1984 г. Материалы опубликованы (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997).

23. Кишнег-Увал. Одиночный курган расположен к северу от дороги Чемал–Эдиган, в 0,9 км от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Южносибирским отрядом НГУ под руководством Ю.С. Худякова в 2009 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры. Материалы не опубликованы, представлено только краткое описание объекта (Худяков Ю.С., 2009, с. 403).

24. Кок-су-I. Памятник расположен на правой надпойменной террасе одноименной реки, в 6 км от ее слияния с р. Аргут в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на некрополе проводились Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (руководитель С.С. Сорокин) при участии Горно-Алтайского краеведческого музея и Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки в 1964–1966 гг. Исследовано одно впускное погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Сорокин С.С., 1974).

25. Коо-I. Могильник расположен на правом берегу р. Чулышман, близ с. Коо Улаганского района Республики Алтай. Исследования на памятнике проводились Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ в 1983 г. Исследовано захоронение лошади, относящееся к тюркской культуре. Материалы опубликованы (Васютин А.С., 1985; Илюшин А.М., 1995, с. 122–123, рис. 1).

26. Кудыргэ. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Чулышман, в 15 км выше ее впадения в озеро Телецкое, в Улаганском районе Республики Алтай. Впервые памятник исследовался экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). В 1948 г. ряд объектов раскопан

А.А. Гавриловой (1965). Всего на памятнике исследовано шестьдесят погребений, достоверно относящихся к тюркской культуре. Материалы опубликованы (Гаврилова А.А., 1965).

27. Курай. Комплекс археологических памятников расположен в Курайской степи, в урочище Тадила Кош-Агачского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. Имеются сведения об одиннадцати исследованных погребениях тюркской культуры. Материалы опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Киселев С.В., 1951).

28. Курган у Тавдинской пещеры. Одиночный курган расположен у Тавдинских пещер, в Алтайском районе Алтайского края. Исследован П.И. Шульгой в 2004 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры. Материалы не опубликованы.

29. Курота. Памятник расположен на левом берегу р. Курота, в 2 км от ее впадения в р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1937 г. на могильнике Курота-I одно погребение тюркской культуры (курган №1) раскопано С.В. Киселевым (1951, с. 531). В 1977 г. этот некрополь исследовался Алтайской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. Было раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №2). Материалы опубликованы (Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992). На могильнике Курота-II исследования проводились в 1979 г. археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ. В результате было раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №46). Материалы опубликованы (Суразаков А.С., 1990).

30. Кырлык-II. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Катунь, в 4 км к югу-юго-востоку от с. Кырлык Усть-Канского района Республики Алтай. Охранные раскопки на памятнике проводились археологической экспедицией АлтГУ в 1983 г. Исследовано три погребения тюркской культуры (курганы №2–4). Материалы опубликованы (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985).

31. Нижняя Соору. Погребально-поминальный комплекс расположен у одноименного населенного пункта в Онгудайском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ. В 1982 г. исследовано захоронение лошади, относящееся к тюркской культуре. Материалы опубликованы (Илюшин А.М., 1995, с. 122, рис. 1).

32. Ороктой. Памятник расположен на левом берегу р. Катунь, в 4 км на восток от с. Ороктой Чемальского района Республики Алтай. Работы на объекте проводились Катунским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1988 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №1). Материалы опубликованы (Худяков Ю.С., Мороз А.В., Скобелев С.Г., 1990).

33. Пазырык. Археологический комплекс расположен в 2 км к северо-востоку от впадения р. Балыктуюль в р. Большой Улаган, в Улаганском районе Республики Алтай. В 1949 г. С.И. Руденко и А.А. Гавриловой исследованы впускные погребения тюркской культуры в курганах №5 и 6 (Гаврилова А.А., 1965).

34. Песчаная-II. Курганный могильник расположен в 2 км к востоку от с. Беш-Озек Шебалинского района Республики Алтай. Памятник исследовался археологическим отрядом ИА АН СССР и ГАГПИ в 1989 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №2). Материалы опубликованы (Елин В.Н., Могильников В.А., 1993).

35. Сары-Кобы. Памятник расположен в долине Сары-Кобы, к юго-востоку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Погребально-поминальный комплекс исследовался археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1978 г. Раскопан один объект тюркской культуры – отдельное захоронение лошадей (курган №17). Материалы опубликованы (Суразаков А.С., 1982).

36. Талдуаир-I. Курганный могильник расположен на террасе правого берега р. Талдуаир, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом ИАиЭ СО РАН в 1994 г. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №6, 7). Материалы опубликованы (Кубарев Г.В., 2005).

37. Талдура-II. Памятник расположен на левом берегу р. Чуя, в 6 км к западу от д. Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай. Памятник исследован Алтайским отрядом археологической экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Раскопано одно впускное погребение тюркской культуры (курган №2). Материалы опубликованы (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983).

38. Ташанта. Археологический комплекс находится близ пос. Ташанта Кош-Агачского района Республики Алтай. Памятник исследовался Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На могильнике Ташанта-I раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №5). Еще одно

захоронение (курган №10) исследовано на могильнике Ташанта-III. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев Г.В., 2005).

39. Туэкта. Археологический комплекс находится близ одноименного населенного пункта, в долине р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. Начало исследований на памятнике относится к 1935 г., когда работы проводились А.П. Марковым и С.М. Сергеевым. В 1937 г. раскопки были продолжены Саяно-Алтайской экспедицией. Имеется упоминание о девяти исследованных погребениях тюркской культуры. Материалы опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Киселев С.В., 1951).

40. Тыткескень-VI. Памятник расположен на левом берегу р. Катунь, в устье р. Тыткескень, в 2 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Охранные раскопки на памятнике проводились археологической экспедицией Алтайского государственного университета в 1988–1989 гг. Исследовано три погребения тюркской культуры (курганы №1, 5, 10). Материалы опубликованы (Киришин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998).

41. Тянгыс-Тыт. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Эдиган, в 0,2 км к западу от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Памятник исследовался Катунским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1988 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (впускное в курган №4). Материалы опубликованы (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998).

42. Узунтал. Археологический комплекс расположен в долине Узунтал, которая тянется к востоку от с. Кокорю до западных отрогов хребта Чихачева, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайским палеоэтнографическим отрядом Ленинградского ГУ в 1972 г. На курганных могильниках Узунтал-I, V, VI, VIII раскопано шесть погребений тюркской культуры. Материалы опубликованы (Савинов Д.Г., 1982; 1987).

43. Уландрык. Комплекс археологических памятников находится в долине одноименной реки, на обоих ее берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На некрополе Уландрык-I исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №10). Еще одно захоронение (курган №5) раскопано на могильнике Уландрык-III. Материалы опубликованы (Кубарев Г.В., 2005).

44. Урочище Балчикова-III. Археологический комплекс расположен в долине р. Сентелек (левый приток р. Чарыш), между населенными пунктами Сентелек и Покровка Чарышского района Алтайского края. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭТ СО РАН, НИИГИ при АлтГУ и БГПУ в 2000 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №7) и несколько объектов раннего средневековья в межкурганном пространстве. Материалы опубликованы (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002).

45. Усть-Бийке-III. Курганный могильник расположен в 6,5 км на юго-восток от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Памятник исследован археологической экспедицией АлтГУ в 1997 г. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №5, 6). Материалы опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005).

46. Усть-Ороктой. Одиночный курган расположен на левом берегу р. Катунь в нескольких метрах от впадения в нее р. Ороктой, в Чемальском районе Республики Алтай. Памятник исследован Южно-Сибирским археологическим отрядом НГУ в 1989–1990 гг. Раскопано одно погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Тетерин Ю.В., 1991).

47. Усть-Чоба-I. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Катунь, между населенными пунктами Эдиган и Куяс Чемальского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайско-Сибирским отрядом Алтайской археологической экспедиции ИАиЭт СО РАН в 1990 г. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №1, 3). Материалы опубликованы (Соловьев А.И., 1999).

48. Усть-Эдиган. Погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, в 3 км от устья р. Эдиган, в Чемальском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией под руководством Ю.С. Худякова в 1988–1991 гг. Имеется информация об одном раскопанном погребении тюркской культуры. Материалы не опубликованы (Худяков Ю.С., 1992).

49. Чоба-VII. Памятник расположен в долине Чоба, на правобережье р. Катунь, в 15 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Работы на некрополе проводились совместной археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ и Центра археологических исследований. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №1). Материалы опубликованы (Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994).

50. Чобурак-I. Погребально-поминальный комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, недалеко от ее притока р. Чобурак. Памятник исследовался археологической экспедицией под руководством А.П. Бородовского. Раскопано одно погребение и два кенотафа тюркской культуры (курганы №1–3). Материалы опубликованы (Бородовский А.П., 1994).

51. Шибе. Археологический комплекс расположен близ одноименного населенного пункта, на р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. Экспедицией под руководством М.П. Грязнова на этом памятнике исследовано пять курганов тюркской культуры. Материалы не опубликованы, информация о раскопках приведена в монографии А.А. Гавриловой (1965, с. 6). Аварийные работы на некрополе Шибе-II проводились археологической экспедицией АлтГУ в 1986 г. Раскопано 10 погребений тюркской культуры (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993). Материалы также остались не опубликованными.

52. Юстыд. Комплекс археологических памятников расположен в долине одноименной реки, на ее обоих берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточноалтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР. Погребения тюркской культуры раскопаны на некрополях Юстыд-I (курган №8), Юстыд-XII (курганы №28, 29 и три впускных объекта в курганах №3, 12, 14), Юстыд-XIV (курганы №1, 2), Юстыд-XXIV (курган №13). Кроме того, обнаружено скальное детское захоронение. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев Г.В., 2005).

53. Ябоган-I. Одиночный курган расположен в урочище Сары-Коба, в 4 км к востоку от с. Усть-Кан Усть-Канского района Республики Алтай. Памятник исследован экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1990 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994).

54. Яконур. Археологический комплекс расположен неподалеку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова в 1939 г. Исследовано несколько объектов раннего средневековья, в том числе два погребения тюркской культуры (курганы №3, 5). Вещевой комплекс одного из объектов опубликован (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003).

ТУВА (карта 2)

1. Аймырлыг. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Чаа-Холь, в 6 км к юго-западу от пос. Старый Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тыва. Могильник исследовался в 1968–1982 гг. вторым отрядом СТЭАН под руководством А.М. Мандельштама. Памятники раннего средневековья раскапывались группой Уральского государственного университета под руководством Б.Б. Овчинниковой. Исследовано более двадцати погребений тюркской культуры (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 14–15). Опубликовано материалы раскопок девяти объектов (V-1–3, 5; VIII-52; XIII-1; XX-14; XXI-3; XXV-14) (Овчинникова Б.Б., 1982; 2004).

2. Ак-Туруг. Некрополь расположен на территории одноименного поселка, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством С.И. Вайнштейна в 1957 г. Исследовано два погребения тюркской культуры (курганы №1, 5). Материалы опубликованы (Вайнштейн С.И., 1958).

3. Аксы-Барлык. Одиночный курган обнаружен у одноименного населенного пункта в Барун-Хемчикском районе Республики Тыва. Объект исследован сотрудниками Тувинского краеведческого музея. Материалы частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979).

4. Аргалыкты. Археологический комплекс находится у подножия одноименного хребта, близ пос. Кара-Тал, недалеко от г. Шагонар, на левом берегу р. Енисей, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Раскопки на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1965–1967 гг. На I, VIII, IX группах некрополя исследовано шесть курганов тюркской культуры. Материалы опубликованы лишь частично (Трифонов Ю.И., 1966–1967, 1968, 2000).

5. Аржан. Археологический комплекс находится в долине р. Уюк (центр Турано-Уюкской котловины). Рядом с известным «царским» курганом скифской эпохи исследовано погребение тюркской культуры. Раскопки проводились экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством М.Н. Комаровой в 1971 г. Материалы опубликованы (Комарова М.Н., 1973).

6. Бай-Даг. Могильник расположен близ г. Шагонар в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились С.А. Теплоуховым в 1927 г. Материалы исследований двух погребений тюркской культуры частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979).

7. Бай-Тайга. Памятник находится в 10 км к юго-западу от пос. Бай-Тал, на левом берегу р. Биче-Шуй, в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1959 г. Исследованы одно погребение и один кенотаф тюркской культуры (59-1, 59-3). Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1966).

8. Дыгтык-Чарык-Аксы. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1974 г. Исследовано три погребения тюркской культуры (курганы №1–3). Материалы раскопок не опубликованы (Трифонов Ю.И., 1975).

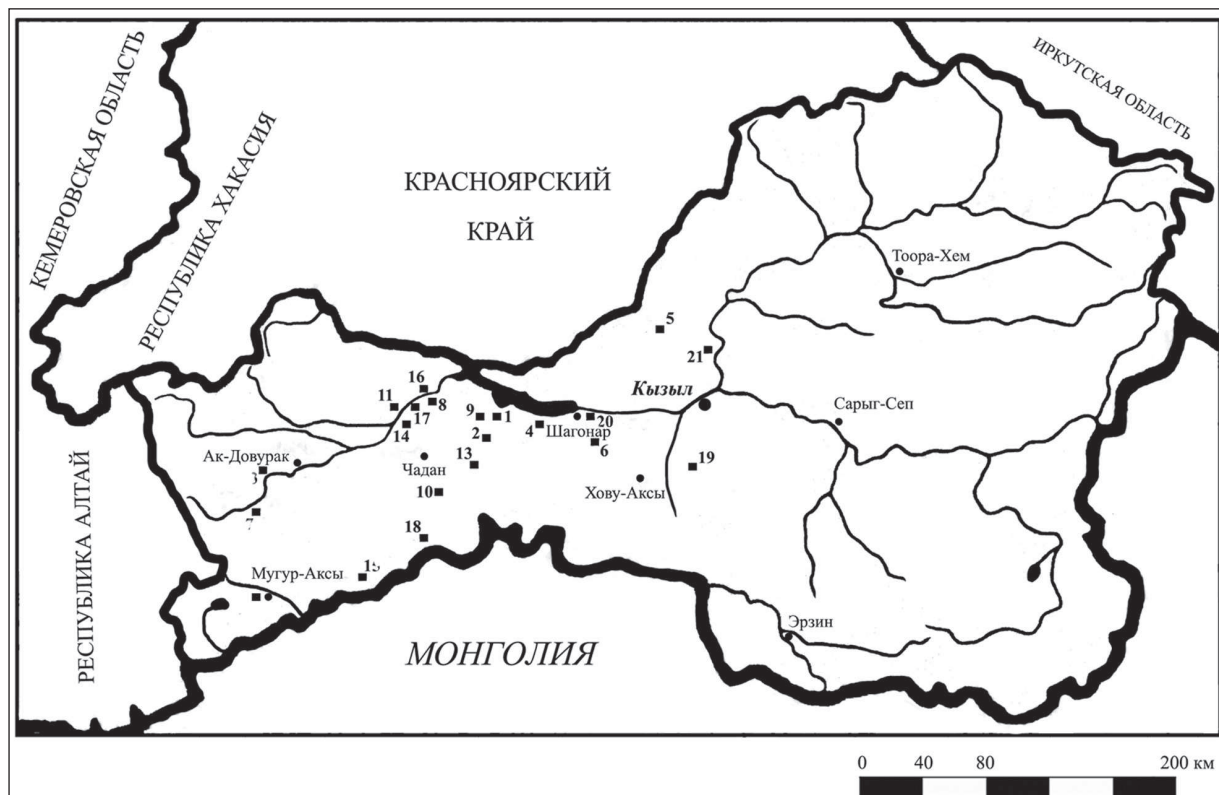
9. Кара-Тал. Комплекс памятников расположен в 7 км к юго-востоку от поселка Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1966–1968 гг. В группах I, III, IV исследовано шесть погребений тюркской культуры. Материалы не опубликованы (Трифонов Ю.И., 1967, 1968).

10. Кара-Чоога. Памятник находится в урочище Хендерге, в Дзун-Хемчикском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились археологической экспедицией под руководством С.И. Вайнштейна в 1953 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №4). Материалы опубликованы (Вайнштейн С.И., 1954).

11. Кокэль. Памятник расположен у отрогов Западного Саяна на левобережье р. Хемчик, близ поселка Ишкин-Аксы в Сут-Хольском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились вторым отрядом ТКЭАН под руководством С.И. Вайнштейна в 1959–1960 гг. Исследовано шесть погребений тюркской культуры (курганы №2, 6, 13, 22, 23, 47). Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1966).

12. Монгун-Тайга. Археологический комплекс находится в нескольких километрах к западу от пос. Мугур-Аксы, в долине р. Каргы, в Монгун-Тайгинском районе Республики Тыва. Исследования на памятнике проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1957–1958 гг. Раскопано восемь погребений тюркской культуры. Материалы опубликованы (Грач А.Д., 1958, 1960а-б).

13. Мугур-Саргол. Памятник находится в долине р. Ортаа-Саргол в Ча-Хольском районе Республики Тыва. Раскопки одиночного кургана тюркской культуры проводились Первым отрядом СТАЭ

Карта 2. Погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Тувы

ЛОИА АН СССР под руководством Г.В. Длужневской. Материалы не опубликованы, представлено описание погребения (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007).

14. Озен-Ала-Белиг. Памятник расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Хемчик, в Дзун-Хемчикском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились вторым отрядом ТКЭАН под руководством С.И. Вайнштейна в 1959–1960 гг. Исследовано два погребения без лошади, предположительно относящиеся к тюркской культуре. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1966).

15. Саглы-Бажи. Археологический комплекс находится на территории высокогорной Саглынской долины, в Овюрском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились СТЭАН под руководством А.Д. Грача в 1960–1961 гг. Исследованы пять погребений тюркской культуры. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1968).

16. Улуг-Бюк-II. Погребально-поминальный комплекс обнаружен на левом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились первым отрядом СТЭАН под руководством Г.В. Длужневской в 1974 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №1). Материалы раскопок опубликованы (Длужневская Г.В., 2000).

17. Улуг-Хову. Памятник расположен в одноименном урочище на правом берегу р. Хемчик, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Два погребения тюркской культуры раскопаны С.А. Теплоуховым в 1926 г. Материалы частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979).

18. Улуг-Хорум. Археологический комплекс находится в долине р. Саглы, в 7 км к западу от пос. Кызыл-Тей Овюрского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились СТЭАН под руководством А.Д. Грача в 1968 г. Раскопано одно впускное погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Грач В.А., 1982).

19. Успенская. Памятник расположен близ одноименного населенного пункта в Тандинском районе Республики Тыва. Некрополь исследовался в 1926 г. С.А. Теплоуховым. Раскопано одно впускное погребение тюркской культуры. Материалы частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979).

20. Часкал-II. Могильник расположен в 5 км к востоку от г. Шагонар, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились вторым отрядом СТЭАН под руководством

А.М. Мандельштама в 1966 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (курган №4). Материалы раскопок не опубликованы (Мандельштам А.М., 1967).

21. Черби. Могильник расположен на берегу р. Тапсы, в 0,5 км к югу-юго-западу от моста через нее, в Пий-Хемском районе Республики Тыва. Работы проводились экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством С.И. Вайнштейна в 1956–1957 гг. Исследовано два погребения тюркской культуры (курганы Б-18, Б-23). Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1958).

МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА (карта 3)

1. Абаканский чаатас. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Абакан, в 49 км от г. Абакан Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились Л.Р. и И.Л. Кызласовыми в 1972, 1982–1983 гг. Имеется краткая информация о нескольких исследованных погребениях тюркской культуры. Материалы не опубликованы (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984; 1985; Худяков Ю.С., 2004).

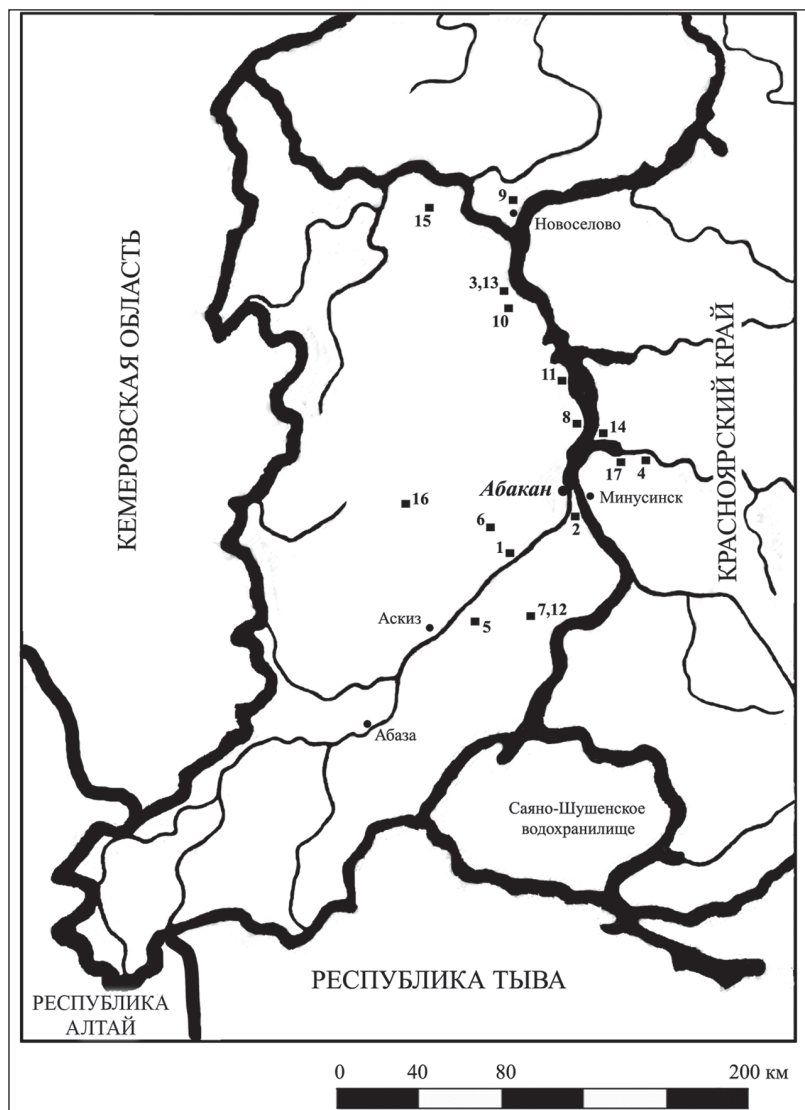
2. Белый Яр-II. Памятник расположен в 4 км от р. Абакан, в 5 км к востоку от с. Белый Яр Республики Хакасия. Работы на археологическом комплексе проводились археологической экспедицией Хакасского государственного университета в 1989–1994 гг. Исследовано семь курганов тюркской культуры, в которых находилось от одной до семи могил. Материалы опубликованы (Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И., 1993; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999).

3. Батеневская пристань. Могильник находится на левом берегу р. Енисей, в районе с. Батени Республики Хакасия. Раскопки на памятнике проводились С.А. Теплоуховым в 1924 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры. Материалы опубликованы (Нестеров С.П., 1999).

4. Георгиевская-III. Памятник расположен на одноименной горе, в долине р. Тубы, у с. Тесь Красноярского края. Работы на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством Э.Б. Вадецкой в 1971 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры. Материалы не опубликованы (Худяков Ю.С., 2004).

5. Ибыргыс-Кисте. Могильник находится на левом берегу р. Ут, на правом берегу р. Абакан, в Республике Хакасия. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией под ру-

ководством Ю.С. Худякова в 1983 г. Раскопано четыре погребения тюркской культуры (курганы №2–5). Материалы опубликованы (Худяков Ю.С., 1998; 2004).

Карта 3. Погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Минусинской котловины

6. Капчалы-II. Некрополь расположен в окрестностях одноименного поселка Республики Хакасия. Могильник исследован археологической экспедицией под руководством В.П. Левашовой в 1935–1936 гг. Раскопано двенадцать погребений тюркской культуры (курганы №1–3, 8, 10–13, 17, 19, 20, 22). Материалы частично опубликованы (Евтюхова Л.А., 1948; Левашова В.П., 1952; Худяков Ю.С., 2004).

7. Кирбинский Лог. Могильник находится в 4 км к северо-востоку от с. Сабинка, в 2,5 км к северо-западу от с. Новокурское Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились сотрудниками Среднеенисейской экспедиции в 1982 г. Исследовано пять впускных погребений тюркской культуры (курган №3 – могилы 1–4; курган №5 – могила 4). Материалы опубликованы (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988).

8. Красный Яр-V. Памятник расположен на левом берегу р. Енисей, под горой Оглахты, в Республике Хакасия. Работы на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством Э.Б. Вадецкой в 1972 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры. Материалы не опубликованы (Худяков Ю.С., 2004).

9. Маркелов Мыс. Археологический комплекс находится у одноименной горы, в 6–7 км к северу от с. Новоселово Красноярского края. Работы на памятнике Маркелов Мыс-I проводились археологической экспедицией под руководством Ю.В. Тетерина в 1988–1998 гг. Исследовано 28 погребений тюркской культуры. Материалы частично опубликованы (Тетерин Ю.В., 1992; 1999; 2000). Работы на некрополе Маркелов Мыс-II осуществлены археологической экспедицией под руководством О.А. Митько в 1988–1998 гг. Исследован ряд погребений тюркской культуры. Материалы опубликованы лишь частично (Митько О.А., 1992; 1999).

10. Над Поляной. Могильник расположен на левом берегу р. Енисей, к югу от с. Батени Республики Хакасия. Раскопки на некрополе проводились Карасукским отрядом Красноярской экспедиции под руководством А.А. Гавриловой в 1964 г. Исследовано несколько погребений тюркской культуры, в том числе два – с лошадьё. Материалы частично опубликованы (Нестеров С.П., 1999).

11. Перевозинский чаатас. Памятник находится на левом берегу р. Енисей у с. Абакано-Перевоз Республики Хакасия. Работы на некрополе проводились Копенским отрядом Красноярской экспедиции под руководством Л.П. Зяблина в 1967–1968 гг. (Зяблин Л.П., Кривонос А.А., 1968). Исследовано шесть погребений тюркской

культуры (курганы №79, 80, 82, 93, 94, 122). Материалы частично опубликованы (Худяков Ю.С., 2004).

12. Сабинка-I. Могильник расположен в 3 км к северу от одноименного села, в 1,5 км к северо-западу от с. Новокурское Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились сотрудниками Среднеенисейской экспедиции в 1982 г. Исследовано шесть впускных погребений тюркской культуры (курган №1 – могилы 2–5; курган №2 – могилы 2, 3). Материалы опубликованы (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988).

13. Таштык. Памятник расположен на седловине горы, на левом берегу р. Таштык, в 2,1 км от ее устья, в районе с. Батени Республики Хакасия. Одиночное погребение тюркской культуры было исследовано С.А. Теплоуховым в 1925 г. Материалы опубликованы (Нестеров С.П., 1982).

14. Тепсей-III. Могильник находится на правом берегу р. Енисей, под горой Тепсей, на границе Республики Хакасия и Красноярского края. Работы на археологическом комплексе проводились Красноярской экспедицией под руководством М.П. Грязнова в 1966–1969 гг. и Ю.С. Худякова в 1976 г. Исследовано девять погребений тюркской культуры (курганы №3, 9, 15, 19, 28, 32, 36, 50, 67). Материалы опубликованы (Комплекс археологических..., 1979; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979).

15. Терен-Кель. Некрополь расположен в 0,5 км от одноименного сухого озера, в 8 км от с. Когунек Республики Хакасия. Могильник исследовался археологической экспедицией под руководством Ю.С. Худякова в 1978–1987 гг. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №14, 15). Материалы опубликованы (Худяков Ю.С., 1999, 2004).

16. Уйбат-II. Археологический комплекс находится в Уйбатской степи, в 1,5 км от Уйбатского чаатаса. Работы на памятнике проводились Саяно-Алтайской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева в 1938 г. Исследовано два погребения тюркской культуры (курганы №1, 2). Материалы опубликованы (Евтюхова Л.А., 1948).

17. Усть-Тесь. Памятник расположен на левом берегу протоки р. Туба, к югу от заимки Усть-Тесь в Красноярском крае. Раскопки на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева в 1928 г. Исследовано одно погребение тюркской культуры (кольцо №2). Материалы опубликованы (Киселев С.В., 1929; Евтюхова Л.А., 1948).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. История исследования организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии	6
1.1. Краткий обзор итогов анализа письменных источников	7
1.2. Опыт интерпретации археологических материалов	14
Глава 2. Источники, проблемы и методы реконструкции социальной организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии	23
2.1. Источниковая база и программа исследования	23
2.2. Основные аспекты изучения погребального обряда раннесредневековых тюрок	36
Глава 3. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов)	49
3.1. Гендерный анализ погребальных комплексов	50
3.2. Возрастная дифференциация общества кочевников	65
3.3. «Социальные маркеры» погребального обряда	76
3.4. Моделирование структуры социума раннесредневековых тюрок	99
Глава 4. Основные аспекты изучения организации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии	106
4.1. Специфика профессиональной организации раннесредневековых тюрок	106
4.2. Элита общества кочевников	119
4.3. Динамика социальной системы раннесредневековых тюрок	127
Заключение	144
Summary	147
Библиографический список	153
Список сокращений	184
Приложение. Список погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона	186

Научное издание

Серегин Николай Николаевич

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(по материалам погребальных комплексов)**

Монография

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 19.11.2013. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 500 экз. Заказ ____.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии «Концепт»:
656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51

